РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 2073-2929
DOI 10.22394/2073-2929

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:

ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА

Международный научно-аналитический журнал

Том 16, № 2 • 2022

Тема номера:
МНОГОВЕКТОРНОСТЬ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Партнер журнала — Евразийская экономическая комиссия

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям (Распоряжение Министерства науки и высшего образования Российский Федерации о включении в перечень рецензируемых научных изданий от 25.12.2020 номер 469-р):
08.00.01 – Экономическая теория (экономические науки), 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки), 08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки), 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право (юридические науки), 12.00.10 – Международное право; европейское право (юридические науки), 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки), 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки), 23.00.05 – Политическая регионалистика. Этнополитика (политические науки), 23.00.05 – Политическая регионалистика. Этнополитика (социологические науки).
Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде. Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004, Санкт-Петербург,
В. О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс: (812) 335-42-16
https://www.eijournal.ru

© Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2022
© Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2022
© Редколлегия журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» (составитель), 2022
© Все права защищены

 Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION

NORTH-WEST INSTITUTE OF MANAGEMENT

ISSN 2073-2929
DOI 10.22394/2073-2929

EURASIAN INTEGRATION:

ECONOMICS, LAW, POLITICS

International Scientific and Analytical Journal

Vol. 16 No 2 • 2022

Topic of the Issue:
MULTI-VECTOR OF EURASIAN INTEGRATION

Partner of the journal — Eurasian Economic Commission

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE: 199004, St. Petersburg,
V.O., 8th line, 61
Ph.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Fax: (812) 335-42-16
Website: https://www.eijournal.ru

© Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2022
© North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2022
© Editorial Board of the Journal „Eurasian Integration: Economics, Law, Politics“ (compilation), 2022
© All rights reserved
It is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГЛАЗЬЕВ Сергей Юрьевич, Член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КЕФЕЛИ Игорь Федорович, директор Центра геополитической экспертизы СЗИУ РАНХиГС, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, эксперт Российской академии наук

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

МЯСНИКОВИЧ Михаил Владимирович, Председатель международного научного совета, Председатель Коллегии Евразийской экономической комиссии, член-корреспондент НАН Беларуси, доктор экономических наук, профессор

ШАМАХОВ Владимир Александрович, научный руководитель международного научного совета, советник ректора РАНХиГС, научный руководитель СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса

СЛУЧЕВСКИЙ Вячеслав Владимирович, заместитель научного руководителя международного научного совета, советник научного руководителя Северо-Западного института управления РАНХиГС, кандидат исторических наук

АЛИМБЕКОВ Мусабек Тургынбекович, почетный профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук (Казахстан)

БЕБЕНИН Сергей Михайлович, Председатель Законодательного собрания Ленинградской области

БОНДУРОВСКИЙ Владимир Владимирович, заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, кандидат юридических наук

КОГУТ Виктор Григорьевич, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального собрания Республики Беларусь в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук

КУЧЕРЯВЫЙ Михаил Михайлович, доктор политических наук

ЛОКЯН Арсен Багдасарович, ректор Академии государственного управления Республики Армения, доктор психологических наук

МАКСИМЦЕВ Игорь Анатольевич, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор

РАХИМИ Фарход Кодирович, действительный член, президент Академии наук Республики Таджикистан, доктор физико-математических наук, профессор

САТВАЛДИЕВ Нурбек Абдрашитович, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук

САФАРЗОДА Бахтовар Амирали, заместитель Генерального секретаря ПА ОДКБ, полномочный представитель Маджлиси Оли — парламента Республики Таджикистан, доктор юридических наук

ХАНЬ Лихуа, старший научный сотрудник Университета международного бизнеса и экономики (Китай), PhD, профессор

ЧИЛИНГАРЯН Айк Марселович, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального Собрания Республики Армения в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат экономических наук

ШУХНО Сергей Степанович, заместитель начальника отдела Департамента развития интеграции Евразийской экономической комиссии

ЭРКЕБАЕВ Абдыганы Эркебаевич, академик Национальной Академии наук Кыргызской Республики, председатель совета Ассамблеи народа Кыргызстана, доктор филологических наук

ЯКУНИН Владимир Иванович, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор политических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АБАЙДЕЛЬДИНОВ Ербол Мусинович, профессор кафедры международного права Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук, профессор (Казахстан, Нур-Султан)

АКАЕВ Аскар Акаевич, доктор технических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, иностранный член Российской академии наук (Кыргызстан)

АСАУЛ Максим Анатольевич, заместитель директора департамента транспорта и инфраструктуры Евразийской экономической комиссии, доктор экономических наук (Россия, Москва)

ВЕТРЕНКО Инна Александровна, заведующая кафедрой социальных технологий СЗИУ РАНХиГС, директор Исследовательского аналитического центра «Русская мечта», доктор политических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

ДЕНИСОВ Андрей Иванович, посол Российской Федерации в Китайской Народной Республике, Чрезвычайный и Полномочный посол, кандидат экономических наук (Россия, Москва)

ЕНГОЯН Ашот Пайлакович, заведующий кафедрой теории и истории политической науки Ереванского госуниверситета, доктор политических наук, профессор (Армения, Ереван)

ЕРЕМЕЕВ Станислав Германович, депутат Законодательного собрания Ленинградской области, доктор экономических наук, кандидат политических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

КАЗАНЦЕВ Андрей Анатольевич, директор аналитического центра Института международных исследований Московского государственного института международных отношений, доктор политических наук (Россия, Москва)

КАШКИН Сергей Юрьевич, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

КАЮМОВ Нуриддин Каюмович, академик Академии наук Республики Таджикистан, доктор экономических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

КИРИЛЕНКО Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права СЗИУ РАНХиГС, академик РАЕН, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, редактор раздела «Право» (Россия, Санкт-Петербург)

КРОТОВ Михаил Иосифович, Полномочный представитель Федерального Собрания Российской Федерации — заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва, Санкт-Петербург)

КУКЛИНА Евгения Анатольевна, профессор кафедры бизнес-информатики СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, профессор, редактор раздела «Экономика» (Россия, Санкт-Петербург)

ЛЕБЕДЕВА Марина Михайловна, заведующая кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Россия, Москва), доктор политических наук, профессор

ЛИВЕРОВСКИЙ Алексей Алексеевич, научный руководитель юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, заведующий кафедрой конституционного права, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, профессор кафедры международного и гуманитарного права СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических и юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

НОВИКОВА Ирина Николаевна, декан факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

РЕМЫГА Владимир Николаевич, генеральный директор Координационного центра «Экономический пояс Шелкового пути», доктор экономических наук (Россия, Москва)

СЕРГЕВНИН Сергей Львович, декан юридического факультета СЗИУ РАНХиГС, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

СТАРОВОЙТОВ Александр Александрович, заведующий кафедрой конституционного и административного права СЗИУ РАНХиГС, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

ТОРОПЫГИН Андрей Владимирович, профессор кафедры международных отношений СЗИУ РАНХиГС, доктор политических наук, редактор раздела «Политика» (Россия, Санкт-Петербург)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права РАН, главный редактор Евразийского юридического журнала, доктор юридических наук (Россия, Москва)

ХАШ-ЭРДЭНЭ Самбалхундэв, председатель общества «Знание» Монголии, доктор социологических наук, профессор (Монголия, Улан-Батор)

ЧЭНЬ ЧЖИГАН, вице-президент Китайского делового центра в Санкт-Петербурге, доктор экономических наук (Китай, Пекин)

CHIEF EDITOR

GLAZYEV Sergey, Member of the Board — Minister in charge of Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

DEPUTY CHIEF EDITOR

KEFELI Igor, Director of the Center for Geopolitical Expertise, North-West Institute of Management, RANEPA, Professor, Doctor of Philosophy, Expert of the Russian Academy of Sciences

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

MYASNIKOVICH Mikhail, Chairman of the International Scientific Council, Chairman of the Board of the Eurasian Economic Commission, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of Economics, Professor

SHAMAKHOV Vladimir, Scientific Supervisor of the Council, Advisor to the Rector of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Research Supervisor of the North-West Institute of Management — branch of the RANEPA, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class

SLUCHEVSKY Vyacheslav, Deputy Scientific Supervisor of the Council, Advisor to the Research Supervisor of North-West Institute of Management of RANEPA, PhD in Historical Sciences

ALIMBEKOV Musabek, honorary professor of the L. N. Gumilyov Eurasian National University, Doctor of Laws

BEBENIN Sergey, Chair of the Legislative Assembly of the Leningrad Region

BONDUROVSKY Vladimir, Deputy Executive Secretary of the CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Law

KOGUT Viktor, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Belarus in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Sciences

KUCHERYAVY Mikhail, Doctor of Political Sciences

LOKYAN Arsen, Rector of the Academy of Public Administration of the Republic of Armenia, Doctor of Psychology

MAKSIMTSEV Igor, Rector of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Economics, Professor

RAHIMI Farhod, President of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of Physics and Mathematics, Professor

SATVALDIEV Nurbek, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Sciences

SAFARZODA Bakhtovar, Deputy Secretary-General, Secretariat of the CSTO Parliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of Majlisi Oli — Parliament of the Republic of Tajikistan, Doctor of Laws

HAN Lihua, Senior Researcher of University of International Business and Economics (China), PhD, Professor

CHILINGARYAN Ayk, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Armenia in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Economics

SHUKHNO Sergey, Deputy Head of the subdivision of the Department for the Development of Integration of the Eurasian Economic Commission

ERKEBAYEV Abdygany, Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Doctor of Philology

YAKUNIN Vladimir, Head of the State Policy Department of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences, Professor

EDITORIAL BOARD

ABAYDELDINOV Erbol, Doctor of Laws, Professor, Department of Integrational Law, Faculty of Law, L. N. Gumilyov Evrasian National University (Kazakhstan, Nur-Sultan)

AKAEV Askar, Doctor of Technical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Kyrgyzstan)

ASAUL Maksim, Deputy Director of the Department of Transport and Infrastructure of the Eurasian Economic Commission (Russia, Moscow), Doctor of Economics

VETRENKO Inna, Head of the Department of Social Technologies of the North-West Institute of Management of the RANEPA, Director of the Research Analytical Center "Russian Dream" (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Political Sciences, Professor

DENISOV Andrey, Ambassador the Russian Federation to the People's Republic of China, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary (Russia, Moscow), PhD in Economics

ENGOYAN Ashot, Head of the Department of Theory and History of Political Science of Yerevan State University (Armenia, Yerevan), Doctor of Political Sciences, Professor

YEREMEEV Stanislav, Deputy of the Legislative Assembly of the Leningrad Region (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Economics, PhD in Political Sciences, Professor

KASHKIN Sergey, Head of the Department of Integration and European Law of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Professor, Department of "Zhan Monnet" (European Union) (Russia, Moscow), Doctor of Laws, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

KAZANTSEV Andrey, Director of Analytical Center, Institute of International Studies of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow), Doctor of Political Sciences

KAYUMOV Nuriddin, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan, Dushanbe), Doctor of Economics, Professor

KIRILENKO Viktor, Head of the Department of International and Humanitarian Law, North-West Institute of Management of RANEPA, academician of the Russian Academy of natural Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation, editor of the "Law" section (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Laws, Professor, Academician of RANS

KROTOV Mikhail, Plenipotentiary Representative of the Federal Assembly of the Russian Federation — Deputy Executive Secretary of the CSTO PA (Russia, Moscow, Saint Petersburg), Doctor of Economics, Professor

KUKLINA Evgenia, Chair of Business Informatics of North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), Editor of the "Economics" section, Doctor of Economics, Professor

LEBEDEVA Marina, Head of the Department of World Political Processes of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow), Doctor of Political Sciences, Professor

LIVEROVSKY Alexey, Scientific Director of the Faculty of Law of St. Petersburg State University of Economics, Head of the Department of Constitutional Law (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Laws, Professor

MISHALCHENKO Yuri, Professor of the Department of International and Humanitarian Law of the North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Economics, Doctor of Laws, Professor

NOVIKOVA Irina, Dean of the Faculty of International Relations of St. Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg), Doctor of History, Professor

REMYGA Vladimir, Director-General of the Coordination Center "Economic Belt of the Silk Road" (Russia, Moscow), Doctor of Economics

SERGEVNIN Sergey, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of History and Theory of State and Law, North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor

STAROVOITOV Alexander, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor

TOROPYGIN Andrey, Professor North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), editor of the "Politics" section, Doctor of Political Sciences

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Laws, Leading Researcher, Sector of International Legal Studies, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), Editor-in-Chief of the Eurasian Law Journal

KHASH-ERDENE Sambalhundev, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chairman of the society "Knowledge" of Mongolia (Mongolia, Ulan-Bator)

CHEN ZHIGAN, Doctor of Economics, Vice-President of the Chinese Business Center in Saint Petersburg (China, Beijing)

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА
Международный научно-аналитический журнал
Том 16, № 2 2022

Содержание

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Глазьев С. Ю.
Свой путь ... 9

ГЛАВНОЕ

Мясникович М. В., Ковалёв В. С.
Евразийский экономический союз: переосмысливая суверенный путь развития ... 11

ЭКОНОМИКА

Кудаяров У. Б., Матазимов А. М.
Концепция «государство развития» в контексте евразийской интеграции ... 18

Куклина Е. А., Наумов В. Н.
Программы «двойной магистратуры» как инструмент формирования единого образовательного пространства ЕАЭС ... 28

Мигалева Т. Е., Подбиралина Г. В., Разумнова Л. Л.
Сближение позиций государств — членов ЕАЭС по вопросам климатической повестки и углеродного регулирования ... 41

Давыдова Ю. А., Каргаполова Е. В.
Сотрудничество России и Казахстана как вектор евразийской интеграции ... 51

Погодин С. Н., Ягья Т. С.
К вопросу о развитии китайского рынка электронной коммерции ... 60

Полийчук А. С.
О некоторых исторических особенностях легализации незаконных доходов в России и Китае ... 70

Мамытов У. Э.
Внешние факторы ускоренной модернизации Японии в конце XIX века ... 77

ПРАВО

Кириленко В. П., Алексеев Г. В., Чаава М. З.
Международная защита прав трудящихся-мигрантов и миграционное законодательство ... 84

ПОЛИТИКА

Сальников В. И., Котов Е. В.
Особенности политического транзита на постсоветском пространстве (на примере ПМР и ДНР) ... 95

Кок Севги
Культурная политика на городском уровне в контексте формирования национальной идентичности (на примере Нур-Султана) ... 107

Ху Янъли, Плебанек О. В.
Два взгляда на одну проблему: Евразийский проект и «Один пояс — один путь» ... 118

Веселова Д. Н.
Государственная экологическая политика России и Китая в Арктике: общее и особенное ... 130

Выходец Р. С.
Стратегия Китая в области искусственного интеллекта ... 140

Грибанова Г. И., Магдалюк А. В.
Арктическая стратегия Японии и национальные интересы России ... 148

Храмова А. В.
Разрешение противоречия между национальными и наднациональными интересами как инструмент раскрытия потенциала региональной интеграции ... 158

Журавлев О. М., Матвеев И. А.
Государственный капитализм в России: состояние исследований (часть 1) ... 169

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Цифровизация общества и система социального кредита: проблемы, перспективы ... 176

АВТОРАМ ЖУРНАЛА «ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА»

Правила оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией научно-аналитического журнала «ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА» ... 177

EURASIAN INTEGRATION: economics, law, politics
International scientific and analytical journal
Vol. 16 No 2 2022

CONTENTS

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Sergei Yu. Glazyev
Own way 9

MAIN

Mikhail V. Myasnikovich, Vladimir S. Kovalev
The Eurasian Economic Union: Rethinking the Sovereign Path of Development 11

ECONOMICS

Ulanbek B. Kudaiarov, Abakir M. Matazimov
The Concept of "Developmental State" in the Context of Eurasian Integration 18

Evgeniya A. Kuklina, Vladimir N. Naumov
Dual Master's Programs as a Tool for the Formation of a Single Educational Space of the EAEU 28

Tatyana E. Migaleva, Galina V. Podbiralina, Lyudmila L. Razumnova
Rapprochement of the Positions of the EAEU Member States on the Issues of the Climate Agenda and Carbon Regulation 41

Yulia A. Davydova, Ekaterina V. Kargapolova
Cooperation between Russia and Kazakhstan as a Vector of Eurasian Integration 51

Sergey N. Pogodin, Talie S. Yagya
On the Development of Chinese e-Commerce Market 60

Andrei S. Poliychuk
On Some Historical Aspects of Money Laundering in Russia and China 70

Mamytov U. E.
Outer Factors of Meiji Japan's Fast Modernization at the End of the 19th Century 77

LAW

Viktor P. Kirilenko, Georgy V. Alekseev, Mariam Z. Chaava
International Protection of Migrant Workers Rights and Migration Legislation 84

POLITICS

Vyacheslav I. Salnikov, Evgeny V. Kotov
Features of political transit in the post-soviet space (on the example of the Pridnestrovian Moldavian Republic and the Donetsk People's Republic) 95

Kok Sevgi
Cultural Policy at the City Level in the Context of the Formation of National Identity (on the Example of Nur-Sultan) 107

Hu Yanli, Olga V. Plebanek
Two Views on One Problem: The Eurasian Project and "One Belt — One Road" 118

Darya N. Veselova
State Environmental Policy of Russia and China in the Arctic: General and Special 130

Roman S. Vykhodets
China's AI Strategy 140

Galina I. Gribanova, Alexandra V. Magdalyuk
Arctic Strategy of Japan and Russian National Interests 148

Aleksandra V. Khramova
Resolving the Contradiction between National and Supranational Interests as an Instrument of Realizing Regional Integration Potential 158

Oleg M. Zhuravlev, Ilya A. Matveev
State Capitalism in Russia: A Review Article (Part 1) 169

BOOK NOVELTIES

Digitalization of Society and the System of Social Credit: Problems, Prospects 176

For the authors of the journal "Eurasian Integration: Economics, Law, Politics"
Rules for the design of articles accepted for consideration by the editors of the scientific and analytical journal "Eurasian Integration: Economics, Law, Politics" 177

DOI 10.22394/2073-2929-2022-02-9-10

Свой путь

Последние месяцы в деловом календаре Большой Евразии ознаменовались целым рядом событий и мероприятий, продемонстрировавших резкую актуализацию и востребованность повестки дальнейшего интеграционного строительства в рамках Евразийского экономического союза. В конце мая в Бишкеке на полях Высшего евразийского экономического совета Республика Кыргызстан впервые в очном формате приняла Евразийский экономический форум, на котором, помимо скрупулезных дискуссий о макроэкономических параметрах стратегического развития Союза до 2025 г. и путях совместного реагирования государств на вызовы текущего момента, состоялось обсуждение культурно-гуманитарной и идеологической составляющих интеграции, той самой современной евразийской идеи, которая скрепляет единое экономическое пространство. В числе прочего руководителям научно-образовательных учреждений государств — членов Союза удалось выработать согласованные подходы по формированию Евразийского сетевого университета в формате консорциума без образования юридического лица заинтересованных вузов, научных институтов и промышленных объединений.

Несколькими неделями позже ЕАЭС и его перспективы в условиях обострившихся геоэкономических противоречий, порожденных синхронной сменой технологических и мирохозяйственных укладов, стали предметом рассмотрения на многочисленных тематических сессиях Петербургского международного экономического форума, в том числе в контексте расширения торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества с Африкой, Латинской Америкой и АСЕАН. При этом неизменно подчеркивалось, что качество международной деятельности напрямую связано с развитием интеграции внутри ЕАЭС и темпами достижения целей и задач, определенных Договором о ЕАЭС и Стратегией ЕАЭС до 2025 г. Так, анализ макроэкономической динамики, отраслевых направлений функционирования ЕАЭС позволил критически оценить уровень и качество интеграционного взаимодействия государств Союза. На данном этапе нам не следует уповать на возобновление полноформатного диалога с коллективным Западом, которого, как подчеркнул Президент России В. В. Путин на форуме в Петербурге, в обозримой перспективе ожидать не следует.

Стратегические направления до 2025 г., будучи универсальным и всеобъемлющим с точки зрения охвата документом стратегического планирования, в той мере, в которой сторонам удалось согласовать формулировки его мероприятий, позволяет в полной мере востребовать незадействованные резервы и источники роста, обеспечив выход интеграции на целевой — «Собственный центр силы» — сценарий экономического развития с достижимыми темпами ежегодного прироста ВВП Союза на 4,5–5,5%. Такая цель предусмотрена Основными ориентирами макроэкономической политики ЕАЭС до 2023 г., утвержденными главами государств Союза 27 мая с. г. Причем цель — абсолютно достижимая, предполагающая устранение сдерживающих интеграционные эффекты пробелов, к коим я отношу:

- недостаток интеграционных связей в реальном секторе, реализацию кооперационного потенциала государств-членов не в полном объеме, инертное развитие высокотехнологического сектора экономики (биотехнологии, аддитивные технологии, искусственный интеллект и т. д.) и, как следствие, недостаток кооперационных проектов и программ должного качества, способных стать «двигателями» интеграции;
- отсутствие отработанной и адекватной стоящим масштабным задачам инвестиционно-финансовой системы поддержки кооперационных проектов в Союзе;

- недооценку и минимальный охват стратегически значимых направлений интеграции (социальное, научно-технологическое, гуманитарное сотрудничество), что не позволяет гражданам государств ощутить положительные изменения, связанные с функционированием Союза.

Стратегия содержит 17 мероприятий, которые касаются ряда ключевых приоритетов, в т. ч. создание гибких механизмов целевого содействия экономическому развитию Союза, разработка и реализация совместных целевых проектов. Проблема ограниченности источников финансирования инфраструктурных проектов, высокотехнологичных производств и комплексов проявляется не только в отсутствии общего согласия на создание нового института развития, но и в масштабах финансовых операций ЕАБР и ЕФСР, имеющих в своем распоряжении меньше средств, нежели Всемирный банк, Азиатский банк развития, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, которые также реализуют свои проекты на территории государств ЕАЭС. Одним из вариантов в этом контексте является докапитализация евразийских институтов развития, в том числе в национальных валютах государств-членов, что создаст условия для расширения использования национальных валют во взаимных расчетах. Ведется разработка успешных национальных практик содействия производственной кооперации, наработанных Агентством стратегических инициатив. Полагаю, что в контексте определения источников финансирования союзного развития нам предстоит поставить вопрос о переходе (по аналогии с ЕС) от сметного финансирования к бюджету ЕАЭС, который мог бы формироваться за счет: 1) единых экспортных пошлин на вывоз углеводородов и других биржевых товаров; 2) единых платежей за загрязнение окружающей среды; 3) отчислений от импортных пошлин; 4) взносов сторон пропорционально ВВП. Расходная часть бюджета при таком подходе включала бы: 1) финансирование совместных целевых программ, инвестиционных и инновационных проектов; 2) совместные научные исследования; 3) общие образовательные программы; 4) выделение субсидий на привлечение кредитов для реализации общих приоритетов научно-технического прогресса.

Наконец, завершу ход своих рассуждений подчеркиванием важности *идеологии современного евразийства*. Евразийская идея сегодня — это согласованное понимание и видение общего будущего нашего Союза, концентрированное выражение его единства действий перед глобальными рисками и вызовами, решимости построить устойчивое и суверенное экономическое общежитие без угнетающих дисбалансов и социально-экономических разрывов. Отсутствие согласованных идеологических концептов и позиций в государствах ЕАЭС нередко ведет к упрощенной трактовке ценностей интеграции в угоду экономоцентризму и превалированию национального эгоизма над союзной аксиологией. Это, в свою очередь, ослабляет доверие к ближайшим партнерам и союзникам и заметно сдерживает создание динамично развивающегося единого экономического пространства в угоду наращивания торгово-экономического сотрудничества с третьими странами.

Идеология современного евразийства, надо полагать, позволит конкретизировать и путь формирования Сообщества единой судьбы человечества, предложенный китайскими коллегами в рамках идеи «Одного пояса — одного пути», с которой сопрягается Стратегия ЕАЭС. Это — создание коалиции стран на основе нового, интегрального мирохозяйственного уклада, на уважении национальных интересов, на взаимовыгодном добровольном сотрудничестве и строгом соблюдении норм международного права. Главной функцией государства в новом мирохозяйственном укладе становится гармонизация интересов всех социальных групп ради достижения общей цели — повышения народного благосостояния. Стратегическое планирование сочетается с рыночной конкуренцией, а государственный контроль за денежной системой и инфраструктурными отраслями — с частным предпринимательством, свобода которого ограничивается государством только теми видами деятельности, которые способствуют достижению указанной общей цели. Интегральный мирохозяйственный уклад предусматривает синтез социалистической идеологии, рыночной экономики и национальных интересов.

Сергей Глазьев,
главный редактор,
академик РАН

DOI 10.22394/2073-2929-2022-02-11-17

Евразийский экономический союз: переосмысливая суверенный путь развития

Мясникович М. В.*, Ковалёв В. С.
Евразийская экономическая комиссия, Москва, Российская Федерация; * myasnikovich@eecommission.org

РЕФЕРАТ

Цель. Раскрыть основные направления работы Евразийской экономической комиссии и Евразийского экономического союза (ЕАЭС) на ближайшую перспективу.

Задачи. Оценить процессы евразийской интеграции как в ретроспективном контексте, так и с точки зрения актуальных геополитических и геоэкономических событий.

Методология. Статистический, сравнительный анализ, качественная оценка, системный подход, проектный подход.

Результаты. Очерчены контуры дальнейшего развития ЕАЭС с акцентом на создание суверенной экономической модели, совершенствование институциональной и правовой систем Союза, взаимовыгодное сотрудничество со стабильными международными партнерами.

Выводы. История становления Евразийского экономического союза связана с успешным преодолением внешних и внутренних вызовов, что однозначно говорит о его состоятельности. В текущих условиях ЕАЭС необходимо переосмыслить суверенный путь развития, внести корректировки в логику и механизмы совершенствования интеграционной работы, использовать базовые условия для укрепления собственной самодостаточности.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, Евразийская экономическая комиссия, интеграция, инновационная экономика, торговая политика, климатическая повестка, Большое Евразийское партнерство

Для цитирования: *Мясникович М. В., Ковалёв В. С.* Евразийский экономический союз: переосмысливая суверенный путь развития // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 2. С. 11–17.

The Eurasian Economic Union: Rethinking the Sovereign Path of Development

Mikhail V. Myasnikovich*, **Vladimir S. Kovalev**
Eurasian Economic Commission, Moscow, Russian Federation; * myasnikovich@eecommission.org

ABSTRACT

Aim. To reveal the main areas of work of the Eurasian Economic Commission and the Eurasian Economic Union (EAEU) in the near future.

Tasks. Assess the processes of Eurasian integration both in a retrospective context and in terms of current geopolitical and geo-economic events.

Methods. Statistical, comparative analysis, qualitative assessment, system approach, project approach.

Results. The contours of the further development of the EAEU are outlined with an emphasis on the creation of a sovereign economic model, the improvement of the institutional and legal systems of the Union, and mutually beneficial cooperation with stable international partners.

Conclusions. The history of the formation of the Eurasian Economic Union is connected with the successful overcoming of external and internal challenges, which clearly indicates its viability. In the current conditions, the EAEU needs to rethink the sovereign path of development, make adjustments

to the logic and mechanisms for improving integration work, use the basic conditions to strengthen its own self-sufficiency.
Keywords: Eurasian Economic Union, Eurasian Economic Commission, integration, innovative economy, trade policy, climate agenda, Great Eurasian Partnership
For citing: Myasnikovich M. V., Kovalev V. S. The Eurasian Economic Union: Rethinking the Sovereign Path of Development // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2022. Vol. 16. No. 2. P. 11–17.

Введение

История создания и становления Евразийского экономического союза неразрывно связана с преодолением глобальных экономических кризисов, а также внешних и внутренних вызовов. С большинством из них Союз успешно справился, что однозначно говорит о его состоятельности как интеграционного объединения. Серьезным экзаменом для ЕАЭС стал 2020 г., в котором все мы столкнулись с развернувшейся в мировых масштабах пандемией COVID-19, повлекшей глобальные экономические последствия. По данным МВФ, мировая экономика тогда сократилась на 3,1%, при этом ВВП Союза уменьшился на 2,7%.

Для преодоления пандемии на уровне Союза были оперативно предприняты скоординированные действия. В рамках цифровой повестки ЕАЭС свое развитие получили экосистемы цифровых транспортных коридоров, Евразийская сеть промышленной кооперации и субконтрактации, унифицированная система поиска «Работа без границ» и др. Благодаря усилиям правительств государств — членов ЕАЭС и в соответствии со Стратегическими направлениями развития евразийской экономической интеграции до 2025 года, утвержденными главами государств Союза, в 2021 г. был обеспечен рост ВВП на 4,6% (до 2,057 трлн долл.), чем был превышен допандемийный уровень. Рекордные значения, исторический максимум за все время существования Союза достигнуты во внешней торговле — 844 млрд долл. (рост на 35,1% к 2020 г. и на 15,8% к 2019 г.). Выросли кооперационные поставки (+31,5%). Объем промышленного производства ЕАЭС в 2021 г. составил 1,4 трлн долл. и увеличился по сравнению с 2020 г. на 5,3%. В первом квартале 2022 г. ВВП ЕАЭС вырос на 3,5%, производство промышленной продукции в ЕАЭС — на 3,7% по сравнению с аналогичным периодом 2021 г. Это реальные показатели эффективности деятельности ЕАЭС и ответ на вопрос: что дает Евразийский экономический союз?

Оценка глубины кризисных явлений на старте и сегодняшнее положение дел позволяют сделать принципиальный вывод: государствам-членам по сравнению с другими регионами мира удалось преодолеть резкое падение экономической активности и довольно быстро выйти на восстановительный рост. Это стало возможным благодаря сформированным на наднациональном уровне интеграционным преимуществам.

Система приоритетов стратегического развития ЕАЭС: курс на укрепление самодостаточности

Современный динамично меняющийся мир требует гораздо большей гибкости и мобильности, инновационных подходов и идей. Присутствуют ожидания, что ЕАЭС (или ЕЭК) должен выработать не только соответствующую повестку, но и трансформировать стиль своей работы. Определенные подходы были заложены в Стратегии-2025, принятие которой главами государств — членов ЕАЭС стало своевременным и дальновидным шагом. На базе Стратегии реализуется проектный подход по основным направлениям евразийской повестки. Это существенно ускоряет работу, позволяет фиксировать конкретные цели и формировать ресурсы (управленческие, финансовые) для их достижения. На основе данного подхода среднесрочной целью выступает создание совместных финансово-промышленных групп и евразийских транснациональных корпораций как символов евразийской интеграции. Стратегия содержит «человеческое измерение» интеграции: предусмотрено повышение доступности и уровня медицинского обслуживания граждан во всех странах Союза, телемедицина, взаимное признание ученых званий и степеней, создание информационных образовательных систем, развитие туризма как сферы экономики, а также

широкое вовлечение граждан в процессы интеграции. Принятие Стратегии — это одновременно и баланс интересов, и олицетворение политической воли глав государств Союза на углубление интеграции. Именно к 2025 г. должны быть реализованы амбициозные цели по созданию общего энергетического и финансового рынков Союза. На новом этапе необходимо достижение национальных интересов и союзных целей в комплексе, это запрос государств-членов и объективная реальность.

Время лозунгов и деклараций прошло. 2022–2023 гг. — это «момент истины», особенно в условиях санкций. Следует признать, что евразийская интеграция является необходимой точкой опоры для государств — членов Союза. Во-первых, ЕАЭС — это огромный внутренний рынок на 184 млн чел., функционирующий по единым правилам. Речь идет не только о внешнем контуре (т. е. таможенном союзе), но и о свободе движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы на основе единых правил технического регулирования, социального обеспечения и т. д., то есть именно о полноформатной экономической интеграции *(по экспертным оценкам, ЕАЭС занимает 2-е место в мире после ЕС по глубине экономической интеграции*[1]*).* Это позволяет экономикам работать по полному циклу, что нивелирует негативные эффекты от внешнего давления и является внутренним источником развития.

В то же время предстоит переосмыслить суверенный путь развития ЕАЭС, внести корректировки в логику и механизмы совершенствования интеграционной работы, использовать базовые условия для укрепления собственной самодостаточности. ЕЭК предпринимает реальные меры. В частности, с целью оперативного реагирования и обеспечения стабильности экономической ситуации ЕЭК совместно с министерствами экономики и финансов, а также с национальными банками стран Союза уже в марте 2022 г. подготовила перечень первоочередных мер (34 меры) по повышению устойчивости экономик государств — членов ЕАЭС:

– таможенное, таможенно-тарифное и нетарифное регулирование, а также ряд защитных мер;

– внутренний рынок и кооперация: формирование новых логистических цепочек, создание условий для беспрепятственного перемещения граждан в рамках Союза, стимулирование взаимных инвестиций, оптимизация процедуры регистрации лекарственных средств и медицинских изделий, ускоренное формирование комплекса мер по полноценной цифровизации государственных закупок, разработка механизмов и программ обусловленного целевого финансирования для развития догоняющих экономик государств-членов;

– финансовые и валютные рынки: расширение использования национальных валют при осуществлении расчетов во взаимной торговле, обеспечение взаимодействия национальных систем передачи финансовых сообщений, ускоренное формирование Евразийской перестраховочной компании;

(*Эти три блока вопросов должны обеспечить существенный рост взаимной торговли, объем которой за 2021 г. составил 72,6 млрд долл. На сегодняшний день это порядка 15% от внешних экспортных поставок Союза*.)

– международное экономическое сотрудничество с третьими странами и интеграционными объединениями: проработка механизмов расширения торгово-экономического сотрудничества с ключевыми партнерами, заключение соглашений об устранении технических барьеров во взаимной торговле.

Для оказания первоочередных мер поддержки, направленных на повышение экономической устойчивости, а также насыщения внутреннего рынка были временно скорректированы ставки пошлин и установлен ряд тарифных льгот в отношении товаров, являющихся социально значимыми. Речь идет о продовольственных товарах и товарах, используемых для их производства. В перечень вошли такие товары, как злаки, молочная продукция, соки, какао-порошок, крахмалы и др. Кроме того, в список вошли товары для производства фармацевтической, металлургической и электронной продукции; товары, используемые для развития цифровых технологий; товары для производства продукции легкой промышленности, а также товары, применяемые в строительной и транспортной отраслях. Благодаря принятому решению обеспечено необходимое предложение на внутреннем рынке Союза, а предприниматели-импортеры

[1] ЕАЭС занял 2-е место после Евросоюза по уровню институциональной интеграции [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: https://eec.eaeunion.org/news/eaes-zanyal-2-e-mesto-posle-evrosoyuza-po-urovnyu-institutsionalnoj-integratsii/ (дата обращения: 02.06.2022).

получили возможность сократить свои расходы в объеме более 2,5 млрд долл. США в годовом исчислении. В ЕАЭС также повышен порог беспошлинного ввоза посылок для физических лиц с 200 до 1000 евро. Аналогичные меры приняты по беспошлинному ввозу физическими лицами товаров в багаже.

Самое пристальное внимание при этом уделяется вопросам логистики, в том числе формированию мультимодальных транспортных коридоров и новых каналов экспорта и импорта. В этих целях в 2021 г. Коллегией ЕЭК утвержден перечень евразийских транспортных коридоров и маршрутов. В него вошли:

– Евразийские одномодальные железнодорожные маршруты (от границы Китая до Европы с ответвлениями по территории Казахстана, а также от Новосибирска до Бишкека с ответвлениями до границы Узбекистана);

– Евразийский мультимодальный маршрут (от границы Китая до морского порта Новороссийск в железнодорожном сообщении и от Владикавказа до границы Грузии и далее до Еревана в автомобильном сообщении);

– Евразийские автомобильные коридоры по территории государств-членов.

Уже разработан и утвержден проект «Евразийский агроэкспресс», направленный на ускоренные контейнерные перевозки сельхозпродукции и продовольствия из Китая и обратно и из Узбекистана и обратно. Во время проведения Первого Евразийского экономического форума 26 мая 2022 г. первые тонны продукции в рамках данного проекта уже начали поставляться. Отметим, что перечень направлений перевозок будет постоянно расширяться. Их регулярность позволит сформировать конкурентный морскому фрахту тариф и сократить сроки поставок (например, в Китай до 10–14 дней). Кроме того, сухопутное перемещение товаров исключает влияние Запада на транспортные коммуникации, поскольку морские перевозки сопряжены с возможными санкционными действиями со стороны недружественных государств.

Параллельно выстраивается цифровая экосистема транспортных коридоров. Она должна стать основой для транснационального цифрового решения, обеспечивающего оказание в цифровом виде более 100 различных сервисов, связанных с осуществлением транспортных операций на территории Союза, а также возможность его интеграции с аналогичными цифровыми экосистемами третьих стран. Первый этап — «витрина национальных сервисов цифровых транспортных коридоров», предполагающий цифровизацию первых десяти транспортных сервисов. Работы планируется завершить уже в текущем году.

В рамках ЕАЭС особый акцент сделан на импортозамещение и технологическую модернизацию. Вместе с тем, по оценке ЕЭК, только 27,4% ввозимых в ЕАЭС промтоваров на сумму около 70 млрд долл. может быть замещено продукцией национальных производителей. И хотя объем взаимной торговли в рамках ЕАЭС за последний год увеличился почти на треть (31,9%), возможности для полного самообеспечения ограничены. В этой связи предстоит создавать новые высокотехнологичные предприятия и производства в наиболее импортозависимых сферах, которые также могут обеспечить региональное технологическое лидерство ЕАЭС: микроэлектроника, авиастроение, сельскохозяйственное машиностроение, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и фармакология, производство медицинского оборудования, новых материалов и др., где у нас в ЕАЭС имеются соответствующие школы и компетенции. Например, ведется работа по локализации мощностей для сборки и технического обслуживания воздушных судов и производства авиакомпонентов. Утверждена соответствующая дорожная карта, реализующая инициативу Президента России В. В. Путина. Реализуется утвержденный Евразийским межправительственным советом План по повышению уровня обеспеченности стран Союза стратегически важными лекарствами и фармсубстанциями, что будет способствовать созданию в странах ЕАЭС полного цикла производства наиболее важных лекарственных препаратов, вакцин. Евразийская экономическая комиссия активно работает над созданием стимулов для инновационного экономического развития. Достаточно сказать, что уже есть позитивные тенденции. Так, в I кв. 2022 г. инвестиции в основной капитал увеличились на 11,1% к соответствующему уровню прошлого года *(лучшие показатели у Российской Федерации — +12,8%).* Это направление — а именно инвестиционно-инновационное сотрудничество — должно стать своего рода 5-м измерением интеграции *(4 «классических» — это свобода движения товаров, услуг, капитала, рабочей силы),* с чем мы связываем будущее нашего

Союза. Представленные выше вопросы стали предметом активного обсуждения на юбилейном 25-м Петербургском международном экономическом форуме 16–17 июня 2022 г.

Одним из ключевых факторов в условиях санкционного давления является продовольственная безопасность Союза. С учетом волатильности мировых рынков целесообразно обеспечить гарантированный в рамках ЕАЭС уровень коллективной продовольственной безопасности. Несмотря на то, что достигнут высокий уровень продовольственной безопасности в 94%, сельскохозяйственные и продовольственные ресурсы распределены между странами Союза не в равной степени. Это естественно, но и ЕЭК предложила решение, которое направлено в государства ЕАЭС. Речь идет об управлении частью продовольственных ресурсов без нарушения их государственного и продовольственного суверенитета, а именно:

– формирование балансов производства и потребления сельхозпродукции и продовольствия;

– внедрение системы специализации государств-членов на производстве тех либо иных сельскохозяйственных и продовольственных товаров и эффективной товарораспределительной сети в Союзе;

– повышение самообеспеченности материально-техническими ресурсами и создание резервных фондов основных видов продовольствия.

Актуальными остаются вопросы либерализации рынка труда, создания условий беспрепятственного перемещения граждан государств-членов в рамках Союза, их доступа к услугам медицинской помощи, осуществление денежных переводов между физическими лицами-резидентами государств-членов. Необходимые решения принимаются как правительствами стран, так и органами Союза.

Создание сбалансированной финансовой системы Союза, не в ущерб национальному суверенитету государств-членов, предполагает переход к расчетам и ценообразованию на товары и услуги во взаимной торговле в национальных валютах *(по итогам I квартала текущего года доля таких расчетов в ЕАЭС уже превышает 74%)*. Данная система может быть основана на международной расчетной денежной единице и предполагать формирование собственной системы экономических оценок, а именно: биржевых цен на базовые товары, рейтингов, аудита и прочего. Полагаем, что в целях активизации соответствующей работы целесообразно и ускоренное создание независимой расчетно-клиринговой инфраструктуры.

Сегодня все мы находимся под воздействием массивного информационного давления. В таких условиях важно четко и ясно доносить информацию о проводимой работе, не дать ей затеряться в «информационном шуме», использовать самые современные каналы коммуникации. ЕЭК существенно переформатировала свою деятельность в данной сфере.

Актуальной темой является климатическая повестка. Мы не должны слепо следовать навязанным западным стандартам. Да, у наших стран есть конкретные международные обязательства (в т. ч. в рамках Парижского соглашения), и они будут выполнены. Но климатическая повестка не должна быть инструментом, ограничивающим экономическое развитие. Следует ориентироваться на суверенное развитие, вырабатывать собственную систему стандартов и приоритетов «зеленой повестки», вести скоординированную работу в ЕАЭС. На заседании Высшего Евразийского экономического совета в октябре 2021 г. главами стран Союза было принято заявление об экономическом сотрудничестве государств — членов ЕАЭС по климатической повестке. На площадке Комиссии сформирована группа высокого уровня по выработке предложений по сближению позиций государств-членов в данной сфере, опубликован доклад «О международном опыте разработки и внедрения принципов, мер и механизмов “зеленой” экономики и концептуальных подходах в Евразийском экономическом союзе», ведется разработка Концепции по внедрению принципов «зеленой» экономики в ЕАЭС и Дорожной карты климатической повестки Союза.

Сама жизнь подталкивает нас к углублению интеграции. Это значит, что определенному реформированию или совершенствованию, «донастройке» может быть подвержена и институциональная, и правовая системы Союза. Созрела необходимость в постепенном расширении компетенции Комиссии на уже согласованные в Стратегии-2025, но не предусмотренные Договором о Союзе сферы; некотором перераспределении полномочий (достижении институционального баланса) между Советом и Коллегией Комиссии; укреплении права ЕАЭС как самостоятельной правовой системы.

Вызовы последних лет ускорили структурные изменения в глобальной экономике, вызвали ее фрагментацию. Стало очевидным перемещение мирового центра экономической активности в Азию и Азиатско-Тихоокеанский регион в целом. Внешнеторговая активность ЕАЭС за последние годы также стала в полной мере многовекторной. Например, по итогам 2021 г. доля ЕС во внешнеторговом обороте Евразийского союза составила 39%, или 329,1 млрд долл., доля АТЭС — 35,6%, или 300,4 млрд долл., увеличившись за пять лет практически в два раза *(187%).* На КНР, которая является нашим стратегическим партнером, приходится порядка 20% внешнего товарооборота ЕАЭС. Отношения ЕАЭС и КНР выстроены на основе Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве, вступившего в силу в 2019 г. В данном документе сформулирована идея сопряжения евразийской интеграции и китайской инициативы «Один пояс — один путь». Учреждена и активно работает Совместная комиссия по реализации Соглашения. Налажено отраслевое сотрудничество в таможенной сфере, в области технического регулирования, конкуренции и финансов, поддерживаются прямые контакты деловых кругов ЕАЭС и Китая. Прорабатываются вопросы совместного финансирования и создания оптово-распределительной и логистической инфраструктуры. В 2021 г. товарооборот государств — членов ЕАЭС с Китаем превысил уровень допандемийного 2019 г. на 24,8% и достиг рекордных 166,5 млрд долл.

Важным направлением международной деятельности Евразийского союза является заключение соглашений о создании зон свободной торговли. Соответствующие полномочия в ЕАЭС переданы на наднациональный уровень. Такие документы заключены с Вьетнамом (вступило в силу 5 октября 2016 г.), Ираном (вступило в силу 25 октября 2019 г. в формате временного соглашения, ведутся переговоры по созданию полноценной зоны свободной торговли), Сербией (вступило в силу 10 июля 2021 г.). Аналогичное соглашение с Сингапуром подписано 1 октября 2019 г. Однако для его вступления в силу необходимо достижение договоренностей в части услуг и инвестиций в рамках двусторонних переговоров стран ЕАЭС с данным партнером. Большой интерес представляет заключение подобного соглашения с Индией — это огромный, второй после КНР рынок. Все необходимые решения приняты, в минувшем году Председателем Коллегии ЕЭК М. В. Мясниковичем проведены консультации с министром иностранных дел этой страны, переговоры начнутся в ближайшее время. Завершаются переговоры о создании ЗСТ с Египтом — одной из наиболее промышленно развитых стран Африки. По инициативе Объединенных Арабских Эмиратов в органах ЕАЭС рассмотрен вопрос о создании совместной исследовательской группы по изучению перспектив заключения аналогичного соглашения, а на полях ПМЭФ-2022 подписан Меморандум о взаимодействии между ЕЭК и Правительством ОАЭ.

На заседании 27 мая 2022 г. в Бишкеке Высший Евразийский экономический совет принял решение начать переговоры по заключению соглашения о свободной торговле с Республикой Индонезия, которая является крупнейшей экономикой в АСЕАН и четвертой по численности населения страной в мире. Работа совместной исследовательской группы показала, что установление режима свободной торговли будет способствовать увеличению торговли сельскохозяйственными и промышленными товарами, максимально повышая взаимную выгоду. Целью торговой политики ЕАЭС является создание понятных, прозрачных, выгодных для экономик наших стран режимов торговли со стабильными международными партнерами.

Весьма актуальными являются вопросы активизации работы стран ЕАЭС и тех стран СНГ, которые не являются членами Союза. Яркий пример эффективного взаимодействия — Республика Узбекистан, которая в 2020 г. получила статус государства-наблюдателя при Союзе. Между ЕЭК и Правительством Узбекистана заключен Меморандум о взаимодействии и утвержден План совместных мероприятий на 2021–2023 гг., причем в 2022 г. запланировано расширение мероприятий плана в целях более интенсивного развития торгово-экономического сотрудничества. Узбекская сторона проявила инициативу о более глубоком участии в работе Союза по ряду направлений: вопросы климатической повестки, цифровизация грузовых железнодорожных перевозок и ускоренные железнодорожные перевозки сельскохозяйственной продукции, электронная торговля. Интересные новаторские предложения в сфере транспортной взаимосвязанности, кооперационных связей в промышленности, а также развития туристического потенциала были внесены в ходе выступления на заседании Высшего Евразийского экономического совета

Президентом Узбекистана Ш. М. Мирзиёевым. Перспективным представляется возможность сотрудничества ЕАЭС с Азербайджанской Республикой, которая демонстрирует в этом направлении определенный интерес. Азербайджан обладает развитой экономикой и крупными запасами энергоресурсов. Определенная работа проводилась ЕЭК и на таджикском направлении.

Вместо заключения: наше будущее — в реализации идеи Большого Евразийского партнерства

Мы полагаем, что в складывающихся условиях внешнеполитическую координацию государств — членов ЕАЭС необходимо усилить. Наша стратегическая цель — углубление региональной интеграции и создание на ее основе обновленной архитектуры международных экономических отношений. Эта идея лежит в основе Большого Евразийского партнерства. На прошедшем 26 мая 2022 г. пленарном заседании Первого Евразийского экономического форума Президент России В. В. Путин особо подчеркнул необходимость разработки стратегии Большого Евразийского партнерства. Эту идею поддержали главы государств и правительств других стран Союза. Комиссия готова к реализации данной инициативы во взаимодействии с государствами — членами Союза.

БЕП — это не декларация. Речь идет о переходе к совместному индустриальному развитию, взаимовыгодному экономическому партнерству в широком смысле этого слова. В этом контексте ЕЭК проводит работу по сопряжению потенциалов ЕАЭС и таких интеграционных форматов, как ШОС и АСЕАН. С данными структурами Евразийской экономической комиссией подписаны меморандумы о взаимодействии, подготовлены и дополнительно разрабатываются конкретные программы действий. Особого внимания заслуживает валютно-финансовое сотрудничество, которое может стать практической основой для реализации потенциала БЕП. Полагаем, что настало время приступить к созданию евразийской (глобальной) финансово-торговой системы. Предстоит усилить взаимодействие с КНР, странами БРИКС и ШОС в данной сфере.

Сегодня — время сложных и трудных решений. Участники евразийского интеграционного проекта уже приобрели неоценимый опыт, который позволит преодолеть все трудности в интересах роста благосостояния и процветания наших народов.

Об авторах:

Мясникович Михаил Владимирович, Председатель Коллегии Евразийской экономической комиссии (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси; myasnikovich@eecommission.org

Ковалёв Владимир Сергеевич, советник Председателя Коллегии Евразийской экономической комиссии (Москва, Российская Федерация), магистр права; v.kovalev@eecommission.org

About the authors:

Mikhail V. Myasnikovich, Chairman of the Board of the Eurasian Economic Commission (Moscow, Russian Federation), Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of Science (Economy), Professor; myasnikovich@eecommission.org

Vladimir S. Kovalev, Advisor to the Chairman of the Board of the Eurasian Economic Commission (Moscow, Russian Federation), Master of Laws; v.kovalev@eecommission.org

DOI 10.22394/2073-2929-2022-01-18-27

Концепция «государства развития» в контексте евразийской интеграции

Кудаяров У. Б.[1, *], **Матазимов А. М.**[2]

[1] Евразийская экономическая комиссия; Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), Москва, Российская Федерация;

* u.kudayarov@eecommission.org

[2] Евразийская экономическая комиссия; Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Кыргызской Республики им. Казы Дикамбаева, Бишкек, Кыргызская Республика

РЕФЕРАТ

После глобального финансового и экономического кризиса 2008–2009 гг. и в последнее время в связи с пандемией COVID-19 мы наблюдаем активное растущее участие государства в восстановлении экономики. В связи с этим растет интерес к анализу степени вовлеченности государства в экономическом развитии и регулировании рынка, в частности к возрождению модели «государства развития». С учетом новых факторов, влияющих на мировую экономику, нами создается новая функциональная модель «государства развития», основные характеристики которой выверяются в рамках деятельности ЕЭК как наднационального органа ЕАЭС.

Цель. Целью статьи является актуализация концепции «государства развития» с учетом современных вызовов (трендов), присущих XXI в. Этот шаг позволит по-новому представить модель «государства развития».

Задачи. Предлагается представить версию концепции «государства развития», определить и проанализировать современные вызовы, с которыми сталкиваются государства в XXI в., на основе полученных выводов представить базовые элементы новой концепции «государства развития»; проанализировать актуальность модели применительно к развитию ЕАЭС.

Результаты. По итогам проделанной работы представлены основы новой модели концепции «государства развития», отвечающей современным экономическим и политическим вызовам. Данные наработки открыты для обсуждения и более детального наполнения.

Методология. Методологическая основа исследования строится на системном подходе и общенаучных методах ретроспективного анализа, компаративного анализа, индукции и дедукции, обобщения, группировки информации.

Выводы. Считаем, что все вызовы призваны способствовать созданию эффективной модели, где главным фактором должно выступать именно государство, способное формулировать и осуществлять политику развития совместно с деловым сектором и гражданским обществом.

«Государства развития» XXI в. должно сохранить потенциал по выстраиванию работающей бюрократической системы и встроенную автономию, при этом взять на себя бóльшую социальную ответственность. Акцент на раскрытие человеческого потенциала, вклад в образование граждан, цифровизация госфункционирования — это то, на чем должна строиться новая модель «государства развития». ЕАЭС обладает многими характеристиками модели «государства развития» и имеет как потенциал, так и возможности для расширения применяемого инструментария модели и тем самым углубления интеграции в рамках Союза. При этом его реализация зависит от готовности стран к такой трансформации.

Ключевые слова: концепция «государства развития», промежуточные институты, этатизм, общественный договор, государственный капитализм

Для цитирования: *Кудаяров У. Б., Матазимов А. М.* Концепция «государства развития» в контексте евразийской интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 2. С. 18–27.

The Concept of "Developmental State" in the Context of Eurasian Integration

Ulanbek B. Kudaiarov[a, *], **Abakir M. Matazimov**[b]
[a] Eurasian Economic Commission; Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Moscow, Russian Federation;
* u.kudayarov@eecommission.org
[b] Eurasian Economic Commission; Diplomatic Academy MFA KR named after K. Dikambaev, Bishkek, the Kyrgyz Republic

ABSTRACT
Since the economic crisis of 2008, and more recently with the COVID-19 pandemic, we have seen an active involvement of the state in economic recovery. Consequently, there is growing interest in analyzing the degree of government involvement in economic development and market regulation, as well as in reviving the "developmental state" (DS) approach, in particular.
Aim. To update the concept of the "developmental state" in the light of the new circumstances inherent in the 21st century. This step will allow us to take a fresh look at the model and determine the main trends of its development.
Tasks. We seek to outline the classical version of the "DS" concept proposed by Ch. Johnson, to present the challenges faced by the states, to correlate the classical version with the new "possible" version of the "DS" concept, to analyze the relevance of the model in relation to the development of the EAEU.
Methods. We use the systematic approach and general scientific methods of retrospective, comparative analysis, induction and deduction, generalization, grouping of information.
Results. We present several bases that may become the impetus for the model transformation.
Conclusion. The "21st century developmental state" must retain the bureaucratic capacity, "embedded autonomy" and now assume greater social responsibility. Human capacity, empowerment and digitalization of state functioning will be fundamental elements of a new developmental state model. The EAEU has all the possibilities to apply the model at the supranational level. Its implementation depends on the readiness of the countries for such a transformation.
Keywords: concept of the "developmental state", intermediate institutions, statism, social contract, state capitalism
For citing: Kudaiarov U. B., Matazimov A. M. The Concept of "Developmental State" in the Context of Eurasian Integration // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2022. Vol. 16. No. 2. P. 18–27.

Введение

После финансового кризиса 2008–2009 гг. и пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, оказывающей влияние на мировую экономику с 2020 г. по настоящее время, наблюдается рост государственной активности во всем мире. Вмешательство в экономику, прямое или косвенное управление коммерческими структурами, учреждение, спонсирование и развитие государственных структур (государственные предприятия, политические банки, суверенные фонды благосостояния и др.), надзор и владение капиталом и другие становятся повсеместной практикой. Существенным является не только масштаб государственного участия, например, доля ТНК с государственным участием в 200 крупнейших мировых компаниях за последние два десятилетия удвоилась и достигла 20%, но и наблюдается рост доли государственного капитала в глобальных сетях производства, финансов, инфраструктуры и корпоративной собственности [6; 14]. В связи с этой тенденцией, а также социально-экономическими успехами стран БРИКС, в частности Китая, концепция «государства развития» приобретает особую актуальность [7; 12; 23]. Исследование роли государства в системе отношений с бизнесом и гражданским обществом с целеполаганием обеспечить устойчивое, качественное развитие страны в классическом понимании XX в. и его изменение в текущих условиях представляется целесообразным для последующего применения государствами — членами ЕАЭС на наднациональном уровне.

Классическая концепция «государства развития»

Данная концепция была предложена в 1982 г. Чалмерсом Джонсонсом, предпринявшим анализ экономического развития Японии 1950–1980-х гг. [15]. Достижения этой страны в условиях, когда структурное преобразование национальной экономики было труднодостижимой целью для многих стран, не входящих в группу передовых промышленно развитых государств Запада, считаются феноменальными успехами. Причиной данного явления Ч. Джонсон, по итогам анализа проделанной работы японским Министерством международной торговли и промышленности (MITI), обозначил создание Японией собственной модели национального развития, не копирующей ни основные капиталистические экономики (кейнсианскую экономику), ни плановую экономику (социализм) [Там же]. Модель представляла собой капиталистическую, планово-рациональную модель, с долгосрочной приверженностью подходу, ориентированному на развитие, и активным государственным вмешательством для достижения основных социально-экономических целей.

Тем самым были выведены две характерные черты классической модели «государства развития».

1. На политическом и идейном уровнях предполагается консенсус элит по определению модели функционирования государства. В связи с этим поднимается вопрос формирования (будущего) правительства — возникает обязательное условие — наличие элитной государственной бюрократии, состоящей из лучших кадров [Там же].
2. Институт власти имеет возможность и стремится использовать рыночно-конформные методы государственного вмешательства. Такая форма организации деятельности должна предоставить возможность владеть рычагами контроля над реализацией промышленной политики, тем самым позволяя обеспечить управляемость экономики [2].

Кроме того, в классической парадигме закреплен вопрос достижения институционального баланса. В отличие от неолиберальной модели, где подчеркивается необходимость сдержек и противовесов и присутствует децентрализованность, в модели «государства развития» бюрократическая власть сильно централизована. Основные экономические обязанности переданы ведущим или пилотным агентствам, перед которыми поставлены четкие задачи, а бюрократия работает на меритократических принципах с сильными внутренними системами как поощрения (например, конкурентоспособная зарплата и долгосрочные карьерные пути), так и контроля (санкции за коррупцию) [15].

Тесный контакт с частным сектором установлен через промышленные и торговые ассоциации, дискуссионные советы, программы по работе с населением и множество неформальных сетей. Регулярные каналы связи между правительством и промышленностью позволяют властям оставаться в курсе меняющихся потребностей компаний не только по мере того, как экономика открывается для международных рынков, но и по мере усложнения задач технологических инноваций. Опыт ряда стран Северо-Восточной Азии показал, что для того, чтобы быть эффективным, «государства развития» нуждается не только в независимом понимании цели (изоляция), но и в рутинном взаимодействии с экономическими субъектами, на которых оно стремится влиять (связь). Поэтому «государства развития» обычно сочетают относительную независимость (изоляцию) от экономических субъектов с хорошо развитыми связями с частным сектором через множество консультативных механизмов.

3. В экономическом аспекте данной модели приоритет отдается достижению высоких и устойчивых темпов экономического роста, целью которых (для Японии и других развивающихся стран) становится приближение к уровню развитых стран.

В качестве инструмента в том числе используется обеспечение высокого уровня инвестиций по отношению к ВВП. Он позволяет добиться перемещения производственной структуры в более высокопроизводительные виды деятельности. Данный инструмент лежит в плоскости воздействия фискальной и монетарной политики. Институционально обеспечение притока инвестиций обеспечивается путем подчинения Центрального банка высшему политическому руководству. В то же время в самом банковском секторе широко представлены государственные банки, через которые обслуживаются стратегически важные отрасли и компании. Таким образом, подразумевается, что движение капитала строго контролируется государством [20].

Другим инструментом выступает активное участие государственных и частных коммерческих единиц, чье взаимодействие друг с другом осуществляется благодаря институциональной «встроенной автономии» Питера Эванса [9]. Основная идея данной автономии заключается в тесном сотрудничестве между государственными органами и представителями бизнеса для обеспечения коммуникации, постоянных переговоров и своевременной корректировки политики. Такая система взаимоотношений призвана обеспечить для государства дисциплинированность частного бизнеса и их капитала. Политическая воля, предоставленная гражданским обществом, позволяет устанавливать государственный контроль над коммерческими структурами [3]. При этом контроль не является излишним, поскольку компании сохраняют право самостоятельно определять стратегию развития предприятия, которая должна учитывать стратегические цели страны. Таким образом, благодаря модели «государства развития», руководство страны создает условия для качественного экономического рывка. Оно формирует профессиональный состав исполнительной власти, обеспечивает правильное взаимодействие государственных и частных структур, а также гарантирует неизменность «общественного» договора, или правил игры. Последнее представляется наиболее важным, поскольку в модели важен консенсус, согласие всех сторон. И бизнес, и общественность соглашаются на предложенные правительством правила с той мыслью, что руководство страны будет использовать свои полномочия для продвижения производства в сектора с растущей отдачей и экспортным потенциалом, сохраняя бóльшую часть собственности в руках государства и расширяя отечественное производство.

С учетом вышеизложенного следует согласиться с тем, что модель «государства развития» в ее классическом виде не является утопической. Тем не менее условия, в которых существуют современные экономики, в частности постковидный кризис, диктуют необходимость пересмотреть основные направления развития данной модели. Далее будут рассмотрены современные вызовы и угрозы для стран, а также будет предпринята попытка предложить новые основы модели «государства развития».

На пути к новой концепции «государства развития»

В начале XXI в. все страны, принявшие модель «государства развития», сталкиваются с новыми вызовами, которые значительно отличаются от обстоятельств и условий, существовавших во время возникновения классической концепции. Академическое сообщество выделяет три вызова [21]. С учетом последних изменений (посткризисный и постковидный период) мы в дополнение к ним рассматриваем пандемию COVID-19 в качестве очередного вызова, который неизбежно влияет на возможности нынешних правительств выстраивать системы функционирования государства. Так, *первый вызов* представляет собой реструктуризацию мировой экономики, связанную с переходом государств от вторичного сектора экономики (производства) к сектору знаний и услуг. Новый технологический уклад, основу которого составляют информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), ускорил процесс трансформации. Мировое хозяйство все больше продвигается за счет знаний, инноваций, а также деловых и финансовых услуг, что резко контрастирует с прошлым веком, когда доминировала обрабатывающая промышленность [23]. В этой «новой экономике», помимо производства физических продукций, все большую роль играют расширение человеческих возможностей и распространение так называемой креативной экономики.

Второй вызов связан с изменениями в политическом контексте. Благодаря росту знаний и человеческих возможностей, происходит переосмысление политического содержания, провоцируются изменения в социальных потребностях, нормах, ценностях и восприятии. Специфический контекст классической версии концепции определялся желанием уменьшить отставание в развитии, внешней угрозой холодной войны и экономического национализма, поэтому общественность была готова пойти на некоторые жертвы, например, принять авторитарный режим правления. Сегодня же «государству развития» необходимо построить новую базу легитимности в соответствии с новыми обстоятельствами. Для реализации этой задачи требуется создать новый альянс между государством и обществом с включением более широких слоев общества. Под этим предложением подразумеваются улучшения с точки зрения встроенности политической подсистемы в общество, политической свободы, вовлеченности гражданского общества и особое внимание к развитию человеческого капитала. Согласно Амартия Сену, демократическая политическая система,

основанная на представительном, совещательном политическом участии, является не просто средством для развития, но и самоцелью [19].

Третий вызов, экологический, связан с глобальным изменением климата. Ресурсоемкий путь развития прошлого века, основанный преимущественно на исчерпываемых природных ресурсах, не может быть продолжен в XXI в. Это неизбежно ведет к изменению существующих моделей, привычек потребления и производства, а также инфраструктуры. Соответственно, стратегия развития должна подлежать пересмотру. Правительства будут вынуждены формировать программу развития зеленых технологий. Этот вызов, связанный с пандемией COVID-19, обусловил необходимость принятия правительствами многих стран стратегии жесткой изоляции и введения пакета мер стимулирования с целью минимизации негативных экономических последствий. Роль государства резко возросла — от контроля над социальной жизнью до помощи некоторым секторам и предоставления социальной помощи наиболее уязвимым группам населения.

Следует признать, что данный феномен — возвращение интервенционистского государства — в основном вызван кризисом и является антициклическим, тем не менее отмечают, что на данном этапе рано делать выводы относительно его долгосрочных последствий. При этом неоспоримым остается то, что COVID-19 уже оказывает влияние на практику использования IT-продуктов, что приведет в дальнейшем к более широкому распространению дистанционной работы, обучения и в некоторой степени даже медицинских и других услуг. Все эти изменения могут трансформировать социальную и политическую картину жизнедеятельности государства, что также послужит причиной актуализации социальных программ и стратегий развития государств. Цифровизация, ускоренная COVID-19, существенно перестраивает работу властей, что также предлагается рассматривать как новый вызов для стран.

Таким образом, учитывая указанное выше, формирующее экономическое пространство для современных экономик, далее рассматривается перспективная концепция модели «государства развития».

Пути совершенствования концепции «государства развития» XXI в.

Питер Эванс предлагает новую модель «государства развития», которая, с одной стороны, должна ввиду актуальности некоторых задач соответствовать модели XX в. (например, в рамках модели поведения государства должны присутствовать и реализовываться инструменты, дисциплинирующие капитал, извлекающие доходы с помощью налогов, обеспечивающие правовую среду, формирующие промышленную политику, привлекающие инвестиции, защищающие промышленность и поощряющие экспорт), а с другой стороны, отвечать вызовам XXI в., в т. ч. инвестировать в человеческий капитал, оказывать поддержку целого сектора экономики, цифровизации жизнедеятельности страны и создания формы подотчетного, представительного государства [10].

Ниже представлена таблица, которая демонстрирует основные различия характеристик «государства развития» XX и XXI вв.

Таблица

Основные характеристики «государства развития» XX в. и XXI в.

Table. The main characteristics of the “developmental state” of the twentieth and twenty-first centuries

Государство развития XX в.	Государство развития XXI в.
Формирование социально-экономических альянсов	Политическое урегулирование насущных вопросов между элитами
Создание политических, экономических институтов и коммуникация с деловым сектором посредством «встроенной автономии»	Улучшение системы коммуникации властей с деловым сектором с помощью «управляемой взаимозависимостью»
Целевая аудитория — деловое сообщество	Целевая аудитория — гражданское общество
Поддержка национального чемпиона в той или иной отрасли	Поддержка целой отрасли
—	Интеграция в жизнедеятельность государства цифровых продуктов

Источник: составлено авторами на основе работ [10] и [20].

В классической и современной моделях существуют такие объединения, которые представляют собой основную базу легитимности для любого режима развития и возникают в результате взаимодействия между основными государственными институтами, обществом и экономическими акторами [16, с. 156]. В современной модели с учетом новых условий, по утверждению Бута, появляется так называемая система политического урегулирования насущных вопросов с участием элит [8, с. 31]. Она представляет собой негласное соглашение между наиболее влиятельными членами общества, часто имеющими конкурирующие интересы по вопросам распределения политической власти, неформальных процедур разрешения конфликтов, переговоров, поиска компромиссов.

Создание политических и экономических институтов в концепции XX в. представляет собой формальные и неформальные правила, исходящие из общества и влияющие на его взаимодействие с властью [16]. В концепции XXI в. они также сохранили свое присутствие, но сама система коммуникации властей с деловым сектором получила некоторое улучшение. Она, наряду с «встроенной автономией», принимает форму «управляемой взаимозависимости» [22]. Под этим термином подразумевается формальная (и неформальная) институциональная среда консультаций и совместного обмена информацией между независимым и сплоченным руководством развития, с одной стороны, и хорошо организованным деловым сектором — с другой. В этой среде государство определяет правила игры, отвечает за постановку социальных целей и работает с негосударственными субъектами для их достижения. Такая структура управления, как представляется, гораздо лучше способствует трансформации и созданию новой промышленности, чем та, в которой государство навязывает политику в одностороннем порядке (сверху вниз), или та, в которой отдельные компании или группы определяют правила игры. Государствам развития XX в. приходилось работать над тем, чтобы отношения с деловым сектором не были инструментом продвижения частных интересов элиты. Контакты с данной группой не уравновешивались коммуникациями с гражданским обществом. Последнее в целом было исключено из процесса «синергии государства и общества». Более того, частные промышленные элиты рассматривались как ключевые партнеры в обеспечении промышленных преобразований, а также как основные источники информации о реализуемости конкретных промышленных целей. Социальные группы же были периферийными в этом эксклюзивном партнерстве государства и участниками системы [10, p. 3]. В условиях трансформации экономики и перехода к сектору знаний и услуг существует необходимость не только поддерживать сетевые связи с ключевыми фирмами, но и усилить взаимодействие с гражданским обществом, акцентируя свое внимание на развитии человеческого капитала.

Развитие человеческого капитала является краеугольным камнем в концепции «государства развития» XXI в. по причине того, что устойчивый рост экономики зависит от инноваций. Для частного инвестора инвестиции в человека гораздо более рискованны, чем инвестиции в машины. Бизнес не в состоянии обеспечить оптимальный уровень человеческого капитала, который необходим для стимулирования роста. Соответственно, государственные инвестиции — единственный правдоподобный путь к оптимальному уровню инвестиций в человеческий потенциал.

Следующей особенностью концепции «государства развития» XXI в. представляется государственная поддержка целой отрасли. В то время как в прошлом веке какое-либо восточноазиатское государство развития могло нацеливаться на отдельные национальные компании, чтобы стимулировать промышленный и технологический рост, в настоящее время рыночные методы государственного вмешательства теперь больше полагаются на использование инструментов регулирования для направления экономических ресурсов в предпочтительный сектор экономики. Представленные уровни структуры новой модели тесно взаимосвязаны, и их институционализация жизненно важна не только для преемственности режима, но и для воплощения подхода, ориентированного на развитие. Разумеется, современная версия концепции может быть параллельна аргументации нового политэкономического и институционального анализа, утверждающего, что основной движущей силой долгосрочного социально-экономического развития является взаимодополняющая система соответствующих формальных и неформальных институтов и поддерживающей их политики. Широко

определенные формальные и неформальные институты, социальный порядок и привычки формируют политические соглашения (формальные или негласные), которые определяют возможности государства, формируют качество процесса разработки программ и вносят свой вклад в итоговый комплекс государственной политики.

Анализ опыта ЕАЭС и возможности применения основ новой модели «государства развития» на наднациональном уровне в ЕЭК показывает, что у ЕАЭС есть все условия для применения модели «государства развития». В рамках евразийской интеграции отмечены следующие тренды: сетевое взаимодействие наднационального органа с деловым сообществом и научным сообществом стран — участниц ЕАЭС (получение обратной связи от бизнеса и корректирование работы); вмешательство в экономические процессы органов Союза (ЕЭК, Евразийского межправительственного совета) с целью стабилизации ситуации на общем рынке (пример — антикризисные меры во время пандемии коронавирусной инфекции); развитие определенных отраслей экономики (промышленная кооперация, разработка инструментов финансирования). Между тем данный шаг предполагает серьезную трансформацию ЕАЭС: от передачи широких полномочий наднациональным органам до вмешательства в национальные компетенции. Несмотря на то, что принята Стратегия развития евразийской интеграции до 2025 г., в которой заложено поступательное изучение вопросов, условно относящихся к тематике «государства развития» (образование, экология, туризм и т. д.), на данном этапе государства не готовы и не обсуждают имплементацию модели «государства развития» на наднациональный уровень.

Заключение

Концепция «государства развития» переживает пересмотр. Новые вызовы придают модели «государства развития» новый импульс. В последние годы произошла трансформация мировой экономики: двигатель экономического роста переместился из производственной сферы в сектор знаний и услуг. Сменился политический контекст. Благодаря росту знаний и человеческих возможностей происходит переосмысление социальных потребностей, норм и ценностей. Идеология «государства развития» претерпевает фундаментальную перестройку: от заботы об экономическом росте к более всеобъемлющей цели социального и человеческого развития. Пандемия COVID-19 привела к существенным преобразованиям экономической и политической деятельности государства, вызывающим заметные изменения в социальной политике. И наконец, цифровизация служит причиной трансформации государственной политики, упрощая в целом функционирование властей. Использование цифровых технологий позволит упростить процесс взаимодействия с гражданским обществом и оптимизировать работу. Во главе системы ставится государство, выступающее формирующим и осуществляющим политику развития элементом, для чего государству необходима не только компетентная бюрократия, но и эффективные отношения с отечественным бизнесом, который неизбежно будет находиться в центре любых успешных инициатив по развитию [1]. Другими словами, государство должно быть достаточно встроено в общество, чтобы оно могло реализовать свои цели, действуя через социальную инфраструктуру, но не настолько близко к бизнесу, чтобы исключить риск функционирования их в интересах индивидуальных лиц.

В идеале эффективная версия концепции должна быть направлена на взаимодействие с гражданским обществом, результатом которого должно стать развитие человеческого капитала. Именно к этому должны стремиться страны, принявшие данную модель, именно таким образом должна быть выстроена модель «государства развития» XXI в.

Страны ЕАЭС, осуществляющие экономическую политику на наднациональном уровне, обладают многими характеристиками модели «государства развития» и имеют как потенциал, так и возможности для расширения применяемого инструментария модели и тем самым углубления интеграции в рамках Союза. Между тем реализация во многом зависит от готовности стран к такой трансформации.

Литература

1. *Глазьев С. Ю.* Государство Развития [Электронный ресурс] // ГлазьевРу. URL: https://vk.cc/cbpKEz (дата обращения: 13.02.2022).
2. *Завьялова Е. Б., Чжэ Сун Ли, Шаманина Э. А.* Роль государственно-частного партнерства в инфраструктурном развитии: сравнительный анализ российского, китайского и корейского опыта // Сегодня и завтра российской экономики. 2019. № 95–96. С. 104–119.
3. *Зудин А. Ю.* Государство и бизнес в России: эволюция модели взаимоотношений // Неприкосновенный запас. 2006. № 6 (50). С. 200–212.
4. *Кундин А. В.* Новый тип организации государства: рациократия [Электронный ресурс] // Электронный периодический рецензируемый научный журнал SCI-ARTICLE.RU. 2020. № 84. С. 66–82. URL: https://vk.cc/cbpKHJ (дата обращения: 11.02.2022).
5. *Полтерович В. М.* Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 5 (47).
6. *Babic M., J. Garcia-Bernardo, E. M. Heemskerk*. The rise of transnational state capital: State-led foreign investment in the 21st century // Review of International Political Economy. 2020. V. 27. No. 3. P. 433–475.
7. *Beeson M.* Regionalism and Globalization in East Asia: Politics, Security and Economic Development. 2014. 2nd Edition. Publisher : Palgrave Macmillan. 304 p.
8. *Booth D.* Towards a relevant concept of development regime. Developmental regimes in Africa: Synthesis Report. Overseas Development Institute. London. 2015. P. 31–34.
9. *Evans P. B.* Embedded autonomy: States and industrial transformation. Princeton University Press. 1995. 323 p.
10. *Evans P., Heller P.* The state and development. WIDER Working Paper 2018/112 [Electronic resource]. Helsinki : UNU-WIDER. 2018. URL: https://vk.cc/ccSEnU (accessed: 15.02.2022).
11. *Fosu A. K.* (ed.). Development success: Historical accounts from more advanced countries [Electronic resource]. Oxford University Press. 2013. URL: https://vk.cc/cbpKTO (accessed: 18.02.2022).
12. *Haggard S.* Developmental states. Cambridge, United Kingdom : Cambridge University Press, 2018.
13. *Hirschman A. O.* Exit, Voice, and Loyalty: Further Reflections and a Survey of Recent Contributions // The Milbank Memorial Fund Quarterly. Health and Society. 1980. V. 58. No. 3. P. 430–453.
14. IMF. Chapter 3 State-owned enterprises: The other government. In Fiscal monitor, ed. IMF [Electronic resource]. Washington, DC : IMF. 2020. URL: https://vk.cc/cbpKWg (accessed: 14.02.2022).
15. *Johnson C.* MITI and the Japanese miracle. The growth of industrial policy, 1925–75. Stanford University Press. 1982. 412 p.
16. *Pempel T. J.* The developmental regime in a changing world economy // The Developmental state / ed. by M. Woo-Cumings. Cornell University Press. 1999. P. 137–181.
17. *Pereira L. C. B.* From Old to New Developmentalism in Latin America [Electronic resource] / Fundação Getulio Vargas, Escola de Economia de São Paulo. 2009. URL: https://vk.cc/cbpL26 (accessed: 16.02.2022).
18. *Robinson J. A., Acemoglu D.* The Narrow Corridor: States, Societies, and the Fate of Liberty. New York : Penguin Publishers. 2019. 576 p.
19. *Sen A.* Development as Freedom. Oxford University Press. 1999. 336 p.
20. *Szanyi M., Gerőcs T.* (eds.). Market liberalism and economic patriotism in capitalist world-system. Palgrave Macmillan. 2019. DOI: 10.1007/978-3-030-05186-0
21. *Wade R. H.* The developmental state: Dead or alive? // Development and Change. 2018. V. 49. Issue 2. P. 518–546.
22. *Weiss L.* The Myth of the Powerless State: Governing the Economy in a Global Era. Cambridge : Polity Press. 1998.
23. *Williams M.* (ed.) The end of the developmental state? New York : Routledge. 2014. 258 p.

Об авторах:

Кудаяров Уланбек Болотбекович, главный специалист-эксперт отдела информационного обеспечения ДПОО Евразийской экономической комиссии; аспирант Московского государственного института международных отношений (МГИМО) (Москва, Российская Федерация);
u.kudayarov@eecommission.org

Матазимов Абакир Маратбекович, главный специалист-эксперт отдела визовой поддержки и языковой коммуникации ДПОО Евразийской экономической комиссии; аспирант Дипломатической академии Министерства иностранных дел Кыргызской Республики им. Казы Дикамбаева (Бишкек, Кыргызская Республика);
abakirmatazimov@gmail.com

References

1. Glazyev S. Developmental State [Electronic resource] // Glazev.ru. URL: https://vk.cc/cbpKEz (accessed: 13.02.2022). (In Rus).
2. Zavyalova E., Lee Jae Sung, Shamanina E. The Role of Public-Private Partnerships in Infrastructure Development: A Comparative Analysis of Russian, Chinese and Korean Experience // The Russian Economy Today and Tomorrow [Segodnya i zavtra Rossijskoj ekonomiki]. 2019. No. 95–96. P. 104–119. (In Rus).
3. Zudin A. The State and Business in Russia: Evolution of the Relationship Model // Untouchable stock [Neprikosnovennyj zapas]. 2006. No. 6 (50). P. 200–212. (In Rus).
4. Kundin A. A New Type of State Organization: Racocracy [Electronic resource] // Electronic periodical peer-reviewed scientific journal SCI-ARTICLE.RU [Elektronnyj periodicheskij recenziruemyj nauchnyj zhurnal SCI-ARTICLE.RU]. 2020. No. 84. P. 66–82. URL: https://vk.cc/cbpKHJ (accessed: 11.02.2022). (In Rus).
5. Polterovich V. Institutions of catching-up development (on the project of a new model for economic development of Russia) // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast [Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz]. 2016. No. 5 (47). P. 34–56. (In Rus).
6. Babic M., J. Garcia-Bernardo, E. M. Heemskerk. The rise of transnational state capital: State-led foreign investment in the 21st century // Review of International Political Economy. 2020. V. 27. No. 3. P. 433–475.
7. Beeson M. Regionalism and Globalization in East Asia: Politics, Security and Economic Development. 2014. 2nd Edition. Publisher : Palgrave Macmillan. 304 p.
8. Booth D. Towards a relevant concept of development regime. Developmental regimes in Africa: Synthesis Report. Overseas Development Institute. London. 2015. P. 31–34.
9. Evans P. B. Embedded autonomy: States and industrial transformation. Princeton University Press. 1995. 323 p.
10. Evans P., Heller P. The state and development [Electronic resource]. WIDER Working Paper 2018/112. Helsinki : UNU-WIDER. 2018. URL: https://vk.cc/ccSEnU (accessed: 15.02.2022).
11. Fosu A. K. (ed.). Development success: Historical accounts from more advanced countries [Electronic resource]. Oxford University Press. 2013. URL: https://vk.cc/cbpKTO (accessed: 18.02.2022).
12. Haggard S. Developmental states. Cambridge, United Kingdom : Cambridge University Press, 2018.
13. Hirschman A. O. Exit, Voice, and Loyalty: Further Reflections and a Survey of Recent Contributions // The Milbank Memorial Fund Quarterly. Health and Society. 1980. V. 58. No. 3. P. 430–453.
14. IMF. Chapter 3 State-owned enterprises: The other government. In Fiscal monitor, ed. IMF [Electronic resource]. Washington, DC : IMF. 2020. URL: https://vk.cc/cbpKWg (accessed: 14.02.2022).
15. Johnson C. MITI and the Japanese miracle. The growth of industrial policy, 1925–75. Stanford University Press. 1982. 412 p.
16. Pempel T. J. The developmental regime in a changing world economy // The Developmental state / ed. by M. Woo-Cumings. Cornell University Press. 1999. P. 137–181.

17. Pereira L. C. B. From Old to New Developmentalism in Latin America [Electronic resource] / Fundação Getulio Vargas, Escola de Economia de São Paulo. 2009. URL: https://vk.cc/cbpL26 (accessed: 16.02.2022).
18. Robinson J. A., Acemoglu D. The Narrow Corridor: States, Societies, and the Fate of Liberty. New York : Penguin Publishers. 2019. 576 p.
19. Sen A. Development as Freedom. Oxford University Press. 1999. 336 p.
20. Szanyi M., Gerőcs T. (eds.). Market liberalism and economic patriotism in capitalist world-system. Palgrave Macmillan. 2019. DOI: 10.1007/978-3-030-05186-0
21. Wade R. H. The developmental state: Dead or alive? // Development and Change. 2018. V. 49. Issue 2. P. 518–546.
22. Weiss L. The Myth of the Powerless State: Governing the Economy in a Global Era. Cambridge : Polity Press. 1998.
23. Williams M. (ed.) The end of the developmental state? New York : Routledge. 2014. 258 p.

About the authors:

Ulanbek B. Kudaiarov, Chief Specialist-Expert of the Information Section of Organizational Support and Protocol Department of the Eurasian Economic Commission; postgraduate student at the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) (Moscow, Russian Federation); u.kudayarov@eecommission.org

Abakir M. Matazimov, Chief Specialist-Expert of the Visa Support and Language Communication Section of Organizational Support and Protocol Department of the Eurasian Economic Commission; postgraduate student at the Diplomatic Academy MFA KR named after K. Dikambaev (Bishkek, Kyrgyz Republic); abakirmatazimov@gmail.com

DOI 10.22394/2073-2929-2022-02-28-40

Программы «двойной магистратуры» как инструмент формирования единого образовательного пространства ЕАЭС[1]

Куклина Е. А.*, Наумов В. Н.
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация;
* kuklina-ea@ranepa.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0457-2658

РЕФЕРАТ

Актуальность темы статьи обусловлена ключевой ролью сферы высшего образования в формировании необходимых компетенций для научно-технологической и производственной сферы экономики современного государства.

Цель. Целью статьи является рассмотрение методологических и практических вопросов проектирования программ двойного диплома магистра в сфере бизнес-образования как одного из эффективных инструментов формирования единого образовательного пространства Евразийского экономического союза. Вопросы проектирования и реализации совместных образовательных программ рассмотрены на примере международного образовательного проекта, разработанного на кафедре бизнес-информатики СЗИУ РАНХиГС. Приводится содержательная характеристика проекта, обосновывается выбор партнерской организации, формулируются критерии оценки эффективности реализации проекта.

Задачи. Дать содержательную характеристику международного образовательного проекта (актуальность, востребованность, структура, методология и методическая новизна, формируемые компетенции и др.), обосновать выбор партнерской организации и сформулировать критерии оценки эффективности реализации образовательного проекта.

Методология. Системный подход и экспертно-аналитические методы исследования (потоковые методы экспертизы, экспертные оценки).

Результаты. Предлагаемый методологический подход к реализации образовательных проектов в формате двойных дипломов позволяет решить проблемы интернационализации высшего образования, сформировать системное мышление, навыки работы с большими объемами данных и современными пакетами прикладных программ, вопросы принятия нестандартных решений в экономике у студентов магистерских программ на основе современных технологий обучения. Концептуальный уровень предлагаемого подхода формирует концепции личностно-ориентированного обучения, построения индивидуальной траектории обучения студента-магистранта. Процессно-методический уровень предлагаемого подхода позволяет внедрять современные инновационные сетевые технологии реализации контента дисциплин экономико-математического цикла и цикла информационных технологий, осуществлять адаптацию национальных образовательных систем к международным стандартам и формировать конкурентоспособную образовательную среду.

Выводы. Приоритетными направлениями реализации международных образовательных проектов являются: перевод международных программ в статус сетевых, реализуемых с ведущими университетами (в том числе развитие программ двойного диплома); приведение международных программ к европейским стандартам качества и требованиям международных аккредитационных агентств; прохождение международной совместной профессионально-общественной аккредитации международных образовательных программ.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, высшее образование, бизнес-образование, интернационализация, программы двойного диплома магистра, международная аккредитация

[1] Статья подготовлена в рамках поддержанной заявки № ГК22-000184 на грант Благотворительного Фонда Владимира Потанина для преподавателей магистратуры.

Для цитирования: *Куклина Е. А., Наумов В. Н.* Программы «двойной магистратуры» как инструмент формирования единого образовательного пространства ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 2. С. 28–40.

Dual Master's Programs as a Tool for the Formation of a Single Educational Space of the EAEU

Evgeniya A. Kuklina*, Vladimir N. Naumov
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation;
* kuklina-ea@ranepa.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0457-2658

ABSTRACT
The relevance of the topic of the article is due to the key role of higher education in the formation of the necessary competencies for the scientific, technological and industrial sphere of the economy of a modern state.
Aim. The purpose of the article is to consider the methodological and practical issues of designing double degree master's programs in the field of business education as one of the effective tools for the formation of a single educational space of the Eurasian Economic Union. The issues of development and implementation of joint educational programs are considered on the example of an international educational project developed at the Department of Business Informatics of the North-Western Institute of Management of the RANEPA. A substantive description of the project is given, the choice of a partner organization is substantiated, criteria for evaluating the effectiveness of the project implementation are formulated.
Tasks. Give a meaningful description of the international educational project (relevance, relevance, structure, methodology and methodological novelty, competencies being formed, etc.), justify the choice of a partner organization and formulate criteria for evaluating the effectiveness of the implementation of an educational project.
Methods. System approach and expert-analytical methods of research (flow methods of expertise, expert assessments).
Results. The proposed methodological approach to the implementation of educational projects in the format of double diplomas allows solving the problems of internationalization of higher education, forming systems thinking, skills in working with large amounts of data and modern application packages, making non-standard decisions in the economy among students of master's programs based on modern learning technologies. The conceptual level of the proposed approach is formed by the concepts of student-centered learning, building an individual learning trajectory for undergraduate students. The process-methodological level of the proposed approach allows the introduction of modern innovative network technologies for the implementation of the content of the disciplines of the economic-mathematical cycle and the cycle of information technology, the adaptation of national educational systems to international standards and the formation of a competitive educational environment.
Conclusions. The priority areas for the implementation of international educational projects are: transferring international programs to the status of network programs implemented with leading universities (including the development of double diploma programs); bringing international programs to European quality standards and requirements of international accreditation agencies; passing the international joint professional and public accreditation of international educational programs.
Keywords: Eurasian Economic Union, higher education, business education, internationalization, master's double degree programs, international accreditation
For citing: Kuklina E. A., Naumov V. N. Dual Master's Programs as a Tool for the Formation of a Single Educational Space of the EAEU // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2022. Vol. 16. No. 2. P. 28–40.

Введение

В современном мире глобальное преимущество имеют те государства, которые владеют уникальными или инновационными технологиями. Технологии создаются компетенциями, которые, в свою очередь, приобретаются в результате формирования одного из элементов человеческого капитала — знаний. Таким образом, в цепочке «знания — компетенции — технологии» на первом месте стоят именно знания, что обуславливает актуальность исследований в сфере высшего образования, и в наибольшей мере это важно для уровня магистратуры, в силу значимости этого уровня образования для целей успешного решения задач социально-экономического развития любого современного государства.

Переход на более высокий уровень интеграционного взаимодействия с созданием общих рынков требует более высокого уровня интеграции, формирования качественно другой доверенной среды, в том числе и в сфере высшего бизнес-образования. Неотъемлемой частью развития евразийской интеграции, которая может способствовать развитию сетевых академических технологий, является академическая мобильность студентов и профессорско-преподавательского состава, реализуемая в том числе и в рамках программ двойного диплома [1; 4; 5].

Формирование международного образовательного пространства способно повысить степень доверия, усилить центробежные процессы в ЕАЭС (особенно в условиях обострения борьбы за Центральную Азию и за бывшие союзные республики), повысить конкурентоспособность как отдельных государств, так и интеграционного объединения в целом за счет эффекта синергии; это именно тот случай, когда 2 + 2 = 5.

По нашему мнению, наиболее перспективным инструментом формирования единого высококонкурентного образовательного пространства ЕАЭС является проектирование сопряженных по направлениям подготовки интегрированных магистерских программ (например, «Экономика» / «Бизнес-аналитика»), реализуемых в формате программ двойных дипломов (программ совместных степеней).

Целью настоящей статьи является рассмотрение методологических и практических вопросов проектирования программ двойного диплома магистра в сфере бизнес-образования как одного из эффективных инструментов формирования единого образовательного пространства ЕАЭС (на примере образовательного проекта, разработанного на кафедре бизнес-информатики СЗИУ РАНХиГС).

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие основные задачи:

- дать содержательную характеристику проекта (актуальность, востребованность, структура, методология и методическая новизна, формируемые компетенции и др.);
- обосновать выбор партнерской организации;
- сформулировать критерии оценки эффективности реализации проекта.

Для решения поставленных задач используется системный подход и экспертно-аналитические методы исследования (потоковые методы экспертизы, экспертные оценки).

Результаты

Процесс обострения международной конкуренции за абитуриента объективно способствует повышению качества образования, содействует разработке новых международных программ обучения, в том числе программ двойных дипломов уровня магистратуры. Поэтому для повышения уровня конкурентоспособности и степени привлекательности высшего образования вузов стран — членов ЕАЭС необходимо находить новые сегменты рынка образовательных услуг, т. е. университеты должны разрабатывать и открывать новые программы магистратуры, в том числе сетевые.

По сравнению с обычными программами получения степени магистра, программы двойного диплома имеют дополнительные преимущества, которые можно рассматривать как конкурентные:

- получение дипломов международного уровня двух престижных университетов за один учебный период;
- возможность получения образования за рубежом;
- посещение лекций ведущих профессоров зарубежного университета; возможность получения образования как по одной и той же, так и по схожим направлениям подготовки / специальностям;

- сопоставимая продолжительность обучения в каждом из вузов-партнеров;
- возможность пройти практику на зарубежном предприятии с перспективой дальнейшего трудоустройства;
- синхронизированные учебные планы, позволяющие признавать периоды обучения и результаты зачетов и экзаменов на основании действующих в вузах-партнерах соглашений о реализации совместной образовательной программы (СОП), определяющих принципы и стандарты обеспечения качества образования;
- совершенствование языковых навыков, опыт общения и проживания в кросс-культурной среде;
- формирование конкурентных преимуществ на рынке труда, установление новых связей, развитие бизнес-контактов;
- возможность достойно представить себя в профессиональном резюме.

В 2021 г. Российская Федерация заняла 12-ю позицию по присутствию в топ-500 глобальных рейтингов университетов. Рост активности присутствия российских вузов на постсоветском пространстве в ближнем зарубежье определяется фактом проживания там более 20 млн русских и русскоязычных соотечественников. На сегодняшний день Россия, как один из ключевых участников ЕАЭС, является центром академической мобильности для граждан из стран ЕАЭС. Согласно прогнозам Минобрнауки РФ, к 2025 г. в России будут учиться до 760 тыс. иностранных граждан, а поток академической мобильности иностранных студентов и профессорско-преподавательского состава в рамках ЕАЭС увеличится на 5,6% и 3,8% соответственно[1].

Республика Узбекистан имеет статус наблюдателя в ЕАЭС с 11 декабря 2020 г., в настоящее время изучается вопрос вступления и влияния этого решения на национальную экономику. Узбекистан — необходимый участник комплексных решений в регионе Центральной Азии в области транспорта, электроэнергетики и системы водопользования, «точка сборки» Центральной Азии. Для ЕАЭС государство является стратегическим партнером, который имеет исторически налаженную развитую систему промышленной кооперации с Россией, и сегодня очевидно наличие значительного потенциала увеличения объемов взаимного промышленного и торгово-инвестиционного сотрудничества, а также взаимодействия в научно-образовательной сфере [3].

Существенное значение для перспективного сотрудничества в сфере бизнес-образования имеет тот факт, что разговорным русским языком в стране владеет от 50% до 80% населения, а количество русских групп в колледжах и лицеях — 50% и 90% соответственно. Русский язык является обязательным к изучению во всех вузах страны, обучение в ключевых вузах ведется, помимо узбекского, также на русском языке, который является основным языком делопроизводства в крупных городах.

С целью подготовки высококвалифицированных кадров в 2019 г. совместно с зарубежными образовательными учреждениями в Самаркандском государственном университете был создан факультет международных образовательных программ, который реализует СОП с ведущими университетами мира: Российской Федерации (Московский государственный технологический университет «Станкин»); ФРГ (Кильский университет им. Кристиана Альбрехта); США (университет штата Юта); Китая (Университет Сиан Жиаотонг и Университет Шанси); Израиля (Холонский технологический институт); Южной Кореи (Университет Сунчонхян).

Целью образовательного проекта является создание и реализация двух программ двойного диплома магистра по направлениям 38.04.05 «Бизнес-информатика» и 38.04.01 «Экономика» как СОП между Северо-Западным институтом управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (факультет экономики и финансов) и Самаркандским государственным университетом (факультет цифровой экономики / факультет международных образовательных программ).

Характеристика проектируемых магистерских программ: вид академической мобильности — двухсторонняя; язык — русский; период академической мобильности — второй год обучения; форма

[1] Паспорт национального проекта «Образование» (утв. Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16) [Электронный ресурс] // Сайт Н.П.А. URL: https://bazanpa.ru/sovet-pri-prezidente-rf-po-strategicheskomu-razvitiiu-i-natsionalnym-proektam-pasport-ot24122018-h4323436/4/4.9/ (дата обращения: 03.11.2021).

обучения — очная; модели — с присутствием в вузе-партнере в течение периода академической мобильности / сетевая с использованием электронной образовательной платформы вуза-партнера / комбинированная (кампус + online).

Целью предлагаемого проекта является формирование системы знаний, аналитических компетентностей и навыков осуществления профессиональной деятельности в сфере экономики и бизнес-аналитики.

Для достижения цели поставлены следующие основные *задачи*:

- сформировать у магистранта систему концептуальных знаний и навыков применения методов бизнес-аналитики, отражающих современные подходы к анализу и прогнозированию поведения объектов, процессов и явлений в экономике;
- сформировать навыки, связанные с построением экономико-математических моделей в области бизнес-аналитики и обработки данных, поддержки принятия экономических решений при решении задач руководства и управления фирмой.

Структура проекта включает три модуля: подготовительно-организационный, контентно-содержательный, публикационно-маркетинговый. В рамках первого модуля осуществляется подготовка проектов Меморандума о намерениях, Соглашений о реализации программы двойного российско-узбекского диплома магистра бизнес-информатики и программы двойного российско-узбекского диплома магистра экономики, согласование модели (моделей) программы и характеристик ОП.

Содержание второго модуля включает формирование учебного плана по двум ОП, формирование контента модулей дисциплины (проблемных лекций, лабораторных заданий, выполняемых с помощью современных программных систем, средств диагностики, презентаций; практикумов, кейсов и др.), разработку рабочих программ дисциплин и практик, разработку программы государственной итоговой аттестации, формирование примерного перечня тем магистерских диссертаций с фокусом на решение актуальных проблем евразийской интеграции.

Содержание третьего модуля предполагает издание учебных пособий в вузах-партнерах, участие в профильных конференциях (международные научно-практические конференции «Архитектура университетского образования», «Государство и бизнес» и др.), организацию работы тематических круглых столов для популяризации результатов проекта, подготовку научных статей в профильные журналы (международные научно-аналитические журналы «Евразийская интеграция: экономика, право, политика», «Управленческое консультирование», «Контуры глобальных трансформаций» и др.).

Методологический подход к реализации образовательного проекта направлен на решение существующих проблем интернационализации высшего образования, формирование системного мышления, навыков работы с большими объемами данных и современными пакетами прикладных программ (в том числе углубленной аналитики), принятия нестандартных решений в экономике у студентов магистерских программ на основе современных технологий обучения.

Предлагаемый методологический подход включает концептуальный и процессно-методический уровень. Концептуальный уровень формируют концепции личностно-ориентированного обучения, построения индивидуальной траектории обучения студента-магистранта. Процессно-методический уровень предполагает внедрение современных инновационных сетевых технологий реализации контента дисциплин экономико-математического цикла и цикла информационных технологий; формирование социальной сети, объединяемой использованием современных экономико-математических методов в информационно-коммуникационных технологиях, экономике, финансах, менеджменте и т. д.; адаптацию национальных образовательных систем к международным стандартам; формирование конкурентоспособной образовательной среды.

В контексте предлагаемого проекта следует выделить следующие магистерские программы российских вузов в области бизнес-образования[1]:

[1] По данным сайта Keystone Masterstudies [Электронный ресурс]. URL: https://www.masterstudies.ru (дата обращения: (05.01.2022).

- «Мастер бизнес-аналитики и больших данных — MiBA» (СПбГУ) сфокусируется на развитии фундаментальных знаний в области управления и современных аналитических инструментов, используемых для информирования принятия управленческих решений;
- «Мастер в области управления и аналитики для бизнеса» (ВШЭ) фокусируется на стратегическом и оперативном управлении с акцентом на анализе и решениях с использованием технологий big data;
- «Мастер бизнес-аналитики и систем больших данных» (ВШЭ) — в фокусе англоязычной программы оценки влияния технологий big data на деятельность компаний разработка новых моделей корпоративной информационной инфраструктуры с использованием технологий больших данных;
- «Анализ данных в экономике» (СПбГЭУ) сфокусирована на количественной оценке социально-экономических явлений и процессов в экономике в условиях неопределенности, решении задач оптимизации субъектов экономики, анализе стохастических социально-экономических явлений и процессов как основы принятия управленческих решений.

Следует выделить также следующие магистерские программы зарубежных университетов в области бизнес-образования:

- «Магистр международного бизнеса» (University of Sussex Business School) — изучение международного бизнеса на основе экономической теории с целью объяснения поведения бизнеса как на уровне фирмы, так и в глобальной макроэкономике;
- «Магистр аналитики данных и экономики бизнеса» (Lund University) — изучение языка данных и применение данных в бизнес-экономическом контексте для принятия стратегических решений;
- «Магистр в области аналитики данных и экономики бизнеса — MScDABE» (Hong Kong Baptist University (HKBU) School of Business) — аналитика данных и экономики бизнеса как в Гонконге, так и в других странах;
- «Магистр экономики (бизнеса)» (University of Antwerpen) — изучение ведения бизнеса в реальных компаниях;
- «Магистр исследований в области делового администрирования и экономики» (Universidad de Leon) — исследование экономики предприятий, функционирующих в условиях высокой неопределенности с применением соответствующих аналитических инструментов и методов для принятия управленческого решения;
- «Мастер науки бизнес-аналитики — MSBA» (Carnegie Mellon University Tepper School of Business Pittsburgh) — классическая онлайн-программа магистра наук в области бизнес-аналитики, реализуемая Школой бизнеса Теппера при Университете Карнеги-Меллона (США).

Необходимо отдельно выделить также наиболее популярные образовательные ресурсы по бизнес-аналитике: курс “Business analytics” (ведущий вуз — Университет Пенсильвании); курс “Strategic Business Analytics” (ведущий вуз — ESSEC Центр цифрового бизнеса); “Data Analytics for Business Bootcamp” (ведущий вуз — университет штата Колорадо Боулдер) (по данным платформ открытых online-курсов). Фокусом данных программ является функциональная аналитика, такая как аналитика работы с клиентами (интернет-магазины, операции с кредитными картами, формирование программ лояльности клиентов); операционная аналитика (моделирование спроса, оценка риска, выбор варианта политики); аналитика персонала (применение количественных методов для обоснования стратегий привлечения и удержания ключевых работников, лидерство найма, оценка эффективности персонала, проектирование рабочих мест, управление талантами); учетная аналитика (прогноз поведения потребителей, формирование корпоративной стратегии, управление рисками, оптимизация); предсказательная и описательная аналитика.

С сентября 2021 г. ВШЭ запустила новую online-программу на Coursera «Мастер бизнес-аналитики», предоставляющую возможность получить степень магистра в области бизнес-аналитики и стратегической бизнес-отчетности.

Преимущества программы магистратуры «Бизнес-аналитика», предлагаемой российским участником проекта к реализации по модели двойного диплома, состоят в формировании междисциплинарных компетенций для принятия решений в условиях возрастающей сложности ведения бизнеса на глобальном уровне. В современных условиях успешность бизнеса зависит не только от внедряемых инноваций и технологий, но и от скорости адаптации, которая требует от будущих специалистов кросс-функциональности. Именно этим объясняется снижение популярности узкофункциональных направлений, в частности, таких, как прогнозирование (forecasting), экономический анализ, эконометрика (econometric) и рост интереса к междисциплинарным направлениям, требующим знаний по экономике, математическим методам моделирования и информационным технологиям, таким как бизнес-аналитика (Business Analytics) и наука о данных (Data Science) (рисунок 1).

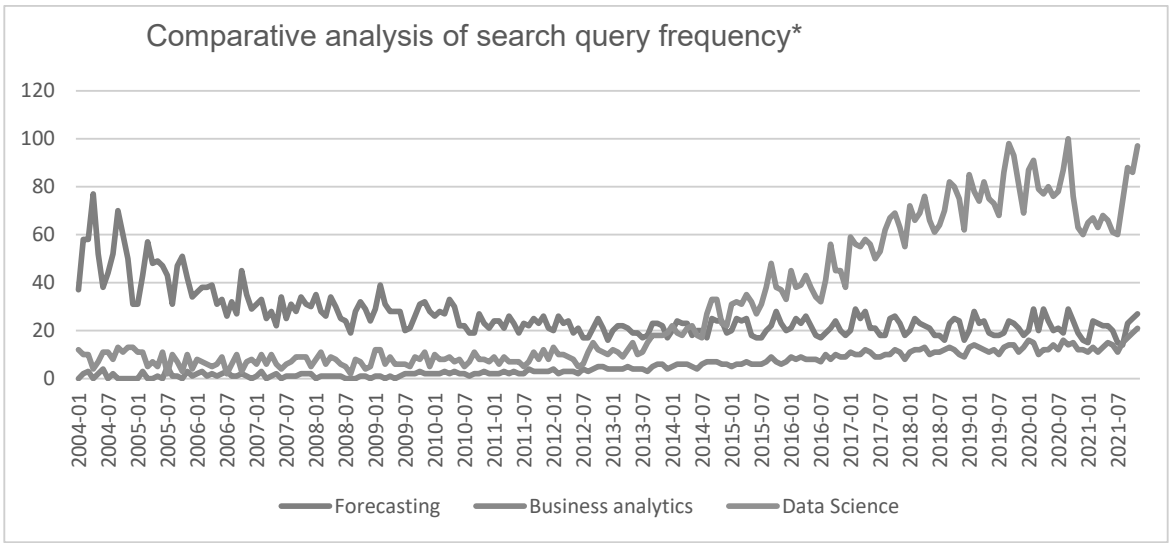

Рис. 1. Сравнительный анализ частоты поисковых запросов Forecasting, Business Analytics, Data Science в 2004–2021 гг.[1]

Fig. 1. Comparative analysis of the frequency of search queries Forecasting, Business Analytics, Data Science for the period 2004–2021

Как следует из приведенных данных, увеличение числа поисковых запросов по направлению «Бизнес-аналитика» является зарождающимся трендом, что свидетельствует о перспективности данного направления.

По данным агентства Carriercast за 2021 г., профессия data science по комплексу критериев (сумма доходов, возможность карьерного роста, вероятность стресса и привлекательность рабочей среды в США) занимает первое место. Необходимо отметить при этом, что в топ этого рейтинга также входят профессии product manager, enterprise architect, devops engineer, содержание которых также связано с бизнес-аналитикой.

По данным последнего отчета ООН (2020 г.), развитие электронного правительства в Российской Федерации (36-е место рейтинга) существенно опережает позицию Республики Узбекистан (87-е место), что определяет заинтересованность узбекского участника к изучению практического опыта России в цифровизации экономики, создании электронного общества, электронного правительства, что и изучается в рамках программы.

Таким образом, отличительными чертами предлагаемой магистерской программы «Бизнес-аналитика» являются:

[1] По данным сайта Google Trends [Электронный ресурс]. URL: https://trends.google.com.ua/trends/explore?date=all&q=Forecasting,Business%20Analytics,Data%20Science (дата обращения: 05.01.2022).

- направленность на формирование кросс-функциональных компетентностей (ознакомление с методами математического моделирования, успешными решениями, которые могут применяться в различных бизнес-системах);
- развитие навыков сетевой коллаборации при адаптации контента;
- развитие навыков управления задачами и временем при построении индивидуальной траектории обучения студентов, синтезе гибкой технологии обучения модулям;
- вопросы цифровой трансформации, развития информационного общества, внедрения новых цифровых технологий.

Отличительными чертами предлагаемой для реализации в формате двойного диплома российским участником проекта магистерской программы «Экономика фирмы» является соответствие тенденциям цифровой трансформации экономики (актуализированный учебный план включает такие дисциплины, как «Анализ данных», «Электронный бизнес», «Корпоративные информационные системы»), отражение профильности вуза (преподавание дисциплины «Экономика и стратегия развития государственных корпораций»), а также полное соответствие показателям и критериям профессионально-общественной аккредитации Санкт-Петербургской торгово-промышленной палаты (рег. номер № ПОА 0003/03/2020 от 27.03.2020) [2].

Сложность и трудоемкость процесса разработки и реализации СОП обусловливают необходимость применения системного подхода и использование проектного метода. Деятельность по проектированию СОП включает не только разработку основных составляющих ОП (учебные планы, академическая мобильность, взаимное признание периодов обучения, способы обеспечения качества и т. д.), но и учебное проектирование. При этом СОП рассматривается как сложный образовательный проект, целью которого является реализация поставленных учебных задач по получению студентами определенных знаний и формирование необходимых компетенций. При проектировании СОП необходимо достигнуть синхронизации этих двух компонентов. Поэтому используется проектный метод, предполагающий активную деятельность не только непосредственно разработчиков программы, но и всех участников образовательного процесса в вузах-партнерах, включая преподавателей и студентов.

Вузы-партнеры при разработке и реализации международной СОП опираются на потребности рынка труда государств и регионов, где данные вузы базируются. В условиях роста неопределенности и риска, сложности ведения бизнеса успех компаний зависит, прежде всего, от эффективности управления изменениями. В этой связи наблюдается устойчивая тенденция роста спроса на специалистов в области бизнес-аналитики, которые могут разработать технологические решения, направленные на преобразование потребностей клиентов в прибыль компании; формировать превентивные проекты для круга явно заинтересованных лиц — партнеров, координаторов, инвесторов. Международный свод знаний бизнес-аналитики BABOK 3 определяет данного специалиста ответственным за все основные процессы фирмы; в соответствии с этим документом, бизнес-аналитик несет ответственность за выполнение всех видов деятельности фирмы.

Данная тенденция воспроизводится как на международном, национальном, так и региональном уровне. Подобный тренд является доминантным как для России в целом, так и для регионов Северо-Западного федерального округа (рисунки 2 и 3).

Наиболее высокий спрос и количество вакансий по профессии «бизнес-аналитик» наблюдается в крупных агломерациях, в которых размещены головные офисы транснациональных компаний и сосредоточен научно-технический потенциал. Следует отметить, что в среднесрочной перспективе будет наблюдаться высокий спрос на специалистов этого направления, так как сохраняется существенный разрыв в заработной плате по этой категории.

Значения средней заработной платы по странам мира составляют: average business analyst salary in Australia: $111,949; average business analyst salary in Canada: $88,985; average business analyst salary in India: $18,086; average business analyst salary in south Africa: $57,893; average business analyst salary in the United Kingdom: $88,745. При этом за последние пять лет рост заработной платы в этой сфере составлял 800%.

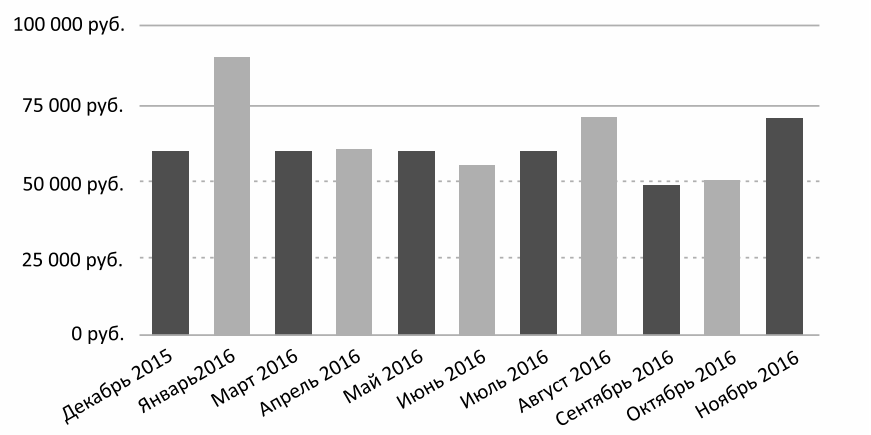

Рис. 2. Уровень заработной платы и распределение вакансий по профессии «бизнес-аналитик» по регионам Российской Федерации[1]

Fig. 2. Salary level and distribution of vacancies in the profession «Business Analyst» by regions of the Russian Federation

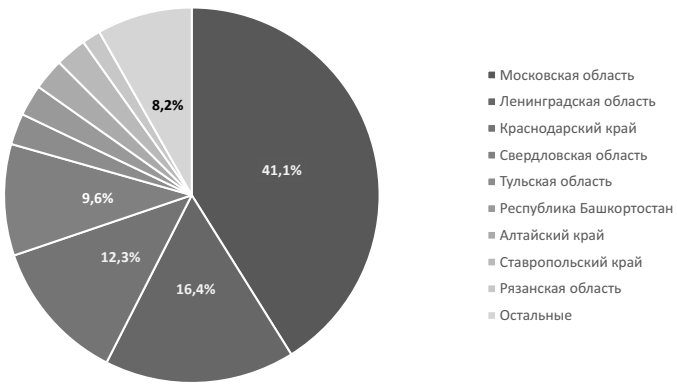

Рис. 3. Распределение вакансий по профессии «бизнес-аналитик» по регионам Российской Федерации[2]

Fig. 3. Distribution of vacancies in the profession “Business Analyst” by regions of the Russian Federation

Современный Узбекистан — один из ключевых элементов «пазла» экономической интеграции в Центральной Азии, что объясняет повышенный интерес российского бизнеса. Так, в настоящее время объем российских прямых иностранных инвестиций в экономику Республики Узбекистан составляет более $9 млрд, российский капитал присутствует в более чем 2 тыс. компаний, основными инвесторами являются ПАО «ЛУКОЙЛ», ПАО «Газпром», АО «Зарубежнефть», ПАО «Татнефть», «Группа Ростсельмаш», ПАО «КамАЗ», VEON др. К отраслям и сферам деятельности экономики Республики Узбекистан с наибольшим инвестиционным эффектом относятся: нефтегазовая, горнодобывающая, химическая, текстильная, кожевенно-обувная промышленность; сельское хозяйство; агропродовольственный комплекс; строительный, телекоммуникационный, финансовый секторы. С учетом того, что наша страна является крупнейшим рынком сбыта предприятий Узбекистана, можно прогнозировать профессиональную востребованность выпускников программ двойного диплома.

С целью обеспечения высокой эффективности проекта вузами-партнерами создается система постоянного мониторинга реализации СОП, чтобы отслеживать и гарантировать достижение заранее определенных результатов обучения на всех этапах ее реализации.

[1] По данным сайта Trud.com [Электронный ресурс]. URL: http://russia.trud.com/salary/692/67579.html (дата обращения: 05.01.2022).

[2] Там же.

Постоянный мониторинг программы включает:

- опросы всех заинтересованных лиц — участников программы по различным аспектам ее реализации и всесторонний анализ их результатов;
- анализ успеваемости магистрантов;
- оценку уровня компетентности преподавателей, чтобы обеспечить актуальность преподаваемых дисциплин;
- анализ трудоустройства выпускников программы, их востребованность на рынке труда;
- оценку информационного и ресурсного обеспечения образовательного процесса.

Прогресс подготовительных стадий проекта оценивается посредством разработанных методических материалов (программы курса, лекционного контента, лабораторного практикума, средств диагностики). Результатом подготовительных стадий проекта также является участие и презентация материалов проекта на профильных научно-практических конференциях, круглых столах с целью формирования банка актуальных компетенций и структуризации учебного контента, выбора наиболее эффективных форм и методов реализации.

Визуализация выходного продукта реализации проекта — визитка программ размещается на сайтах вузов-партнеров, а также в свободном доступе на отдельно созданном сайте в сети Интернет. Визитка должна содержать элементы обратной связи, которые позволят получить как первые отзывы от будущих абитуриентов в ходе подготовки контента, так и оценить его качество по мере реализации программ.

Показателями успешности проекта являются статистические показатели, характеризующие количество и частоту обращений к сайтам, а также длительность обращения. Процесс подготовки отчетов с приведенными усредненными показателями должен быть автоматизирован, а доступ к отчетам предоставляется только авторизованным администраторам сайта в сети Интернет.

Обсуждение

Актуальность формирования межгосударственного образовательного пространства ЕАЭС обусловлена, прежде всего, необходимостью сделать интеграционное объединение более адекватным современным экономическим требованиям, тенденциям и динамике развития рынка труда. Сейчас, согласно Договору о ЕАЭС, в связи с увеличением потоков академической мобильности и расширением экспорта образовательных услуг дипломы, выданные национальными вузами, признаются внутри интеграционного объединения без каких-либо дополнительных процедур подтверждения (за исключением педагогической, медицинской, фармацевтической и юридической специальности).

Следующий шаг в направлении формирования межгосударственного образовательного пространства ЕАЭС должен быть сделан относительно международной аккредитации, удостоверяющей признание соответствия вузов стран — участников ЕАЭС в целом (или их отдельных ОП) международным стандартам качества образования. Международные стандарты могут быть установлены или аккредитационными организациями, которые расположены в других странах и выполняют международную аккредитацию, или организациями стран ЕАЭС, которые являются членами международных соглашений и следуют в своей работе международным стандартам и регламентам.

В настоящее время существуют четыре варианта международной аккредитации ОП вузов России:

- *зарубежным агентством*, *проводящим международную аккредитацию* (агентства Европы, США, Австралии, Азии); европейские агентства также могут быть членами Европейского реестра обеспечения качества высшего образования EQAR, что обеспечивает признание результатов их аккредитации в европейском пространстве высшего образования;
- *одной из международных профессиональных ассоциаций*; некоторые из таких ассоциаций являются аффилированными организациями в Европейской ассоциации по гарантии качества образования ENQA;
- *национальным (российским) агентством, являющимся членом международного соглашения* (Washington Accord, EUR-ACE® Label) — с 2012 г. Россия здесь представлена Ассоциацией

инженерного образования России (АИОР), которое также является авторизованным агентством по присуждению Европейского знака качества инженерного образования EUR-ACE® Label; в состав Вашингтонского соглашения входит 20 организаций, являющихся ведущими аккредитационными агентствами или организациями по признанию квалификаций: Accreditation Board for Engineering and Technology — ABET (США); Japan Accreditation Board for Engineering Education — JABEE (Япония); China Association for Science and Technology — CAST (КНР) и др. В настоящее время авторизированными агентствами по присуждению EUR-ACE® являются 15 агентств из 15 стран (Германия, Франция, Соединенное Королевство, Ирландия, Казахстан, Россия и др.);

- *прохождение аккредитации, организованной российской аккредитующей организацией совместно с зарубежным агентством*; в России несколько аккредитующих организаций, выполняющих аккредитацию ОП ВО совместно с агентствами других государств (в этом случае российское агентство использует стандарты и процедуру проведения аккредитации ОП, гармонизированные с зарубежным агентством, с привлечением международных экспертов).

В Базе данных Европейского реестра аккредитованных программ DEQAR по состоянию на 1.05.2021 было зарегистрировано 58 247 ОП из 2768 вузов Европы и мира, в том числе 565 ОП (менее 0,01%) из 46 российских вузов (по активности лидирует РУДН — 45 ОП за период 2012–2020 гг.). Чаще всего российские вузы проходят международную аккредитацию по ОП магистратуры (55%), при этом больше всего аккредитованных программ относится к таким группам специальностей и направлений подготовки, как информационные технологии (17% от общего числа программ, имеющих международную аккредитацию), инженерия (12%) и менеджмент (10%).

Если рассматривать принципиальную возможность международной аккредитации образовательных программ вузов стран — членов ЕАЭС, то это либо один из существующих четырех рассмотренных вариантов для всех образовательных программ (включая инженерию), либо создание специализированного агентства в рамках ЕАЭС, функционирующего на принципах: независимости, объективности и профессионализма; прозрачности, достоверности и актуальности информации о процедурах аккредитации; коллегиальности принятия решений.

Заключение

Развитие международного университетского сотрудничества, создание и совершенствование совместных ОП в целом и программ двойного диплома в частности можно рассматривать как закономерный этап развития сотрудничества в образовательной сфере. Такие программы, основанные на синергии опыта разных стран в сфере высшего образования, позволяют разработать уникальные образовательные продукты, позволяющие формировать у студентов в каждом из вузов-партнеров компетенции, которые взаимно дополняют друг друга.

На рубеже второго и третьего тысячелетий программы двойного диплома получили широкое распространение, особенно в практике европейских университетов, что свидетельствует о высоком уровне сопоставимости образования и росте заинтересованности со стороны участников образовательного процесса. Так, в странах ЕС совместные программы реализуются в различных предметных областях, наибольшее распространение они получили в экономике, бизнес-образовании, юриспруденции, менеджменте и инженерном образовании.

По мнению авторов, сегодня в образовательном пространстве ЕАЭС также должен нарабатываться опыт совместных программ для того, чтобы использовать синергию знаний в целях укрепления интеграционного объединения в целом и реализации его потенциала. В данном контексте следует отметить, что, несмотря на наличие множества разнообразных моделей совместных ОП, не существует какой-либо одной идеальной модели партнерства, поэтому следует поощрять создание и продвижение любых проектов в этой сфере.

В качестве резюме считаем необходимым привести приоритетные направления работы одного из лидеров реализации международных ОП в России — Санкт-Петербургского политехнического универси-

тета Петра Великого[1], которые полностью соответствуют представлениям авторов статьи о приоритетах и перспективах международного университетского сотрудничества.

1. Перевод международных ОП в статус сетевых программ, реализуемых с ведущими университетами, в том числе развитие программ двойного диплома, особенно для программ международной магистратуры.
2. Приведение ОП к европейским стандартам качества и требованиям международных аккредитационных агентств.
3. Прохождение международной совместной профессионально-общественной аккредитации международных ОП.

Литература

1. *Куклина Е. А.* Проектирование совместных образовательных программ в контексте реализации сетевых форм обучения // Материалы научно-методической конференции СЗИУ — филиала РАНХиГС / под общ. ред. Е. А. Китина. СПб. : ИПЦ СЗИУ — фил. РАНХиГС, 2015. С. 76–82.
2. *Куклина Е. А., Паромов А. Ю.* Критерии и показатели профессионально-общественной аккредитации программ магистратуры (на примере магистерской программы «Экономика фирмы») // Материалы научно-методической конференции СЗИУ РАНХиГС / под общ. ред. Е. А. Китина. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2020. С. 84–92.
3. *Куклина Е. А., Паромов А. Ю.* Приоритетные направления международного сотрудничества в сфере высшего образования в контексте развития ЕАЭС: Центральная Азия и Западные Балканы // Интернационализация высшего образования как фактор глобального академического лидерства: сб. статей Всероссийской отраслевой научно-практической конференции. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС. 2021. С. 5–12.
4. *Куклина Е. А., Попова Е. М.* Программы двойного диплома магистра как актуальная форма международного сотрудничества (в контексте интернационализации образовательного процесса) // Архитектура университетского образования: построение единого пространства знаний: сб. трудов IV Национальной научно-методической. Часть I / под ред. И. А. Максимцева, В. Г. Шубаевой, Л. А. Миэринь и др. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2020. С. 329–336.
5. *Куклина Е. А., Попова Е. М.* Развитие программ магистратуры как фактор обеспечения конкурентоспособности университетов в условиях цифровой экономики // Архитектура университетского образования: современные университеты в условиях единого информационного пространства: сб. трудов III Национальной научно-методической конференции / под ред. И. А. Максимцева, В. Г. Шубаевой, Л. А. Миэринь. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2019. С. 80–83.

Об авторах:

Куклина Евгения Анатольевна, профессор кафедры бизнес-информатики СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук; kuklina-ea@ranepa.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0457-2658

Наумов Владимир Николаевич, заведующий кафедрой бизнес-информатики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор военных наук, профессор; naumov-vn@ranepa.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0385-3530

References

1. Kuklina E. A. Design of joint educational programs in the context of the implementation of network forms of education // Materials of scientific conference of NWM — branch of RANEPA / ed. by E. A. Kitin. St. Petersburg: Publishing House NWM of RANEPA, 2015. P. 76–82. (In Rus.)

[1] Лучшие практики международной деятельности [Электронный ресурс] // Политех. URL: https://www.spbstu.ru/upload/inter/best-practices-ia-21.pdf (дата обращения: 24.01.2022).

2. Kuklina E. A., Paromov A. Yu. Criteria and indicators of professional public accreditation of master's degree programs (on the example of the master's program "Economics of firm") // Materials of scientific-methodical conference of NWM — branch of RANEPA / ed. by E. A. Kitin. St. Petersburg : Publishing House NWM of RANEPA, 2020. P. 84–92. (In Rus.)
3. Kuklina E. A., Paromov A. Yu. Priority directions of international cooperation in the field of higher education in the context of the development of the EAEU: Central Asia and the Western Balkans // Internationalization of Higher education as a factor of global academic leadership: Materials of All-Russian industry scientific and practical conference. St. Petersburg : Publishing House NWM of RANEPA, 2021. P. 5–12. (In Rus.)
4. Kuklina E. A., Popova E. M. Double Master's degree programs as an actual form of international cooperation (in the context of the internationalization of the educational process) // Architecture of university education: building a unified space of knowledge: proceedings of the IV National Scientific and Methodological Conference. Part I / ed. by I. A. Maksimtsev, V. G. Shubaeva, L. A. Mierin (et al.). St. Petersburg : Publishing House of UNECON, 2020. P. 329–336. (In Rus.)
5. Kuklina E. A., Popova E. M. Development of master's degree programs as a factor of ensuring the competitiveness of universities in the digital economy // Architecture of university education: modern universities in a single information space: proceedings of the III National Scientific and Methodological Conference / ed. by I. A. Maksimtsev, V. G. Shubaeva, L. A. Mierin. St. Petersburg : Publishing House of UNECON, 2019. P. 80–83. (In Rus.)

About the authors:

Evgenia A. Kuklina, Full Professor of the Department of Business Informatics of North-West Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics); kuklina-ea@ranepa.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0457-2658

Vladimir N. Naumov, Head of the Department of Business Informatics, North-West Institute of Management, RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Military Sciences, Professor; naumov-vn@ranepa.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0385-3530

DOI 10.22394/2073-2929-2022-02-41-50

Сближение позиций государств — членов ЕАЭС по вопросам климатической повестки и углеродного регулирования[1]

Мигалева Т. Е., Подбиралина Г. В., Разумнова Л. Л.*
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Российская Федерация;
* Razumnova.LL@rea.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4148-2240

РЕФЕРАТ

Современные реалии, проявляющиеся, с одной стороны, в обострении политических и торговых конфликтов, а с другой — в усилении цифровизации и переходе на новый технологический уклад и климатические энергетические стратегии, побуждают страны к поиску новых направлений либерализации торговли и способствуют объединению усилий всех участников международных отношений для совместного противостояния существующим глобальным вызовам. В исследовании показано, что оказать влияние на происходящие процессы, усилить динамику торгово-экономического сотрудничества возможно с помощью выстраивания форматов многостороннего взаимодействия, позволяющих находить точки пересечения интересов, что наблюдается в настоящее время в ЕАЭС, государства-члены которого присоединились к Парижскому соглашению по климату. В этой связи возникает необходимость совместных действий в разработке инструментов климатической политики. Настоящее исследование направлено на анализ экономического развития стран ЕАЭС в условиях внешних вызовов и изучение мер, предпринимаемых Евразийской экономической комиссией, по продвижению стратегии «зеленой» экономики Евразийского союза.

Цель. Проанализировать имеющийся производственный потенциал в странах ЕАЭС и выявить условия для разработки общей климатической политики и единых механизмов углеродного регулирования на основе сближения позиций государств — членов интеграционного объединения.

Задачи. Определить степень использования производственного потенциала ЕАЭС, оценить возможности и сформулировать предложения активизации действий стран-участниц по его реализации в области устойчивого развития и климатической политики.

Методология. Основана на использовании общенаучных методов. В частности, применение логического и сравнительного методов позволило наиболее полно провести анализ факторов и тенденций изучаемых процессов; определить проблемы, препятствующие сближению позиций государств — членов ЕАЭС по вопросам климатической повестки и углеродного регулирования, и предложить возможные варианты их решения.

Результаты. Определено, что имеющийся производственный потенциал стран — участниц ЕАЭС в настоящее время не реализован в полной мере. Его дальнейшее развитие связано с необходимостью инвестиций для дозагрузки имеющихся производственных мощностей, технологическим обновлением и повышением производительности труда. Представлены возможные направления, позволяющие выработать странам ЕАЭС общие позиции по единой климатической политике и механизмы углеродного регулирования.

Выводы. Сегодня климатические проблемы становятся необратимыми и выходят на первый план международной повестки, что подталкивает страны к пересмотру своей углеродной стратегии. На основании проведенного исследования сделан вывод, что в продвижении «зеленой» повестки в ЕАЭС существуют препятствия, такие как политическая и макроэкономическая нестабильность, применение протекционистских мер между странами — участницами объединения (особенно характерно это проявилось в период пандемии), отстаивание собственного суверенитета и др., что

[1] Данное исследование выполнено при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова» в рамках гранта: «Развитие международного бизнеса на евразийском пространстве в условиях новых глобальных вызовов» #96905.082020, #1232 08.10.2020.

затрудняет разработку совместных механизмов регулирования общих рынков. Однако оценка возможностей для сближения позиций стран ЕАЭС показала, что имеется широкий спектр направлений взаимодействия: так, например, во всех странах ЕАЭС на сегодня приняты национальные стратегии устойчивого («зеленого») развития, которые подразумевают модернизацию экономик за счет внешнего финансирования, что создает стимулы для создания совместных компаний и условия для разработки общей климатической политики и единых механизмов углеродного регулирования.
Ключевые слова: страны ЕАЭС, устойчивое развитие, единая климатическая повестка, углеродное регулирование
Для цитирования: *Мигалева Т. Е., Подбиралина Г. В., Разумнова Л. Л.* Сближение позиций государств — членов ЕАЭС по вопросам климатической повестки и углеродного регулирования // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 2. С. 41–50.

Rapprochement of the Positions of the EAEU Member States on the Issues of the Climate Agenda and Carbon Regulation[1]

Tatyana E. Migaleva, Galina V. Podbiralina, Lyudmila L. Razumnova*
Plekhanov Russian University of Economic, Moscow, Russian Federation;
* Razumnova.LL@rea.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4148-2240

ABSTRACT
Aim. Analyze the existing production potential in the EAEU countries and identify conditions for the development of a common climate policy and common mechanisms for carbon regulation based on the convergence of the positions of the member states of the integration association.
Tasks. Determine the degree of use of the production potential of the EAEU; assess the possibilities and formulate proposals for enhancing the actions of the participating countries for its implementation in the field of sustainable development and climate policy.
Methods. Based on the use of general scientific methods. In particular, the use of logical and comparative methods made it possible to most fully analyze the factors and trends of the processes under study; to identify problems that prevent convergence of the positions of the EAEU member states on the issues of the climate agenda and carbon regulation and propose possible options for their solution.
Results. It has been determined that the existing production potential of the EAEU member countries is currently not fully realized. Its further development is associated with the need for investments to reload existing production capacities, technological renewal and an increase in labor productivity. Possible directions are presented that allow the EAEU countries to develop common positions on a unified climate policy and carbon regulation mechanisms.
Conclusion. Today, climate problems are becoming irreversible and coming to the forefront of the international agenda, which is pushing countries to revise their carbon strategy. Based on the study, it was concluded that there are obstacles to the promotion of the "green" agenda in the EAEU, such as political and macroeconomic instability, the use of protectionist measures between the member countries of the association (this was especially characteristic during the pandemic), upholding their own sovereignty, etc.), which makes it difficult to develop joint mechanisms for regulating common markets. On the other hand, an assessment of the opportunities for convergence of the positions of the EAEU countries showed that there is a wide range of areas of interaction: for example, all EAEU countries have adopted national strategies for sustainable ("green") development, which imply the modernization of economies through, including , and external financing, which creates incentives for

[1] This study was carried out with the financial support of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "PRUE" G. V. Plekhanov" within the framework of the grant: "Development of international business in the Eurasian space in the face of new global challenges" #96905.082020, #1232 10/08/2020.

the creation of joint companies and conditions for the development of a common climate policy and unified mechanisms for carbon regulation.
Keywords: EAEU countries, sustainable development, common climate agenda, carbon regulation
For citing: Migaleva T. E., Podbiralina G. V., Razumnova L. L. Rapprochement of the Positions of the EAEU Member States on the Issues of the Climate Agenda and Carbon Regulation // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2022. Vol. 16. No. 2. P. 41–50.

Введение

Достижение углеродной (климатической) нейтральности и переход к «зеленой повестке» становится основной стратегической задачей наиболее передовых государств мира. Во многих странах разрабатываются стратегии такого перехода и предпринимаются практические шаги по их реализации. Страны — участницы ЕАЭС не в стороне от этого тренда, однако переход к устойчивой экономике будет зависеть от последовательности и целенаправленности усилий государственных структур, степени доверия инвесторов, стабильности политической и экономической обстановки, а также согласия внутри гражданского сообщества. Сближение позиций евразийских государств по вопросам климатической повестки и углеродного регулирования возможно, однако здесь важен положительный настрой самих государств-членов. При этом необходим пакет мер (в том числе и нормативно-правового характера), которые позволили бы выработать общие направления и инструменты сближения интересов стран — участниц ЕАЭС, в том числе в производстве и продвижении «зеленых» товаров и технологий на внешние рынки; механизмов стимулирования инновационной деятельности частного бизнеса, а также повышения инвестиционной привлекательности адаптационных проектов; участия малого и среднего бизнеса в программах зеленого инвестирования и цифровой трансформации.

Макроэкономическая динамика стран — участниц ЕАЭС

В 2020 г. ограничения, вызванные пандемией Covid-19, уменьшение мирового спроса и обвал цен на нефть, которая является основным экспортным товаром Республики Казахстан и Российской Федерации (ведущих экономик объединения) [10, с. 859–870], значительно снизили внутреннюю экономическую активность и привели к снижению роста ВВП стран — участниц ЕАЭС (см. рис.).

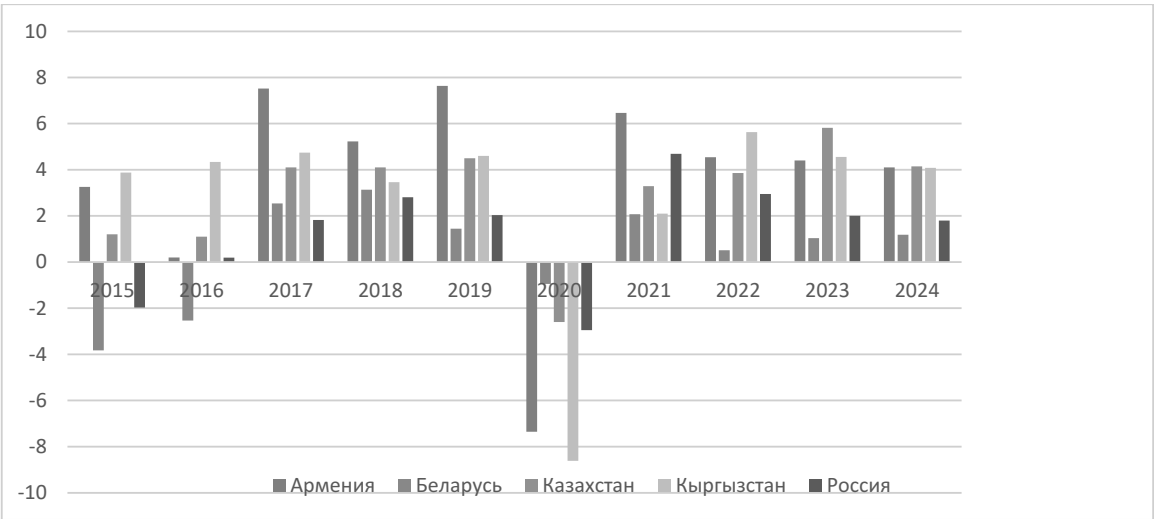

Рис. Динамика ВВП стран — членов ЕАЭС, 2015–2024 гг., %

Fig. GDP dynamics of the EAEU member countries, 2015–2024, %

Источник: составлено по: International Monetary Fund, World Economic Outlook Database, October 2021.

Пандемия оказала негативное влияние на деловую активность стран ЕАЭС. Сокращение производства в большинстве отраслей промышленности и услуг в 2020 г. (в целом по ЕАЭС оно составило 3%), а также притока инвестиций в основной капитал (уменьшение составило 2%) повлекло за собой снижение темпов роста ВВП. В наибольшей степени данный показатель снизился в Армении и Республике Кыргызстан — с 7,6% до –7,4% и с 4,6% до –8,6% соответственно. Менее всего пострадала экономика Республики Беларусь, где рост ВВП сократился менее чем на 3% — с 1,4% до –0,9% (см. рис.).

Анализ макроэкономических показателей показал, что ухудшились и внешнеторговые показатели. Согласно данным, представленным в «Основных ориентирах макроэкономической политики государств — членов Евразийского экономического союза на 2021–2022 годы», отмечается, что объем внешней торговли товарами с третьими странами в 2020 г. (по сравнению с 2019 г.) снизился на 15,4%, в том числе энергетическими товарами — на 36,1%. Отрицательная динамика наблюдалась и во взаимной торговле, где снижение составило 11%. Наибольшее сокращение наблюдалось в торговле минеральными продуктами — 24,9%.

Снижение деловой активности наблюдалось и в сфере услуг, что в совокупности с показателями внешней торговли значительно сократило налоговые поступления. В результате правительства были вынуждены принимать меры по преодолению негативных последствий коронавирусной инфекции за счет увеличения бюджетных расходов на здравоохранение, поддержку уязвимых категорий населения и наиболее пострадавших отраслей экономики[1].

В подготовленном документе Высшего Евразийского экономического совета отмечается, что все страны ЕАЭС завершили 2020 г. с отрицательным сальдо государственного бюджета (за исключением Республики Беларусь) и превысили установленное Договором о Евразийском экономическом союзе количественное значение дефицита консолидированного бюджета сектора государственного управления[2].

Дальнейшие шаги по покрытию образовавшихся дефицитов способствовали наращиванию государственных заимствований, что привело не только к увеличению государственного долга, но и сокращению средств для финансирования инвестиций частного сектора.

Объем прямых иностранных инвестиций (далее — ПИИ) в 2020 г. относительно 2019 г. снизился более чем вдвое и составил 16,5 млрд долл., взаимные ПИИ составили 1,2 млрд долл., что отражает общую тенденцию сжатия внешних источников финансирования.

Вместе с тем коронакризис способствовал развитию положительных структурных изменений: ускорились процессы импортозамещения; в том числе увеличилось производство фармацевтической продукции, услуг здравоохранения и услуг в области ИКТ [2]. При этом снизилась доля ЕС и одновременно увеличилась доля КНР во внешней торговле, вырос удельный вес национальных валют во внешнеторговых расчетах[3].

В 2021 г. государства ЕАЭС смогли достичь цели по приросту ВВП, установленной Основными ориентирами макроэкономической политики ЕАЭС на 2021–2022 гг. на уровне 4,5–5,5%. По оценкам ЕЭК, экономики Беларуси, Казахстана и России уже достигли допандемийного уровня (см. рис.). Помимо роста ВВП, в 2021 г. улучшились показатели взаимной и внешней торговли. Так, объем взаимной торговли увеличился на 31,9% по сравнению с 2020 г. и достиг 72,6 млрд долл. Страны усилили позиции на внешнем рынке, о чем свидетельствует рост объема экспорта, который увеличился на 44,1% и достиг 525,6 млрд долл. США, что является максимальным значением с 2015 г.[4]

В целом можно говорить об активизации имеющегося в ЕАЭС производственного потенциала. Его дальнейшее развитие связано с использованием незагруженных производственных мощностей, тех-

---

[1] Об Основных ориентирах макроэкономической политики государств — членов Евразийского экономического союза на 2021–2022 годы : решение Высшего Евразийского экономического совета от 21 мая 2021 г. № 9 [Электронный ресурс]. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01429751/err_14072021_9 (дата обращения: 03.03.2022).

[2] См. там же.

[3] См. там же.

[4] Межправсовет принял предложения по обеспечению устойчивого экономического развития в ЕАЭС. Пресс-служба ЕЭК. 25 февраля 2022 г. [Электронный ресурс] // Tks.ru. URL: https://www.tks.ru/news/nearby/2022/02/25/0008 (дата обращения: 03.03.2022).

нологическим обновлением и повышением производительности труда. В 2020 г. минимальная загрузка производственных мощностей наблюдалась в Кыргызстане (50%) и Казахстане (52%), в России и в Беларуси — 62% и 70% соответственно. По оценке ЕЭК, увеличение использования производственных мощностей в обрабатывающей промышленности на 10% ускорит темпы роста в этом секторе на 6–15%. По итогам 2021 г. инвестиции в основной капитал ЕАЭС составили 212,5 млрд долл., что существенно ниже среднемировых значений[1].

Согласно Стратегии-2025, доля стран ЕАЭС в международной торговле в 2019–2030 гг. должна возрасти с 2,4% до 3,3%, доля в мировом ВВП — с 3,7% до 4,0%. Однако достижение таких показателей возможно только с учетом стабилизации социально-экономической ситуации в отдельных странах и урегулирования внешнеполитической ситуации.

Активизация деятельности в области устойчивого развития

В настоящее время более 70% глобальной экономики охвачено обязательствами по достижению углеродной нейтральности по сравнению с январем 2020 г., когда этот показатель составлял всего 30%[2]. С 2007 г. проходит координация усилий в этом направлении через синхронизацию деятельности международных организаций, включая Международную организацию по стандартизации (ISO), Институт мировых ресурсов, Всемирный деловой совет по устойчивому развитию и др.

Деятельность Евразийской экономической комиссии, которая призвана осуществлять координацию научно-технического и торгово-экономического сотрудничества, среди прочих сфер охватывает вопросы устойчивого развития и сближения позиций государств — членов ЕАЭС по вопросам климатической повестки и углеродного регулирования.

Анализ документов Высшего Евразийского экономического совета позволил выявить основные проблемы по развитию ряда актуальных сфер экономического взаимодействия стран Союза в области устойчивого развития и «зеленой» экономики [5, с. 55–65].

Перечислим наиболее важные, на наш взгляд, правовые документы, принятые в данной сфере и направленные на координацию совместных усилий и сближение интересов стран — членов ЕАЭС.

Так, например, к основным интеграционным приоритетам в рамках «Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года»[3] предусматривается проведение согласованной политики в вопросах повышения энергосбережения и энергоэффективности, разрешения существующих экологических проблем и обеспечения устойчивого развития и углеродного регулирования.

На решение этих задач направлены меры, предусмотренные в Распоряжении Евразийского межправительственного совета (ЕМПС) № 10 от 20 августа 2021 г. «О формировании рабочей группы высокого уровня по выработке предложений по сближению позиций государств — членов Евразийского экономического совета в рамках климатической повестки»[4].

О расширении диалога в рамках климатической тематики и низкоуглеродного развития, а также реализации целей по формированию банка климатических данных и цифровых инициатив главами государств 14 октября 2021 г. было принято «Заявление об экономическом сотрудничестве государств — членов Евразийского экономического союза в рамках климатической повестки»[5].

---

[1] Премьер-министры стран ЕАЭС рассмотрели инструментарий господдержки промышленности в Союзе. 25.02.2022 [Электронный ресурс] // ЕЭК. URL: https://eec.eaeunion.org/news/premer-ministry-stran-eaes-rassmotreli-instrumentariy-gospodderzhki-promyshlennosti-v-soyuze/ (дата обращения: 03.03.2022).

[2] Вместе на пути к углеродной нейтральности [Электронный ресурс] // Газета «Коммерсантъ». № 175. 28.09.2021. С. 6. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5006952 (дата обращения: 03.03.2022).

[3] О стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года : решение Высшего Евразийского экономического совета № 2. 11 декабря 2020 г. [Электронный ресурс] // Альта-Софт. URL: https://www.alta.ru/tamdoc/20vr0012/ (дата обращения: 03.03.2022).

[4] О формировании рабочей группы высокого уровня по выработке предложений по сближению позиций государств — членов Евразийского экономического союза в рамках климатической повестки : распоряжение Евразийского межправительственного совета от 20.08.2021 № 10 [Электронный ресурс] // Альта-Софт. URL: https://www.alta.ru/tamdoc/21mr0010/ (дата обращения: 03.03.2022).

[5] Заявление об экономическом сотрудничестве государств — членов Евразийского экономического союза в рамках климатической повестки. 14.10.2021 [Электронный ресурс] // Сайт ЕЭК. URL: https://eec.eaeunion.org/news/zayavlenie-ob-ekonomicheskom-sotrudnichestve-gosudarstv-chlenov-%20evrazijskogo-ekonomicheskogo-soyuza-v-ramkah-klimaticheskoj-povestki/ (дата обращения: 03.03.2022).

В апреле 2021 г. было принято Решение ЕМПС «Об Основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза до 2025 года», где вопросы «зеленых» технологий и защиты окружающей среды обозначены лишь двумя пунктами: необходимостью введения поэтапного запрета на ввоз и производство одноразовой продукции из пластика и формированием предложений на основе анализа промышленной отрасли[1]. Следует отметить, что эти вопросы, безусловно, требуют большей детализации. Однако, если рассматривать другие меры, включая формирование евразийских центров компетенций, взаимодействие в рамках евразийских технологических платформ, инструменты продвижения совместно произведенных товаров на внешние рынки, расширение механизмов поддержки кооперационных проектов и взаимного информирования государств-членов о планируемых направлениях реализации национальной промышленной политики в отношении чувствительных товаров, формирование карты индустриализации и другие, то можно сделать вывод, что они направлены на создание институциональной инфраструктуры для развития сотрудничества стран — членов ЕАЭС по вопросам климатической политики и углеродного регулирования.

Определенный вклад в развитие правовой базы в области общей климатической политики вносят «Основные направления и этапы реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики государств — членов ЕАЭС на 2021–2023 гг.»[2] и План мероприятий («дорожная карта») по формированию общего рынка органической сельскохозяйственной продукции в рамках ЕАЭС[3].

Проблемы, касающиеся гармонизации регулирования выбросов парниковых газов и стимулирования природоохранной деятельности в ЕАЭС, также обсуждаются в рамках заседаний Коллегии ЕЭК. В частности, принято решение о создании постоянно действующей рабочей группы высокого уровня и делегировании ЕЭК полномочий по климатической повестке в ЕАЭС по вопросам подготовки предложений по ее реализации[4].

Таким образом, принятие вышеперечисленных документов определяет широкий спектр направлений в области развития промышленно-технологической кооперации, создания безбарьерного агропродовольственного рынка, реализации сквозных инфраструктурных проектов, создания системы госзакупок и цифровых платформ, что позволит создать условия для разработки общей климатической политики и единых механизмов углеродного регулирования стран ЕАЭС, обеспечив сближение позиций по данным вопросам.

Проблемы в области согласования климатической повестки и углеродного регулирования стран ЕАЭС

Трудности, с которыми сталкиваются страны — члены ЕАЭС на пути построения «зеленой» экономики, лежат в различных плоскостях — на глобальном и национальном уровне, в области действия субъективных и объективных факторов, макроэкономических и институциональных и пр.[5]

1. Отсутствие интеграции капиталов стран ЕАЭС. Это в большей степени касается производственной сферы и сферы НИОКР, но в дальнейшем с развитием фондовых рынков в менее экономически развитых странах объединения эта проблема затронет и их деятельность. Следует отметить, что

[1] Об Основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза до 2025 года : решение Евразийского межправительственного совета от 30.04.2021 № 5 [Электронный ресурс] // Альта-Софт. URL: https://www.alta.ru/tamdoc/21ms0005/ (дата обращения 03.03.2022).

[2] О плане мероприятий («дорожной карте») по реализации Основных направлений и этапов реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики государств-членов Евразийского экономического союза на 2021–2023 гг. : распоряжение Евразийского межправительственного совета № 15 от 20 августа 2021 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/energetikaiinfr/transport/transportnaya_politika/Documents/%D0%A0%D0%B0%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%8F%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%2015.pdf (дата обращения: 03.03.2022).

[3] Итоги заседания Евразийского межправительственного совета 19–20 августа. 20.08.2021 [Электронный ресурс] // Сайт ЕЭК. URL: https://eec.eaeunion.org/news/itogi-zasedaniya-evrazijskogo-mezhpravitelstvennogo-soveta-19-20-avgusta-/ (дата обращения: 03.03.2022).

[4] Протокол третьего заседания Президиума Научно-технического совета при Председателе Коллегии Евразийской экономической комиссии. 17.06.2021 [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ab8/protokol-3_e-zasedanie-17.06.2021.pdf (дата обращения: 03.03.2022).

[5] Перспективы развития «зеленой» экономики в ЕАЭС и в мире обсудили эксперты на тематической сессии ЕЭК [Электронный ресурс] // Сайт ЕЭК. URL: https://eec.eaeunion.org/en/comission/department/dep_makroec_pol/events/rankings2021/ (дата обращения: 03.03.2022).

в настоящее время не действуют четкие правила и стимулы в отношении капиталов, что является одной из основных причин низкой связанности экономик стран ЕАЭС [1, с. 43–57]. Это проявляется в низком уровне взаимных инвестиций кооперационных производственно-технологических связей и создании совместных евразийских предприятий и фирм.

2. Отсутствие в рамках объединения конкретных мероприятий по финансированию проектов в области природопользования и охраны окружающей среды. Во многом это объясняется тем, что бюджет ЕАЭС, формируемый из взносов стран-членов, направляется на деятельность аппарата управления и проведение заседаний.
3. Различия в подходах государств — членов ЕАЭС к определению целого ряда понятий, включая «органическую продукцию»; применяются различные требования к производству, маркировке, процедуре сертификации и содержанию соответствующих стандартов, а также к аккредитации органов по оценке соответствия[1], что, безусловно, ограничивает свободное перемещение органической сельскохозяйственной продукции на внутреннем рынке. Аграрный сектор не докапитализирован, тогда как потенциал в агропромышленной сфере, в частности в растениеводстве, не полностью реализован.
4. Несмотря на то, что национальные стратегии в области декарбонизации могут существенно различаться, они должны базироваться на единых принципах. При этом их разработка должна проводиться при активном сотрудничестве с международными организациями, в чьи компетенции входит решение данных вопросов [7, с. 189–200].
5. Активизация инновационной деятельности и цифровизации экономик в странах ЕАЭС существенно различается, в то время как развитие низкоуглеродной экономики и декарбонизация отраслей требует создания благоприятных условий и согласованной политики.
6. Ограниченный доступ малых и средних предприятий к кредитованию и чрезмерно высокая волатильность национальных валют.

Это далеко не весь перечень проблем, который предстоит решить в перспективе. Тем не менее преодолеть имеющиеся ограничения в области реализации задач климатической повестки и углеродного регулирования позволят следующие решения [6]:

- необходимо дополнение Договора о ЕАЭС разделами, в которых будут отражены вопросы, касающиеся проведения государствами — членами ЕАЭС согласованной климатической политики и внедрения единого прозрачного и долгосрочного инвестиционного режима, ускоряющего трансграничную инвестиционную мобильность;
- следует создать условия для привлечения неиспользуемых внутренних и международных инвестиций в адаптационные проекты на основе гибких механизмов «зеленых» финансов. Для реализации этого следует более активно вовлекать в инвестиционные процессы региональные и национальные институты развития;
- принять Соглашение о защите и поощрении капиталовложений (это следует отразить в Договоре о Евразийском экономическом союзе с учетом того, что гарантия будет предоставлена всем инвесторам ЕАЭС в сфере «зеленых» инвестиций), что позволит сохранить правовой режим, действовавший при начале реализации инвестиционного проекта, в течение всего срока его реализации;
- разработать систему мер по адресному привлечению инвесторов в климатические («зеленые») проекты на территории ЕАЭС, в том числе в рамках национальных систем углеродного кредита;
- создать международную систему взаимного признания странами результатов национальной верификации климатических проектов;

[1] Артак Камалян — о продовольственной безопасности в ЕАЭС, общем аграрном рынке и единых инвестпроектах [Электронный ресурс]. 29.09.2021 // Сайт ЕЭК. URL: https://eec.eaeunion.org/news/speech/artak-kamalyan--o-prodovolstvennoy-bezopasnosti-v-eaes-obshchem-agrarnom-rynke-i-edinyh-investproektah-/ (дата обращения: 03.03.2022); О международных подходах к разработке и внедрению принципов, мер и механизмов «зелёной» экономики»; Перспективы развития «зеленой» экономики в ЕАЭС и в мире обсудили эксперты на тематической сессии ЕЭК. 21.04.2021 [Электронный ресурс] // Сайт ЕЭК. URL: https://eec.eaeunion.org/en/comission/department/dep_makroec_pol/events/rankings2021/ (дата обращения: 03.03.2022).

- разработать методику по трансформации интегрированной информационной системы ЕАЭС с учетом сложившейся напряженной геополитической обстановки[1].

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что до настоящего времени актуальным вопросом остается создание общей системы углеродного регулирования, которая должна базироваться на принципах, согласованных на уровне ЕАЭС, не допускающих создание «климатических барьеров» внутри объединения. Помимо этого, как справедливо отмечает академик РАН С. Ю. Глазьев, не следует игнорировать «европейскую зеленую сделку», ее нужно использовать для достижения своих экономических интересов, в том числе за счет создания целевого фонда, служащего целям природовосстановления, а также за счет использования забытого, но эффективного инструмента — экспортных пошлин, изымаемых для экологических нужд [4][2]. Особенно актуально это становится в свете нынешних событий — спецоперации на Украине и ответных мер многих государств по введению антироссийских пошлин. Поэтому внедрение принципов «зеленой» экономики и сближение позиций государств — членов ЕАЭС в этом вопросе остается важным, и реализация этих процессов будет способствовать развитию производств нового технологического уклада в различных сферах евразийской экономики, особенно по внедрению энергоэффективных и ресурсосберерегающих технологий.

Заключение

Проведенный анализ показал, что многие проблемы в области климатической повестки могут и должны решаться путем развития правовой системы ЕАЭС. Однако перечисленные барьеры не составляют закрытый список. Имеется достаточно много внешних факторов, которые будут негативно влиять на развитие рынка зеленых технологий, в их числе: усиление волатильности мировых цен на основные экспортируемые промышленные товары из стран ЕАЭС; резкие колебания обменных курсов мировых и национальных валют; политические события, меняющие направления внешнеторговых потоков; усиление протекционистских тенденций и появление новых торговых барьеров; массовое внедрение в развитых странах новых эффективных технологий, снижающих конкурентные преимущества евразийских товаров на мировых рынках и пр.

Важным шагом на пути построения общей «климатической повестки» должны стать согласованные принципы, которые станут базисом для общей системы углеродного регулирования государств — членов ЕАЭС. В этой связи возникает необходимость выработки общей позиции по устойчивому развитию и углеродному регулированию, включая вопросы торговли углеродными квотами и введения экологического налогообложения как в форме внутреннего сбора, так и в виде экспортных пошлин [9].

Можно согласиться с мнением экспертов, что правительства стран, входящих в ЕАЭС, должны учитывать не только экономические выгоды от свободного перемещения товаров и услуг, но и увеличивающиеся возможности предотвращения и ликвидации экологических угроз в регионе. Также важно учитывать положительный экономический эффект от совместного использования природных ресурсов, включая возможности выгодного инвестирования в данную сферу [3].

Как представляется, предлагаемые меры позволят выработать общие направления и инструменты сближения мер государственной поддержки стран ЕАЭС в производстве и продвижении «зеленых» товаров и технологий на внешние рынки, механизмов стимулирования инновационной деятельности частного бизнеса, а также повышения инвестиционной привлекательности адаптационных проектов, участия малого и среднего бизнеса в программах зеленого инвестирования и цифровой трансформации. При этом необходимо особое внимание уделить внедрению принципа полной свободы трансграничных «зеленых» инвестиций, обеспечив максимальную инвестиционную мобильность для компаний стран — членов ЕАЭС.

---

[1] Перспективы развития «зеленой» экономики в ЕАЭС и в мире обсудили эксперты на тематической сессии ЕЭК. 21.04.2021 [Электронный ресурс] // Сайт ЕЭК. URL: https://eec.eaeunion.org/en/comission/department/dep_makroec_pol/events/rankings2021/ (дата обращения: 03.03.2022).

[2] Там же.

Литература

1. *Жиряева Е. В., Наумов В. Н.* К вопросу о свободном движении финансовых услуг и капитала в Евразийском экономическом союзе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 1. С. 43–57.
2. *Коданева С. И.* Проблемы и перспективы перехода к зеленой экономике стран ЕАЭС в условиях пандемии COVID-19 [Электронный ресурс]. URL: https://e-cis.info/upload/iblock/daa/daa7800eeefbd1aaea85df927f7b1376.pdf (дата обращения: 03.03.2022).
3. *Колесникова К. В., Макарова Т. И.* К вопросу об элементах экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования в странах ЕАЭС // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 1. С. 161–167.
4. *Кузьмин В.* Сергей Глазьев: Лучше борьба с потеплением климата, чем мировая война [Электронный ресурс] // Аргументы недели. 11–17 августа 2021 г. № 31 (775). URL: https://argumenti.ru/world/2021/08/733558 (дата обращения: 03.03.2022).
5. *Куклина Е. А.* Траектория развития Евразийского экономического союза — дорога с односторонним движением // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15. № 3. С. 55–65.
6. Лекция Председателя Коллегии ЕЭК М. В. Мясниковича в МГИМО МИД России «ЕАЭС: эффективность — ответы на вызовы и угрозы». 22.03.2022 [Электронный ресурс] // Сайт ЕЭК. URL: https://eec.eaeunion.org/news/speech/lekciya-predsedatelya-kollegii-eek-mv-myasnikovicha-v-mgimo-mid-rossii-eaes-effektivnost--otvety-na-vyzovy-i-ugrozy/ (дата обращения: 28.03.2022).
7. *Нургисаева А. А., Таменова С. С.* Концептуальные основы «зеленой» экономики // Экономика: стратегия и практика. 2020. № 3 (15). С. 189–200.
8. *Селищева Т. А.* «Зеленая» экономика как модель устойчивого развития стран ЕАЭС // Проблемы современной экономики. 2018. № 3 (67). С. 6–12.
9. *Юргенс И. Ю., Турбина К. Е.* Климатический саммит в Глазго: обновление мироустройства и задачи России // Власть. 2022. Т. 30. № 2. С. 9–30. DOI: https://doi.org/10.31171/vlast.v30i2.8926
10. *Яковлев И. А., Кабир Л. С., Никулина С. И.* [и др.] Трансформация национальной политики сырьевых стран под влиянием глобальной повестки устойчивого развития // Экономика региона. 2020. Т. 16. Вып. 3. С. 859–870. DOI: https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020–3-14

Об авторах:

Мигалева Татьяна Евгеньевна, доцент кафедры мировой экономики Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Москва, Российская Федерация);
Migaleva.TE@rea.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9811-7498

Подбиралина Галина Викторовна, доцент кафедры мировой экономики Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Москва, Российская Федерация), кандидат экономических наук;
Podbiralina.GV@rea.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1281-0508

Разумнова Людмила Львовна, профессор кафедры мировой экономики Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук;
Razumnova.LL@rea.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4148-2240

References

1. Zhiryaeva E. V., Naumov V. N. On the issue of the free movement of financial services and capital in the Eurasian Economic Union // Eurasian integration: economics, law, politics [Evraziĭskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2022. V. 16. No. 1. P. 43–57. (In Rus.)
2. Kodaneva S. I. Problems and prospects of transition to a green economy of the EAEU countries in the context of the COVID-19 pandemic [Electronic resource]. URL: https://e-cis.info/upload/iblock/daa/daa7800eeefbd1aaea85df927f7b1376.pdf (accessed 03.03.2022). (In Rus.)

3. Kolesnikova K. V., Makarova T. I. To the question of the elements of the economic mechanism of environmental protection and nature management in the EAEU countries // Humanitarian and legal research [Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya]. 2021. No. 1. P. 161–167. (In Rus.)
4. Kuzmin V. Sergey Glazyev: Better fight against climate warming than world war [Electronic resource] // Arguments of the week [Argumenty nedeli]. August 11–17, 2021. No. 31 (775). URL: https://argumenti.ru/world/2021/08/733558 (accessed: 03.03.2022). (In Rus.)
5. Kuklina E. A. The development trajectory of the Eurasian Economic Union is a one-way road // Eurasian integration: economics, law, politics [Evraziĭskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2021. V. 15. No. 3. P. 55–65. (In Rus.)
6. Lecture by the Chairman of the EEC Board M. V. Myasnikovich at the MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia "EAEU: Efficiency — Responses to Challenges and Threats". 03.22.2022 [Electronic resource] // EEC website. URL: https://eec.eaeunion.org/news/speech/lekciya-predsedatelya-kollegii-eek-mv-myasnikovicha-v-mgimo-mid-rossii-eaes-effektivnost--answer-na-vyzovy-i-ugrozy / (date of access: 03/28/2022). (In Rus.)
7. Nurgisaeva A. A., Tamenova S. S. Conceptual foundations of the "green" economy // Economics: strategy and practice [Ekonomika: strategiya i praktika]. 2020. No. 3 (15). P. 189–200. (In Rus.)
8. Selishcheva T. A. "Green" economy as a model of sustainable development of the EAEU countries // Problems of modern economics [Problemy sovremennoi ekonomiki]. 2018. No. 3 (67). P. 6–12. (In Rus.)
9. Yurgens I. Yu., Turbina K. E. Climate summit in Glasgow: updating the world order and tasks of Russia // Power [Vlast']. 2022. V. 30. No. 2. P. 9–30. DOI: https://doi.org/10.31171/vlast.v30i2.8926 (In Rus.)
10. Yakovlev I. A., Kabir L. S., Nikulina S. I. [et al.] Transformation of the national policy of raw materials countries under the influence of the global sustainable development agenda // Economics of the region [Ekonomika regiona]. 2020. Vol. 16. Issue 3. P. 859–870. DOI: https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020–3-14 (In Rus.)

About the authors:

Tatyana E. Migaleva, Associate Professor of Department of World Economy of Plekhanov Russian University of Economic (Moscow, Russian Federation);
Migaleva.TE@rea.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9811-7498

Galina V. Podbiralina, Associate Professor of Department of World Economy of Plekhanov Russian University of Economic (Moscow, Russian Federation);
Podbiralina.GV@rea.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1281-0508

Lyudmila L. Razumnova, Professor of Department of World Economy of Plekhanov Russian University of Economic (Moscow, Russian Federation);
Razumnova.LL@rea.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4148-2240

DOI 10.22394/2073-2929-2022-02-51-60

Сотрудничество России и Казахстана как вектор евразийской интеграции

Давыдова Ю. А., Каргаполова Е. В.*
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Российская Федерация;
* k474671@list.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2892-3953

РЕФЕРАТ

В исследовании анализируются направления сотрудничества России и Казахстана в рамках евразийской интеграции. В условиях санкционного давления западных стран на Россию крайне важным представляется исследование условий для дальнейшей интеграции двух стран в рамках Евразийского союза.

Цель. Сценарное прогнозирование взаимодействия двух стран в рамках ЕАЭС, выявление факторов, способствующих укреплению отношений России и Казахстана на современном этапе, и препятствий, мешающих углублению интеграционных процессов.

Задачи. Проанализировать направления сотрудничества двух стран в рамках Евразийского союза, выявить препятствия для углубления интеграционных процессов, показать прогнозные сценарии взаимодействия России и Казахстана. Проанализировать, каким образом эти сценарии повлияют на взаимоотношения двух стран и какие последствия будут в случае реализации каждого из них.

Методология. В статье использовались общенаучные методы анализа и синтеза, системный подход, а также эмпирический метод экспертной оценки.

Результаты. Исследование показало, что между двумя странами существуют прочные отношения в экономической сфере в рамках ЕАЭС. Россия — основной торговый партнер Казахстана. Разрабатываются и выглядят весьма перспективными проекты, связанные с Каспием. Большой интерес для Казахстана представляют совместные военные учения и поставки российского вооружения. Россия выступает гарантом безопасности Казахстана в регионе и его основным партнером на евразийском пространстве. Важную роль в отношениях двух стран играет и Организация Договора коллективной безопасности, которая показала свою эффективность в январских событиях 2022 г., поспособствовав разрешению политического кризиса и предотвратив экстремистские действия вооруженных террористических группировок. В то же время и для России важна роль Казахстана как ее ближайшего соседа и союзника, особенно в условиях гибридной войны, развязанной странами Запада.

Выводы. И Россия, и Казахстан заинтересованы в дальнейшем сотрудничестве в экономической, военной и культурной сферах. Вместе с тем дальнейшему углублению интеграционных процессов препятствует отсутствие крупных совместных инвестиционных проектов и многовекторность во внешней политике Казахстана. В условиях информационной войны Запада против России и усиливающейся международной напряженности крайне важным представляется углубление сотрудничества двух стран.

Ключевые слова: ЕАЭС, международная торговля, внешняя политика Казахстана, Таможенный союз, ОДКБ

Для цитирования: *Давыдова Ю. А., Каргаполова Е. В.* Сотрудничество России и Казахстана как вектор евразийской интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 2. С. 51–60.

Cooperation between Russia and Kazakhstan as a Vector of Eurasian Integration

Yulia A. Davydova, Ekaterina V. Kargapolova*
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia;
* k474671@list.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2892-3953

ABSTRACT
The study analyzes the areas of cooperation between Russia and Kazakhstan within the framework of Eurasian integration.
Aim. To identify the presence of factors contributing to the strengthening of relations between Russia and Kazakhstan at the present stage and obstacles hindering the deepening of integration processes.
Tasks. To analyze the current state of cooperation between the two countries within the framework of the Eurasian Union, to identify obstacles to deepening integration processes, to show forecast scenarios of interaction between Russia and Kazakhstan. To analyze how these scenarios will affect the relationship between the two countries, and what consequences will be if each of them is implemented.
Methods. The article uses general scientific methods of analysis and synthesis, a systematic approach, as well as an empirical method of expert evaluation.
Results. The study showed that there are strong relations between the two countries in the economic sphere within the framework of the EAEU. Russia is the main trading partner of Kazakhstan. Projects related to the Caspian Sea are being developed and look very promising. Joint military exercises and supplies of Russian weapons are of great interest to Kazakhstan. Russia acts as a guarantor of Kazakhstan's security in the region and its main partner in the Eurasian space. The Collective Security Treaty Organization also plays an important role in the relations between the two countries, which proved its effectiveness in the January 2022 events, contributing to the resolution of the political crisis and preventing extremist actions of armed terrorist groups. At the same time, the role of Kazakhstan as its closest neighbor and ally is also important for Russia, especially in the context of escalating international tensions.
Conclusions. Both Russia and Kazakhstan are interested in further cooperation in the economic, military and cultural spheres. At the same time, the further deepening of integration processes is hindered by the absence of large joint investment projects and the multi-vector nature of Kazakhstan's foreign policy. In the context of the information war of the West against Russia and the increasing international tension, it is extremely important to deepen cooperation between the two countries.
Keywords: EAEU, international trade, Kazakhstan's foreign policy, Customs Union, CSTO
For citing: Davydova Yu. A., Kargapolova E. V. Cooperation between Russia and Kazakhstan as a vector of Eurasian integration // Eurasian integration: economics, law, politics. 2022. Vol. 16. No. 2. P. 51–60.

Введение

На протяжении последних 30 лет Россию и Казахстан связывали конструктивные и взаимовыгодные отношения. В условиях обострения внешнеполитической обстановки, связанной с санкционной и информационной войнами и беспрецедентным давлением стран Запада на Россию, очень важным представляется поддержка ближайших союзников в лице Казахстана и Белоруссии. Поэтому сегодня Казахстан является полем битвы за влияние между различными геополитическими игроками. Как член ЕАЭС и ОДКБ страна — один из главных союзников России на постсоветском пространстве. В то же время и для Казахстана крайне необходимым является сохранение дружественных отношений с Россией, которая остается гарантом его безопасности при усиливающейся политической и экономической экспансии Китая.

Исследование различных аспектов сотрудничества России и Казахстана вызывает значительный интерес как в российском, так и в казахстанском научном дискурсе. И российские, и казахстанские ученые в своих работах подчеркивают, что российско-казахстанские отношения являются одним из глав-

ных факторов стабильности на постсоветском пространстве. [6, с. 10–11; 13, с. 127–128; 18, с. 85–87]. История сотрудничества России и Казахстана во внешнеполитической сфере рассматривается в трудах В. А. Цветкова и М. Н. Дудина [18, с. 81–83], Т. К. Трокаль [17, с. 1080–1082]. Анализ различных аспектов торгово-экономического сотрудничества двух стран представлен в работах А. И. Литвинова [10, с. 109], А. М. Мирзахметова, Д. У. Алшимбаева, К. А. Туркеева, А. Т. Еримпашева [13, с. 130–133]. Вызовы и угрозы совместной деятельности в сфере безопасности рассматриваются в трудах Е. А. Дегтяревой, А. М. Чернышовой [2, с. 30–31], М. С. Карпенко [7, с. 27–29]. Вопросы гуманитарного сотрудничества двух стран обсуждаются в трудах Н. А. Ефремовой-Шершуковой, А. К. Коллегова, В. Е. Минеева-Ли [4, с. 140], П. Юнь [20, с. 288]. Перспективы сотрудничества России и Казахстана представлены в статьях Л. Ф. Мирзазаде [12, с. 44] и М. Малмира [13, с. 137]. Следует отметить, что анализ текущей ситуации по сотрудничеству двух стран в научном дискурсе практически не представлен, поэтому при подготовке статьи авторами использовались в значительной степени интернет-источники и данные статистики. Научная новизна исследования представлена в построении прогнозных сценариев дальнейшего сотрудничества России и Казахстана в рамках ЕАЭС.

Многовекторность во внешней политике Казахстана

В отношениях России и Казахстана важную роль играет Евразийский экономический союз. Отношение Казахстана к его роли в ЕАЭС за последние годы претерпело значительные изменения. Если в первые годы существования союза руководство Казахстана рассматривало его как начальный этап в дальнейшей интеграции стран СНГ, то в настоящее время ЕАЭС рассматривается только как механизм экономического сотрудничества [6, с. 14]. В первую очередь это связано с таким аспектом внешней политики Казахстана, как многовекторность, под которой понимается взаимовыгодное сотрудничество с ближними и дальними зарубежными партнерами. За последние десятилетия политика многовекторности претерпела значительную трансформацию, изменились ее основные акценты. Концепция многовекторности впервые прозвучала в 1995 г. Несмотря на тот факт, что она позиционировалась как широкое сотрудничество со странами бывшего СССР и странами Запада и Востока, на деле это вылилось в приоритет Запада в рамках внешнеполитического сотрудничества, что объяснялось, прежде всего, масштабными инвестициями, поступающими из стран ЕС и США. В начале XXI в. в концепции были четко расставлены приоритеты: сначала ближайшие соседи Россия и Китай, затем США, ЕС, Центральная Азия и исламский мир. В 2014 г., в связи с присоединением Крыма к России и введением западных санкций, Казахстан вновь пересмотрел приоритеты своей внешней политики. В концепции подчеркивалась геополитическая важность региона Центральной Азии и заявлялось, что Казахстан выступает за обеспечение экономической стабильности, использование инструментов коллективной безопасности и готов предпринимать усилия по углублению интеграционных процессов в рамках ЕАЭС [14, с. 58]. Среди целей внешней политики во внешнеполитической концепции Казахстана на 2020–2030 гг. было впервые заявлено о закреплении за собой статуса «лидирующего государства в регионе» в противовес прежней концепции внутрирегиональной интеграции в Центральной Азии. В контексте двусторонних отношений выделены страны-соседи, ЕС и США. Кроме вышеназванных стран, Казахстан также активно сотрудничает с Турцией и Азербайджаном. Многовекторность, с одной стороны, является благоприятным фактором для развития казахстанской экономики, но, с другой стороны, создает значительные трудности при балансировании между крупными геополитическими игроками (Россией, Китаем, ЕС и США), каждый из которых преследует свои собственные интересы в Центральной Азии.

Казахстан удобен для США и ЕС как площадка противодействия России и Китаю. Усиление американо-европейского влияния в республике представляет для России потенциальную опасность, а также угрожает «Евразийскому проекту», сокращая возможности дальнейшей интеграции [9, с. 19]. Геополитические представления Запада о международных отношениях как Игре с нулевой суммой не предоставляют возможностей Казахстану для компромисса и угрожают провалить стратегию многовекторности.

Китай предлагает свою программу евразийской экономической интеграции, позиционируя проект «Один пояс — один путь». Он выглядит привлекательно с экономической точки зрения из-за огромных инвестиций, которые Китай готов предложить республике. Потребность в модернизации производства и новых технологиях выступает дополнительным фактором, который толкает Казахстан в китайском направлении. В то же время для республики существует опасность быть «поглощенной» таким экономическим гигантом, как Китай, который имеет также и территориальные претензии к Казахстану. В этой ситуации только тесное сотрудничество с Россией позволит Китаю сохранить свой экономический, а в перспективе и политический суверенитет.

Направления сотрудничества России и Казахстана

Важность сотрудничества Казахстана с Россией не вызывает сомнения у нового казахстанского руководства. Контакты на высшем уровне осуществлялись регулярно в течение 2019–2022 гг., с момента вступления в должность нового Президента Казахстана К.-Ж. Токаева.

На настоящий момент между Казахстаном и Россией действует около 400 различных договоров. Взаимовыгодные отношения Казахстана и России основаны на энергетическом партнерстве, сотрудничестве в сфере космоса, промышленной кооперации [3, с. 23]. Велись совместные научные разработки по созданию спутников KazSat и совместному использованию системы ГЛОНАСС. Начиная с 1993 г. на реализацию различных проектов в Казахстане российской стороной было направлено не менее 40 млрд. долл.[1] Среди крупнейших игроков на местном рынке выступают АвтоВАЗ, Газпром, Лукойл, Билайн, Сбербанк.

Россия остается крупнейшим торговым партнером Казахстана. 76 из 85 субъектов РФ имеют торговые связи с Казахстаном. В тройку наиболее востребованных Казахстаном товаров относятся машины, оборудование и транспортные средства (25,64%); металлы и изделия из них (16,56%) и продукция химической промышленности (16,40%)[2]. В структуре импорта России из Казахстана 72,75% составляют минеральные продукты, металлы и металлические изделия[3]. РФ является основным потребителем казахстанских товаров (рис. 1), что является существенным фактором для дальнейшей интеграции.

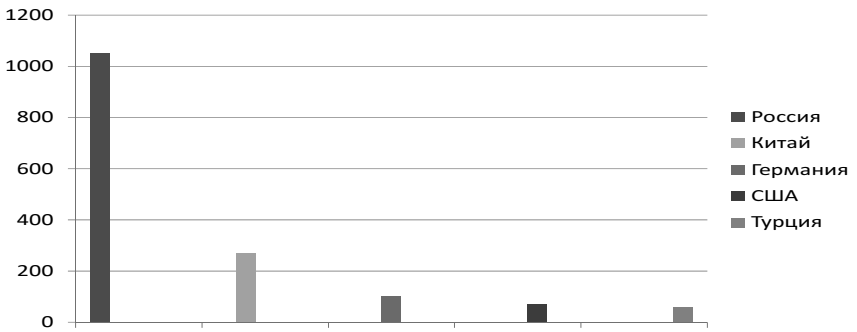

Рис. 1. Импорт Казахстана по странам, в дес. тыс. долл. США, февраль 2021 г.[4]

Fig. 1. Imports of Kazakhasten by country, in thousands of US dollars, February 2021

[1] *Бородавкин А. Н.* Россия и Казахстан — союзники и интеграционные партнеры [Электронный ресурс] // Русская Евразия. 6 декабря 2019 г. URL: https://rusevr.asia/rossiya-i-kazaxstan-soyuzniki-i-integracionnye-partnery (дата обращения: 20.01.2022).

[2] Внешняя торговля России. Товарооборот России с Казахстаном в первом полугодии 2021 г. [Электронный ресурс] // Внешняя Торговля России. URL: https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-08/vneshnyaya-torgovlya-rossii-s-kazahstanom-v-1-polugodii-2021-g/ (дата обращения: 19.01.2022).

[3] Там же.

[4] Составлено по данным: Текущая ситуация на рынках Казахстана. В цифрах [Электронный ресурс] // KazDATA. URL: https://help.kazdata.kz/knowledge-base/import-tovarov-v-kazaxstan/; https://help.kazdata.kz/knowledge-base/eksport-tovarov-iz-kazaxstana/ (дата обращения: 19.01.2022).

Продолжается сотрудничество и в военной сфере. В середине августа 2020 г. в ходе визита в Казахстан министра обороны РФ С. Шойгу был подписан межгосударственный договор о сотрудничестве. В ходе встречи обсуждались вопросы испытательных полигонов Министерства обороны России, транзита российских военных грузов через Казахстан в Сирию, экспорта продукции военного назначения, международного миротворчества. В 2020–2021 учебном году Россия выделила максимальное количество квот на обучение казахстанских военнослужащих. На встрече рассматривались также планы оперативной и боевой подготовки и развития единой региональной системы ПВО.

Главным направлением казахстанско-российского диалога в XXI в., по мнению Н. Назарбаева, должна стать интеграция в «треугольнике знаний»: образование, исследования и инновации [14, с. 12]. С этой целью была разработана Программа казахстано-российского сотрудничества в области науки и новых технологий. На настоящий момент более 70 тыс. казахстанцев обучаются в российских вузах[1]. Ведущие университеты России также предоставляют возможность получения российского образования через свои филиалы в Казахстане (МГУ, МАИ, РЭУ им. Г. В. Плеханова и др.). С 2018 г. в Казахстане реализуется около 240 научных проектов с участием ученых из 50 российских вузов и НИИ[2]. Эти образовательные проекты являются весомыми инструментами мягкой силы, подготавливая будущую пророссийски настроенную казахстанскую элиту.

Важное значение для обеих стран имеет деятельность ОДКБ, которая гарантирует территориальную целостность и суверенитет ее членов. В рамках этого важнейшего интеграционного механизма осуществляется совместная деятельность по противодействию международному терроризму, незаконному обороту наркотиков, нелегальной миграции и хакерским атакам [8, с. 84]. Свою эффективность ОДКБ доказал в ходе январских событий 2022 г., когда были предприняты экстремистские попытки свержения действующей власти в Казахстане. Помощь Президенту Казахстана совместными усилиями миротворцев из стран — участниц Договора была оказана своевременно, в сжатые сроки. В Казахстан прибыло более двух тысяч солдат из России, Белоруссии, Армении, Киргизии и Таджикистана и около 200 единиц боевой техники[3]. Благодаря слаженным действиям вооруженных сил ОДКБ и казахстанских силовых структур политический кризис был преодолен с минимальными потерями.

Западные партнеры Казахстана крайне негативно восприняли эти события. 20 января 2022 г. депутаты Европарламента большинством голосов приняли резолюцию по ситуации в Казахстане. Резолюция призывает инициировать международное расследование и ввести санкции против казахстанских чиновников за нарушение прав человека. Подобные меры вызывают раздражение у руководства Казахстана, которое воспринимает их как грубое вмешательство во внутренние дела республики и давление на власть.

В начале февраля состоялся визит К.-Ж. Токаева в Москву, в ходе которого Президент Казахстана заявил о том, что готов развивать сотрудничество с Россией по всем направлениям. Было подписано 11 важных документов, в том числе в сфере энергетики, цифровизации, освоении космоса. Также были анонсированы соглашения в военно-технической сфере: в Казахстане будут запущены производства по сборке российского вооружения. Наметившаяся тенденция к углублению евразийской интеграции стала пробуксовывать после беспрецедентного санкционного давления стран Запада в связи с началом спецоперации на Украине. Идеи Русского мира не встречают поддержки в странах-союзниках по ЕАЭС и ОДКБ. Скрытая русофобия может стать серьезным препятствием на пути дальнейшего развития евразийской интеграции.

Препятствия для интеграционных процессов

Казахстан и Россия прошли непростой путь двусторонних отношений. С одной стороны, присутствовало желание обеих стран конструктивно решать вопросы делимитации границ, использования комплекса «Байконур», сотрудничества на Каспии. С другой стороны, камнем преткновения был «русский вопрос», миграция и реэмиграция, различные подходы к форматам сотрудничества с западными странами. К 2022 г.

---

[1] *Бородавкин А. Н.* Россия и Казахстан — союзники и интеграционные партнеры [Электронный ресурс] // Русская Евразия. 6 декабря 2019 г. URL: https://rusevr.asia/rossiya-i-kazaxstan-soyuzniki-i-integracionnye-partnery (дата обращения: 20.01.2022).

[2] Там же.

[3] Итоги миротворческой миссии ОДКБ в Казахстане в цифрах, событиях и эмоциях [Электронный ресурс] // URL: https://www.1tv.ru/news/2022-01-23/419922-itogi_mirotvorcheskoy_missii_odkb_v_kazahstane_v_tsifrah_-sobytiyah_i_emotsiyah (дата обращения: 20.01.2022).

отношения двух стран выглядят достаточно успешными и эффективными, так как они активно сотрудничают в экономической, военной и культурно-образовательной сферах и не имеют взаимных претензий друг к другу.

В современном мире все чаще традиционные геополитические интересы заменяются геоэкономическими. На евразийском континенте формируется пространство, экономически и финансово завязанное на Китай, что представляет опасность для геополитических интересов России [19, с. 137]. Также важным внешнеполитическим фактором, влияющим на взаимоотношения России и Казахстана, является «война санкций» между РФ и западными партнерами республики в лице ЕС и США. Эксперты отмечают, что нарушению конструктивного характера взаимоотношений между двумя странами со стороны России может способствовать протекционистская политика, преграждающая доступ казахстанским товарам на российский рынок и незначительный уровень присутствия казахстанской и евразийской повестки в информационном поле России [21, с. 12]. Со стороны Казахстана отмечаются такие факторы риска в евразийской интеграции, как недостаточность финансовой поддержки и несогласованность макроэкономической политики [15, с. 196].

Опасения вызывает также рост националистических настроений в Казахстане, пересмотр истории страны на фоне расширяющегося сотрудничества с Турцией и Китаем. Определенные трудности для двусторонних отношений создает переход казахского языка с кириллицы на латиницу. В подобных реформах нетрудно проследить стремление прозападно настроенной элиты дистанцироваться от «навязанного русскими алфавита», а заодно и выйти из геополитического влияния России, получив максимальные выгоды от Запада. В то же время нельзя отрицать тот факт, что РФ не может в данный момент, в отличие от Китая, предоставить Казахстану возможность совместного участия в крупных инфраструктурных проектах, что сужает перспективы этого сотрудничества в ближайшие годы [22]. Предлагаемые масштабные инвестиции стран ЕС и США в энергетический комплекс Казахстана на фоне угрозы Запада наложить санкции на казахстанский бизнес в случае углубления сотрудничества с Россией также служат одним из существенных препятствий к углублению интеграционных процессов.

Прогнозные сценарии

Оценивая перспективы в отношениях Казахстана и России, мы можем спрогнозировать три сценария.

Первый сценарий — оптимистический — предполагает дальнейшее углубление интеграционных процессов в рамках ЕАЭС и Таможенного союза. Для этого необходимо усилить координацию внешнеэкономической деятельности и запустить масштабные инфраструктурные проекты. Единые ориентиры макроэкономической политики и координация различных секторов экономики будет способствовать формированию интеграционных механизмов. При этом также необходимо учитывать давление со стороны ЕС, США с одной стороны и Китая — с другой. Некоторые исследователи проблемы, опираясь на концепцию «прагматичного евразийства», отмечают, что возможно и Большое Евразийское партнерство, которое позволит согласовать интересы ЕАЭС и ОПОП [16, с. 28]. Как отмечает С. Ю. Глазьев, «ЕАЭС строится на принципах Большого Евразийского партнерства и может предлагать разнообразные формы сотрудничества различным странам. Сопряжение ЕАЭС и ОПОП может рассматриваться как основа формирования Большого Евразийского партнерства» [1, с. 13]

Второй сценарий — это сохранение текущей ситуации. В условиях санкционного давления на Россию ее привлекательность для казахстанского бизнеса ослабевает. Одновременно активизация Китая в Центральной Азии и предложенные им проекты могут стать для Казахстана выгодной альтернативой. Еще одним геополитическим игроком, заинтересованным во всестороннем сотрудничестве с Казахстаном, выступает Турция, которая также активно претендует на лидерство в Центральной Азии. В результате ЕАЭС и его дальнейшие перспективы выглядят достаточно туманно, и следует ожидать постепенного ухода Казахстана из внешнеполитического поля России через сокращение внешнеторгового и военного сотрудничества.

Третий сценарий — пессимистический. Существующие противоречия между странами ЕАЭС, внешнеполитическое давление Запада и экономическая и торговая экспансия Китая приведут к свертыванию реализации интеграционного процесса в организациях с участием России. Существует опасность вступ-

ления Казахстана в альтернативные военные и экономические блоки, что грозит серьезными геополитическими потерями обеим странам.

В целом, оценивая перспективы отношений России и Казахстана, следует отметить, что Казахстан не стремится отказаться от тесного сотрудничества с Россией в рамках существующих интеграционных проектов. Он рассчитывает на получение доступа к российскому рынку для своих производителей и российские инвестиции [5, с. 212].

Заключение

ЕАЭС и Таможенный союз — это реальная возможность для дальнейших интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Безусловным плюсом для Казахстана является тот факт, что Россия предлагает сотрудничество на равноправных и взаимовыгодных условиях, в то время как Китай рассматривает республику как источник сырья и выгодный рынок сбыта. Примерно такой же подход, но на более выгодных условиях, предлагает и Евросоюз. США и Турция видят в Казахстане площадку для доминирования в регионе, и проекты, в которые они инвестируют, рассматриваются этими странами сквозь призму решения именно этой задачи.

И Казахстан, и Россия — это часть евразийской цивилизации, две державы связывают общая история и культура. Несмотря на трудности международной обстановки, которые оказывают негативное воздействие на экономику и Казахстана, и России, механизмы сотрудничества, заложенные в совместных проектах, способны преодолеть экономический кризис. ЕАЭС выгоден для Казахстана тем, что он дает дополнительные преференции в торговле со странами — членами союза, а также он может послужить инструментом для разрешения водных споров Казахстана с Кыргызстаном и Таджикистаном. И хотя на настоящий момент страны-участницы не рассматривают ЕАЭС как шаг к дальнейшей политической интеграции, сотрудничество стран-участниц имеет свои перспективы только в случае его углубления, а не дистанцирования. России для продолжения конструктивного сотрудничества с Казахстаном необходимо рассмотреть возможности создания совместных инфраструктурных проектов в различных секторах экономики и углубления военного сотрудничества.

В результате показаны возможные варианты развития сотрудничества Казахстана и России в рамках ЕАЭС, отмечено, что препятствиями для дальнейшего сотрудничества могут стать несогласованность макроэкономической политики двух стран, а также санкционная политика Запада, тормозящая реализацию уже запущенных совместных инфраструктурных проектов.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы заключаются в изучении возможностей Большого Евразийского партнерства, особенно актуального в свете беспрецедентного санкционного давления со стороны стран ЕС и США.

Литература

1. *Глазьев С. Ю., Кефели И. Ф.* К вопросу об идеологии Евразийского экономического союза // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № (1). С. 10–21.
2. *Дегтерева Е. А., Чернышева А. М.* Сотрудничество России и Казахстана в области безопасности: вызовы и угрозы // Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития : сборник материалов Восьмого Международного форума. 2019. С. 28–35.
3. *Додонов В. Ю.* Внешняя торговля Казахстана с партнерами ЕАЭС: предварительные итоги // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15. № 4. С. 21–32.
4. *Ефремова-Шершукова Н. А., Коллегов А. К., Минеев-Ли В. Е.* Международное сотрудничество России и Казахстана в сфере высшего образования как фактор инновационного развития общества // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2020. № 1 (37). С. 139–142.
5. *Жильцов С. С.* Роль ЕАЭС в экономической интеграции на постсоветском пространстве // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. РАН ИНИОН / отв. ред. В. И. Герасимов. Москва, 2021. С. 211–213.
6. *Камшибаев Р. А., Заманбеков Ш. З., Заманбеков Д. Ш.* Членство Казахстана в ВТО и ЕАЭС — важный фактор повышения эффективности использования своего стратегического потенциала и конкурентоспособности // Вестник Университета Туран. 2016. № 2 (70). С. 9–17.

7. *Карпенко М. С.* Приграничное измерение евразийской интеграции России и Казахстана: вызовы для сотрудничества // Известия РАН. Серия географическая. № 1. С. 24–36.
8. *Коростелёв С. В.* Задачи государств — участников СНГ в обеспечении национальной безопасности // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15. № 4. С. 82–92.
9. *Кузьмина В. М.* Особенности международного экономического сотрудничества в странах ЕАЭС // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8. № 4 (29). С. 17–26.
10. *Литвинов А. И.* Торгово-экономическое сотрудничество России и Казахстана // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 11. С. 101–111.
11. *Малмир М.* Безопасность в Каспийском регионе — оплот международно-правового сотрудничества //Евразийский юридический журнал. 2019. № 4 (131). С. 23–25.
12. *Мирзазаде Л. Ф.* Каспийская дилемма и перспектива сотрудничества стран Прикаспийского региона //Sciences of Europe. 2018. № 27–1 (27). С. 40–45.
13. *Мырзахметова А. М., Алшимбаева Д. У., Туркеева К. А.* [и др.] Торгово-экономическое сотрудничество Казахстана и России: особенности и приоритеты развития // Экономика: стратегия и практика. 2020. Т. 15. № 3. С. 127–139.
14. *Назарбаев Н. А.* Казахстанский путь. Караганда, 2006. 372 с.
15. *Нуртазин М. М.* Роль Республики Казахстан в геополитической трансформации в рамках «Евразийского проекта» // Проблемы постсоветского пространства. 2018. Т. 5. № 2. С. 191–202.
16. *Случевский В. В., Торопыгин А. В.* Российско-китайские отношения в контексте взаимовлияния интеграционных процессов // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 1. С. 22–30.
17. *Трокаль Т. В.* Основные аспекты современного политико-экономического сотрудничества между Россией и Казахстаном // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 3. С. 1078–1084.
18. *Цветков В. А., Дудин М. Н.* Внешнеэкономическое сотрудничество России и Казахстана: от истории к современности // Проблемы рыночной экономики. 2019. № 1. С. 80–92.
19. *Чуфрин Г. И.* Зарождение, становление и перспективы развития евразийской интеграции // Федерализм. 2021. Т. 26. № 2 (102). С. 115–148.
20. *Юнь П.* Сотрудничество России и Казахстана в области высшего образования в контексте единого (общего) образовательного пространства // Образование и право. 2020. № 4. С. 286–290.
21. *Hinz J.* The Ties that Bind: Geopolitical Motivations for Economic Integration // Kiel Working Papers 2085. Kiel Institute for the World Economy (IfW) (2017). P. 31.
22. *Pieper M.* The Linchpin of Eurasia: Kazakhstan and the Eurasian Economic Union between Russia's Defensive Regionalism and China's New Silk Roads // International Politics. 2020.

Об авторах:

Давыдова Юлия Александровна, доцент кафедры политологии и социологии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Москва, Российская Федерация), кандидат исторических наук, доцент;
ylkadav@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5660-328X

Каргаполова Екатерина Владимировна, профессор кафедры политологии и социологии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Москва, Российская Федерация), доктор социологических наук, доцент;
k474671@list.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2892-3953

References

1. Glaziev S. Yu., Kefeli I. F. On the issue of the ideology of the Eurasian Economic Union // Eurasian integration: economics, law, politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2022. No. 1. Vol. 16. P. 10–21. (In Rus.)
2. Degtereva E. A., Chernysheva A. M. Cooperation between Russia and Kazakhstan in the field of security: challenges and threats // Russia in the 21st century: global challenges and development prospects : Materials of the Eighth International Forum. 2019. P. 28–35. (In Rus.)
3. Dodonov V. Yu. Kazakhstan's foreign trade with EAEU partners: preliminary results // Eurasian integration: economics, law, politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2021. Vol. 15. No. 4. P. 21–32. (In Rus.)

4. Efremova-Shershukova N. A., Kollegov A. K., Mineev-Li V. E. International cooperation between Russia and Kazakhstan in the field of higher education as a factor in the innovative development of society // Professional education in Russia and abroad [Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom]. 2020. No. 1 (37). P. 139–142. (In Rus.)
5. Zhiltsov S. S. The role of the EAEU in economic integration in the post-Soviet space // Greater Eurasia: development, security, cooperation. Yearbook. RAS INION / ed. by V. I. Gerasimov. Moscow, 2021. P. 211–213. (In Rus.)
6. Kamshibaev R. A., Zamanbekov Sh. Z., Zamanbekov D. Sh. Kazakhstan's membership in the WTO and the EAEU is an important factor in increasing the efficiency of using its strategic potential and competitiveness // Bulletin of Turan University [Vestnik Universiteta Turan]. 2016. No. 2 (70). P. 9–17. (In Rus.)
7. Karpenko M. S. Cross-Border Dimension of the Eurasian Integration of Russia and Kazakhstan: Challenges for Cooperation // Proceedings of the RAS [Izvestiya RAN]. Geographic series. No. 1. P. 24–36. (In Rus.)
8. Korostelev S. V. Tasks of the CIS member states in ensuring national security // Eurasian integration: economics, law, politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2021. Vol. 15. No. 4. P. 82–92. (In Rus.)
9. Kuzmina V. M. Features of international economic cooperation in the countries of the EAEU // News of the SWSU [Izvestiya YuZGU]. Series: Economy. Sociology. Management. 2018. Vol. 8. No. 4 (29). P. 17–26. (In Rus.)
10. Litvinov A. I. Trade and economic cooperation between Russia and Kazakhstan // Russian Foreign Economic Bulletin [Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik]. 2019. No. 11. P. 101–111. (In Rus.)
11. Malmir M. Security in the Caspian region is a stronghold of international legal cooperation // Eurasian legal journal [Evraziiskii yuridicheskii zhurnal]. 2019. No. 4 (131). P. 23–25. (In Rus.)
12. Mirzazade L. F. The Caspian dilemma and the prospect of cooperation between the countries of the Caspian region // Sciences of Europe. 2018. No. 27–1 (27). P. 40–45. (In Rus.)
13. Myrzakhmetova A. M., Alshimbaeva D. U., Turkeeva K. A. [et al.] Trade and economic cooperation between Kazakhstan and Russia: features and development priorities // Economy: strategy and practice [Ekonomika: strategiya i praktika]. 2020. Vol. 15. No. 3. P. 127–139. (In Rus.)
14. Nazarbayev N. A. Kazakhstan way. Karaganda, 2006. 372 p. (In Rus.)
15. Nurtazin M. M. The role of the Republic of Kazakhstan in geopolitical transformation within the framework of the "Eurasian project" // Problems of the post-Soviet space [Problemy postsovetskogo prostranstva]. 2018. Vol. 5. No. 2. P. 191–202.
16. Sluchevsky V. V., Toropygin A. V. Russian-Chinese Relations in the Context of Mutual Influence of Integration Processes // Eurasian integration: economics, law, politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2022. No. 1. Vol. 16. P. 22–30. (In Rus.)
17. Trokal T. V. The main aspects of modern political and economic cooperation between Russia and Kazakhstan // Post-Soviet studies [Postsovetskie issledovaniya]. 2019. Vol. 2. No. 3. P. 1078–1084. (In Rus.)
18. Tsvetkov V. A., Dudin M. N. Foreign economic cooperation between Russia and Kazakhstan: from history to the present // Problems of market economy [Problemy rynochnoi ekonomiki]. 2019. No. 1. P. 80–92. (In Rus.)
19. Chufrin G. I. Origin, formation and development prospects of Eurasian integration // Federalizm [Federalizm]. 2021. Vol. 26. No. 2 (102). P. 115–148. (In Rus.)
20. Yun P. Cooperation between Russia and Kazakhstan in the field of higher education in the context of a single (common) educational space //Education and law [Obrazovanie i pravo]. 2020. No. 4. P. 286–290. (In Rus.)
21. Hinz J. The Ties that Bind: Geopolitical Motivations for Economic Integration // Kiel Working Papers 2085. Kiel Institute for the World Economy (IfW) (2017). P. 31.
22. Pieper M. The Linchpin of Eurasia: Kazakhstan and the Eurasian Economic Union between Russia's Defensive Regionalism and China's New Silk Roads // International Politics. 2020.

About the authors:

Yulia A. Davydova, Associate Professor of the Department of Political Sciences and Sociology of Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russian Federation), PHD in History;
ylkadav@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5660-328X

Ekaterina V. Kargapolova, Professor of the Department of Political Sciences and Sociology of Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia), Doctor of Science (Sociology);
k474671@list.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2892-3953

DOI 10.22394/2073-2929-2022-02-60-69

К вопросу о развитии китайского рынка электронной коммерции

Погодин С. Н.[1, *], **Ягья Т. С.**[2]

[1] Высшая школа международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация;

* pogodin56@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4780-4949

[2] Санкт-Петербургский электротехнический университет (ЛЭТИ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Статья посвящена процессу развития китайского рынка электронной коммерции в структуре экономики Китая. Исследуется и анализируется процесс образования и становления китайского рынка электронной коммерции и рассматриваются основные события нового этапа рынка электронной коммерции Китая. При этом дается обоснование выделению двух этапов в развитии этого рынка. Выявлены причины успешного развития китайских компаний в сфере электронной коммерции, а также изучены ведущие платформы Китая в трех видах электронной коммерции: B2C, B2B, C2C. Исследование показало огромную значимость электронной коммерции в развитии китайской экономики, поскольку она способствовала решению важнейших задач, таких как ликвидация бедности, повышение жизненного уровня и городского, и сельского населения.

Цель. Исследовать процесс становления и развития китайского рынка электронной коммерции.

Задачи. Исследовать и проанализировать образование и становление рынка электронной коммерции, а также рассмотреть основные события нового этапа его развития в структуре экономики Китая.

Методология. В данной работе были использованы такие эмпирические методы, как сравнительный анализ, а также такие теоретические методы исследования, как дедукция, метод исторического анализа, статистические методы, общелогические методы (анализ и синтез).

Результаты. Исследование показало огромную значимость электронной коммерции в развитии китайской экономики. Она способствует решению таких важнейших задач, как повышение жизненного уровня и городского, и сельского населения, ликвидация повсеместной бедности и т. д. Китай — лидер в мире по показателям розничной электронной торговли. В сферах B2B, B2C и C2C уже много лет лидирует компания Alibaba Group. На сегодняшней день китайские компании — лидеры на мировом рынке электронной коммерции. Результаты исследования базируются на анализе информации, полученной из различных доступных источников, включая данные официальной статистики.

Выводы. Значимость электронной коммерции в развитии китайской экономики в XXI в. велика. И в этом, как нам представляется, заслуга китайского правительства, поддерживающего развитие технического прогресса страны, в том числе и развитие электронной коммерции. Более того, ускорению развития электронной коммерции способствовал переход Китая на мобильный Интернет. При этом важными факторами ускорения развития данной отрасли является активная конкуренция компаний в этой сфере, поддержка со стороны частных предпринимателей других стран и, главное, поддержка со стороны правительства Китая. И все это содействовало тому, чтобы китайский рынок электронной коммерции развивался быстрее, чем рынки других стран.

Ключевые слова: Китай, рынок, компания, Alibaba Group, электронная коммерция, платформа, Интернет, мобильный Интернет, пользователи Интернета

Для цитирования: *Погодин С. Н., Ягья Т. С.* К вопросу о развитии китайского рынка электронной коммерции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 2. С. 60–69.

On the Development of Chinese e-Commerce Market

Sergey N. Pogodin[a, *], **Talie S. Yagya**[b]
[a] Higher School of International Relations of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation;
* pogodin56@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4780-4949
[b] St. Petersburg Electrotechnical University (ETU), Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT
The article is devoted to the process of development of the Chinese e-commerce market in the structure of the Chinese economy. The process of formation and development of the Chinese e-commerce market is researched and analyzed, and the main events of the new stage of the Chinese e-commerce market are considered. At the same time, a justification is given for distinguishing two stages in the development of this market. The reasons for the successful development of Chinese companies in the field of e-commerce were identified, and China's leading platforms in three types of e-commerce were studied: B2C, B2B, C2C. The study showed the great importance of e-commerce in the development of the Chinese economy, as it contributed to solving the most important tasks such as eliminating poverty, raising the living standards of both the urban and rural population.
Aim. To explore the process of formation and development of Chinese e-commerce market.
Tasks. To study and analyze the formation and development of e-commerce market, as well as to consider main events of a new stage of its development in the structure of the Chinese economy.
Methods. In this work, we used such empirical methods as comparative analysis, such theoretical research methods as deduction; the method of historical analysis was used, as well as statistical methods and general logical methods (analysis and synthesis).
Results. The study showed the great importance of e-commerce in the development of Chinese economy. It contributes to solution of such critical tasks as raising the living standards of both urban and rural populations, eradicating widespread poverty, etc. China is the world's leader in terms of retail e-commerce. «Alibaba Group» has been the leader in B2B, B2C and C2C for many years. Today, Chinese companies are leaders in the global e-commerce markets. Results of the study are based on the analysis of information obtained from various available sources, including official statistics.
Conclusion. The importance of e-commerce in the development of the Chinese economy in the 21st century is great. And this, in our opinion, is the merit of Chinese government, which supports development of the country's technical progress, including development of e-commerce. Moreover, China's transition to mobile Internet has accelerated development of e-commerce. At the same time, important factors in accelerating the development of this industry are active competition of companies in this area, support from private entrepreneurs in other countries and, most importantly, support from Chinese government. And all this has contributed to the fact that the Chinese e-commerce market has developed faster than e-markets of other countries.
Keywords: China, market, company, Alibaba group, e-commerce, platform, Internet, mobile Internet, Internet users
For citing: Pogodin S. N., Yagya T. S. On the Development of Chinese e-Commerce Market // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2022. Vol. 16. No. 2. P. 60–69.

Введение

Актуальность. На данный момент электронная коммерция развивается стремительно и охватывает мировой рынок. Alibaba Group, как лидер в сфере электронной коммерции, играет важную роль в развитии китайской экономики: влияет на решение многих важных проблем, о которых пойдет речь в статье. Таким образом, этим определяется актуальность изучения электронной коммерции для экономики на сегодняшний день.

Обзор литературы. В ходе написания данной работы в качестве источников были использованы материалы из официальной китайской прессы, газеты «Жэньминь жибао» (人民日报), чтобы получить информацию о современном положении китайской экономики и сектора электронной коммерции. Также были использованы различные официальное сайты, например, сайт «Чжунго тунцзицзю» (中国统计局) [Бюро статистического управления Китая], сайт CE.CN, чтобы изучить статистические данные и показатели электронной коммерции в Китае. Наконец, для понимания хронологии развития отрасли электронной коммерции и ее прогресса были проанализированы статьи китайских авторов: «Десять лет развития китайской электронной коммерции (中国电子商务的十年发展历程（一)»; Компания «Алибаба», PDD и др. платформы электронной коммерции поспешили и переоценили 3G и 4G (阿里、 拼多多等低线市场动作“激烈” 三四线市场被电商平台高看一眼).

Научная новизна. В связи с недостаточной изученностью данной темы и с ограниченностью выбора литературы наша работа может представлять особую ценность в дальнейшем исследовании сферы электронной коммерции. К тому же элементы научной новизны исследования можно соотнести с выявлением причин успешного развития китайских компаний в сфере электронной коммерции.

Практическая значимость. Результаты данного исследования можно будет использовать в качестве рекомендаций для успешного создания высокоэффективных рынков электронной коммерции в других странах, а также для улучшения эффективности уже существующих рынков. На основании того, что изучены ведущие платформы Китая в трех видах электронной коммерции (B2C, B2B, C2C), результаты исследования можно рекомендовать для использования в образовательной сфере при преподавании учебной дисциплины «Электронный бизнес» и пр.

Становление и развитие рынка электронной коммерции в Китае в период с 1990 г. по 2012 г.

Период становления китайского рынка электронной коммерции начался с 90-х гг., когда был издан Закон о развитии науки и техническом прогрессе, после чего в пятилетние планы включались государственные значимые научно-технические проекты. К примеру, проект «Государственный план приоритетного внедрения научно-технических достижений» начал свою деятельность с 1990 г. [4]. Следует отметить, что внедрением и продвижением электронных информационных технологий совместно с Государственным советом занялись Комитет по науке и технике, ряд министерств и управлений, а также Народный банк Китая, народная страховая компания и другие, которые создали координационную группу по содействию и использованию электронного обмена данными. Большую роль в распространении электронной коммерции в Китае сыграл международный форум (1994 г.), а также созванная конференция АТР (1994 г.). Это позволяет говорить о начале распространения понятия электронной коммерции в Китае. К тому же активная поддержка китайского правительства данной сферы способствовала тому, что она развивалась с невероятной скоростью. Следует отметить, что руководство КНР по сей день поддерживает развитие новейших технологий, в том числе и информационные технологии, за которыми будущее всей планеты. При этом важно понимать, что электронная коммерция является значимой составляющей как экономики, так и сферы информационных технологий. В настоящее время можно говорить о новых способах поддержки этой сферы со стороны китайского руководства, таких как создание экспериментальных баз и создание международных комплексных экспериментальных зон. К тому же широкое использование различных сетевых информационных технологий в правительственных ведомствах стимулирует формирование и развитие электронного правительства. Применение подобных технологий позволило правительству получать более полную информацию, лучше понимать общественное мнение и реальные проблемы общества, разрабатывать стратегические планы, определять соответствующую политику и принципы, с тем чтобы принятие государственных решений было более научным и эффективным. К примеру, в настоящее время правительство КНР поддерживает проведение соревнования между компаниями в сфере электронной коммерции, что способствует ее эффективному развитию. Благодаря развитию информационных технологий и электронного управления делами, действия

правительства стали более открытыми и прозрачными, что позволяет общественности быть в курсе о делах правительства, понимать суть его административной работы, усиливать общественный контроль за работой и поведением его членов. В свою очередь, это все помогает правительству улучшить свой стиль работы, повысить административную эффективность, поддерживать объективность, уменьшить бюрократию и административное бездействие, а также сократить случаи злоупотреблений в личных целях и коррупции. Можно заметить, что государственные функции переходят от контроля к обслуживанию. Как нам представляется, все сказанное изменит ситуацию информационной асимметрии между правительством и общественностью. Важно учесть, что развитие электронной коммерции и электронного правительства также делает действия предприятий более открытыми и прозрачными. К примеру, если поступки, поведение предприятий наносит вред потребителям и обществу, то подобная информация моментально распространится по сети в СМИ по всему Китаю и в конечном итоге закончится позором для данного предприятия. Это заставляет предприятия относиться к клиентам и репутации как к собственной жизни, порой сдерживать чрезмерные эмоции, не допускать негативного поведения в процессе переговоров, а также стремиться поддерживать и продолжать повышать имидж предприятия. Так, например, компания Alibaba group, для того чтобы избежать возникновения проблем, связанных с бизнес-рисками, разработала и реализует ряд мер по их управлению, а также создала механизмы защиты интеллектуальной собственности. Таким образом, можно сказать, что в результате усиления саморегулирования предприятий в определенной степени ослабляется функция государственного контроля. Отсюда следует, что развитие электронной коммерции будет способствовать трансформации государственных функций от контрольных к сервисным и приведет в недалеком будущем к превращению правительства в сервисное. Это означает, что государство в основном берет на себя обязательства по предоставлению всех видов необходимых административных услуг предприятиям и компаниям. Следует сказать, что особенно в контексте электронной торговли информация становится важнейшим ресурсом, а некая публичная информация является общественным благом и должна предоставляться правительством. Как известно, общественные блага — это создание и управление общественными информационными платформами, сбор, обработка и распространение общественной информации, а также система безопасности и правовая защита общественной информации. Поэтому в условиях электронной коммерции распределение и управление общественными информационными ресурсами станет важной составляющей государственных услуг. Итак, сказанное позволяет утверждать, что на современном этапе электронные технологии и правительство необходимы друг другу и представляют единое целое.

Следует упомянуть о двух важных событиях, сыгравших большую роль для развития электронной коммерции в Китае. Это получение страной в 1994 г. доступа в Интернет и появление первого китайского поисковика Соуху в 1998 г. Напрашивается вывод, что страна за четыре года создала собственную поисковую систему в результате определенных усилий китайского правительства по поддержке электронной коммерции. Можно считать, что с 1995 г., с появлением разных интернет-компаний, началась коммерциализация Интернета.

А в начале 1996 г. была сформирована ведущая группа Государственного совета по информатизации страны. Что касается интернет-рекламы, то ее стали использовать в Китае с 1997 г. До 1998 г. шел процесс формирования электронной коммерции в КНР, т. е. лишь восемь лет, как было ранее сказано, потребовалось на это. Поэтому 1998 г. можно считать годом образования электронной коммерции. В результате к 1998 г. в Китае образуется рынок электронной коммерции. Однако есть мнение, что он образовался в Китае в 1997 г. [10]. По нашему убеждению, 1999 г. можно считать годом образования электронной коммерции в КНР, что обусловлено появлением крупных интернет-платформ и стремительным развитием различных интернет-магазинов. Как нам представляется, известная всему миру китайская компания Alibaba group, являющаяся в современное время мировым лидером на рынке электронной коммерции, была образована как раз в 1999 г., а 1998 г., как и все предыдущие годы, для этой компании и для других лучше считать предпосылкой к развитию рынка электронной коммерции. В этом же году появляется первый китайский сайт по продаже книг, названный 8848 в честь Эвереста. Создатель этого сайта Ван Цзюньтао считал, что его интернет-платформа должна

стать самой известной, должна символизировать самую высокую гору в мире. К сожалению, этого не случилось, поскольку эта компания в 2001 г. прекратила свою деятельность. Впоследствии появлялось еще много других таких сайтов. Основатель компании Alibaba group Ма Юн, в 1999 г. создав свой сайт, обратился с речью к своим сотрудникам, в которой заявил о долгом существовании будущей компании, обслуживающей средний и малый бизнес, и что она войдет в десятку мировых сайтов [6]. Он и не предполагал, что все его планы будут реализованы и даже сверх нормы. К тому же никто не верил в его успех, хотя, как нам представляется, на это не было никаких оснований. Как ранее было отмечено, государство не только не мешало созданию компаний в направлении электронной коммерции, но и поддерживало их. К тому же следует учесть, что для бизнеса в онлайн-режиме не требовалось огромных вложений. Отсюда, на наш взгляд, успех этой компании вполне закономерен. В том же 1999 г. создается первая китайская C2C-платформа eachnet.com (выделяют следующие виды электронной коммерции: B2C-бизнес — потребитель, B2B-бизнес — бизнес, C2C-потребитель — потребитель, B2G-бизнес — правительство, C2G-потребитель — правительство) [3]. В этот период времени была основана сеть Ctrip, специализирующаяся на предоставлении услуг по покупке авиабилетов и бронированию отелей в онлайн-режиме, а также был создан интернет-магазин книг Dangdang Inc. Как мы видим, такая череда созданий позволяет утверждать, что именно 1999 г. можно считать годом образования рынка электронной коммерции в Китае, поскольку основные компании-гиганты в этой сфере были созданы именно в этот год. А с 2000 г. начинается процесс развития рынка электронной коммерции в КНР, развитие и совершенствование разных видов электронной коммерции, который можно назвать этапом в его становлении и развитии и который завершится к 2012 г., когда рынок электронной коммерции будет полностью сформирован. Итак, рассмотрим особые события этого рынка. С 2000 г. попытки компании B2C платформы 8848 распространить свою деятельность на территории США оказались не очень успешны. К сожалению, компанию Alibaba group также постигла неудача, ее основатель осознал, что компания не готова пока к выходу на мировой рынок. По нашему мнению, два гиганта — первооснователя китайского рынка электронной торговли делали одну и ту же ошибку: слишком рано решили расширяться, последствия для обоих были плачевными. В 2002 г. разворачивается конкурентная борьба таких книжных магазинов, как C2C Dangdang Inc, B2C Joyo.com и немецкой компании Bertelsmann AG. Борьба заключалась в различных скидках и акциях, что привлекло достаточное количество новых интернет-пользователей. Компания B2C Joyo.com в ходе жесткой конкуренции разорилась и была перекуплена компанией Amazon. Вступившая в 2004 г. в электронную коммерцию компания JD.com, получающая незначительный доход от торговли в Интернете, в 2005 г. решила рискнуть и полностью перейти на онлайн-продажи. Эта ситуация, безусловно, ожесточила конкуренцию. К тому же результатом конкурентной борьбы в 2005 г. стало объединение Alibaba group и Yahoo China. В это время в B2B-сфере у Alibaba group появился сильный конкурент в лице компании HC group.

Прогноз основателя Alibaba group Ма Юна о том, что компания заработает денег, осуществился, и в конце 2002 г. она впервые получила прибыль в размере 6 млн руб. [8]. И в дальнейшем все его прогнозы сбываются с избытком. Это говорит о том, что он глубоко разбирается в сложившийся ситуации на рынке электронной коммерции, грамотно ее анализирует и это приводит к успеху. Так, например, из-за эпидемии респираторного синдрома SARS в 2003 г. население прекратило выходить на улицы, и это увеличило количество интернет-пользователей, что и поспособствовало развитию электронной коммерции. Этой возможностью и воспользовалась компания Alibaba group, создав C2C-платформу Taobao и платежную систему Alipay. Американские компании, стремясь внедриться на китайский рынок, инвестируют в китайские компании, чтобы впоследствии объединиться. К примеру, американская компания eBay, инвестируя 150 млн долл. в C2C-компанию Eachnet.com, получила 33% акций китайской компании. Политика инвестирования продолжится, чтобы «…взрастить китайскую электронную коммерцию» [3]. Как известно, впоследствии произошло слияние этих двух компаний и даже название компаний в Китае объединили. Прогнозы, как ранее было отмечено, относительно рынка электронной коммерции в Китае свидетельствуют о том, что он будет развиваться стремительно. Отсюда становится понятным стремление иностранных компаний приобретать акции китайских компаний и далее объединяться.

Следует отметить, что число пользователей Интернета в Китае к 2008 г. достигло 210 млн чел., ежегодный прирост составил 53,3%, то есть в среднем каждый день прирост пользователей составил 200 тыс. чел. [6]. Это позволяет сказать, что рынок электронной коммерции Китая может развиваться быстрее, чем рынок любой другой страны и даже всего мира в целом. В связи с этим важно напомнить, что «в 2007 году темпы развития электронной коммерции в Китае будут в четыре раза быстрее, чем в среднем по всему миру». Таким образом, китайский рынок электронной торговли развивался быстрыми темпами и уверенно шел к тому, чтобы занять лидирующую позицию в этой отрасли на мировой арене. Это понимали иностранные компании, и поэтому, как ранее уже было сказано, инвестировали немалые суммы в разные электронные компании Китая. К 2008 г. в стране насчитывалось примерно 4,5 тыс. сайтов B2B. На этот год КНР занимала второе место по количеству пользователей, в стране было 1,5 млн сайтов, из них доля интернет-магазинов составила 22,1% [3]. В 2008 г. была создана B2C-компания VIPSHOP, которая в последующие годы сыграет большую роль для рынка электронной коммерции. В 2010 г. на рынке электронной коммерции появились B2B-компания Cogobuy и B2B-компания Ganglian holdings. В 2011 г. была создана B2C-платформа, называемая «Торговый комплекс Taobao», в 2012 г. ее переименовали в Tmall, но чуть позже появляется другая компания под названием Gome. Вот так происходило развитие рынка электронной коммерции с момента его образования (1999 г.) до 2012 г. Данный год можно считать завершающим в развитии данного рынка, что обусловлено тем, что до 2013 г. Китай никогда не лидировал в сфере электронной экономики. Но уже с 2013 г. КНР становится первым в мире по розничной электронной торговле. В ходе нашего изложения был определен 1999 г., как год образования рынка электронной коммерции в Китае, а до этого, начиная с 1990 г., формировались предпосылки образования этого рынка. И стоит упомянуть, что именно в 1999 г. появляются основные гиганты рынка электронной коммерции, некоторые из них функционируют и сегодня, некоторые перестали быть гигантами. Компания Alibaba group как раз была создана в 1999 г. и, на наш взгляд, успешно справляясь с поставленными задачами, впоследствии стала лидером, несмотря на жесткую конкурентную борьбу этого рынка. К тому же иностранным компаниям, в том числе американским, не удалось захватить рынок электронной коммерции Китая. Вот так непросто складывался и развивался данный рынок в Китае.

Развитие электронной коммерции в структуре экономики Китая в период с 2013 г. по 2020 г.

С 2013 г., как ранее нами говорилось, начинается следующий новый этап в развитии электронной коммерции, приведший к лидерству Китая в этой сфере, т. е. можно говорить о наступлении новой эры в ее развитии. В КНР в сфере экономики, как известно, есть проблемы, такие как низкий уровень жизни, особенно в сельской местности, высокий уровень бедности, что отражается в показателях ВВП на душу населения, хотя объем ВВП как основной макроэкономический показатель достаточно высок — Китай по данному показателю занимает второе место в мире. Как нам представляется, решить данные проблемы можно как раз развитием и распространением вширь электронной коммерции по территории Китая, т. е. речь идет о важности увеличения числа пользователей мобильного Интернета. Для успеха сферы электронной коммерции необходим рост количества пользователей Интернета. А на современном этапе развития электронной коммерции важен именно мобильный Интернет и его пользователи, поскольку он значительно удобен во всех отношениях и поэтому привлекает намного больше пользователей. Мобильный Интернет обладает большими преимуществами, нежели обычный компьютер, что в принципе является очевидным фактом. С 2013 по 2020 гг. количество пользователей только непрерывно растет. Так, на декабрь 2013 г. пользователей мобильного Интернета в Китае было всего 500 млн 60 тыс. чел., а на март 2020 г. — 896 млн 900 тыс. чел. На конец 2019 г. общая численность населения материкового Китая составляет 1,4 млрд 50 тыс. чел. [7]. Таким образом, сделанный нами простой расчет свидетельствует о том, что примерно 64% от населения страны пользуются мобильным Интернетом. Если учесть тот факт, что значительную часть населения Китая составляют пожилые люди, становится очевидным медленное привыкание к таким новшествам, как

Интернет вообще, так и мобильный в частности. Однако ситуация с вирусом COVID-19 в конце 2019 и начале 2020 гг. показала, что количество пользователей только будет увеличиваться, т. е. повторяется ситуация 2003 г. с вирусом SARS, о которой мы упоминали в статье ранее. Это заставило проводить Интернет во многие районы страны, чтобы осуществлять все виды трудовой деятельности, в результате чего стал возможен рост числа пользователей в 2020 г. и последующие годы, что поднимет доходы компаний, задействованных в сфере электронной коммерции. К тому же можно сказать, что с постоянным ростом количества пользователей электронная коммерция будет только продолжать развиваться быстрыми темпами. Так, например, в 2015 г. созданная новая B2C-платформа под названием PDD, что означает «покупай вместе», имеет довольно новаторское решение: чем больше человек изъявит желание купить какой-то продукт, тем ниже на него будет цена. Компании эта идея данного приложения принесла хороший доход. Для понимания развития электронной коммерции в Китае и выявления ее особенностей рассмотрим ведущие платформы Китая в трех лидирующих видах электронной коммерции. Итак, начнем с B2C.

Доли китайских компаний в сфере B2C за 2017 г. выглядят так: 52,73% — компания Tmall; 32,50% — компания JD.com; 3,25% — компания VIPSHOP; 3,17% — компания Suning Tesco; 2,5% — компания PDD; 1,65% — компания GOME; 0,80% — бывшая компания Joyo.com, после разорения превратившаяся в китайский Amazon; 3,40% — другие компании[1]. Таким образом, в сфере B2C-торговли это все лидирующие компании Китая, и абсолютным лидером на 2017 г. стала Tmall, являющаяся одной из платформ компании Alibaba group и сохраняющая свое лидерство по сей день. Основной конкурент этой компании в B2C-торговле — это JD.com, при этом их соперничество называют «Великая война кошки с собакой» [5]. Однако в 2018 г. произошли некоторые изменения в сфере B2C, что не повлияло на компанию Tmall, а довольно-таки сильно отразилось на других компаниях в этой сфере. За 2018 г. компания Alibaba group имела чистый прирост пользователей (в основном из слаборазвитых районов) 25 млн чел. Так, начатая ранее этой компанией программа оснащения слаборазвитых районов хорошо окупилась. В компанию JD.com этого же года 28% (305 млн 200 тыс. пользователей) новых пользователей пришло из функции совместных покупок компании. У компании PDD в этот год количество пользователей достигло 385 млн 500 тыс. чел., и она заняла второе место среди китайских компаний в сфере B2C электронной коммерции [9]. Следующим лидирующим видом электронной коммерции в Китае является B2B.

За 2018 г. доли рынка китайских компаний в сфере B2B выглядели следующим образом: 30,1% — это доля компании 1688 B2B-платформы Alibaba group; 14,8% — доля компании HC group; 11,6% — доля компании Cogobuy; 4,5% — доля компании Ganglian holding; 1,6% — доля компании Focus Technology Co., Ltd.; 0,8% — доля компании Toocle; 36,6% — это доли других компаний [1].

Следует отметить, что в сфере B2B это все лидирующие компании Китая, и абсолютным лидером на 2018 г., как мы видим из приведенных выше данных, является компания 1688, являющаяся одной из платформ компании Alibaba group. Несмотря на то, что компания HC является ее конкурентом, Alibaba group и в сфере B2B сохраняет свое лидерство. В сфере C2C китайского рынка электронной коммерции все меняется не так быстро, что важно учесть. К тому же за столько лет лидер в этой сфере не изменился. Доля компании Taobao C2C-платформы Alibaba group составляет 96,50%; доля компании Paipai C2C-платформы JD.com — 3,40%. Эта компания является основным конкурентом Alibaba group в сфере розничной торговли. Незначительную долю имеет компания eachnet.com, всего лишь 0,10%. Ранее американская компания eBay, инвестировав много средств в эту компанию, получила много ее акций. Ее сотрудничество с корпорацией Tom с 2006 г. привело к тому, что она полностью перестает быть представителем eBay [2]. Таким образом, как видно, лидерство в сфере C2C-торговли занимают также китайские компании. А абсолютным лидером как на 2013 г., так и на последующие годы остается Taobao как одна из платформ компании Alibaba group.

[1] Отчет по статистике социально-экономического развития КНР в 2019 году (中华人民共和国2019年国民经济和社会发展统计公报. 中国统计局) [Электронный ресурс] // Чжунго тунцзицзю. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202002/t20200228_1728913.html (дата обращения: 03.02.2022).

Заключение

Таким образом, наше исследование показывает огромную значимость электронной коммерции в развитии китайской экономики, поскольку она способствует решению таких важнейших задач, как повышение жизненного уровня и городского, и сельского населения, ликвидация повсеместной бедности и т. д. Именно с 2013 г. начинается успех Китая, его мировое лидерство в этой сфере, которое продолжается фактически по сей день. Китай, можно сказать, лидер в мире по показателям розничной электронной торговли. Следует отметить, что в сферах B2C и C2C уже много лет лидирует компания Alibaba group. К тому же в сфере B2B электронной торговли компания также лидирует, что было нами выяснено. В целом на сегодняшней день китайские компании — лидеры на мировом рынке электронной коммерции. Поэтому следует сказать, что значимость электронной коммерции в развитии китайской экономики в XXI в. велика. И в этом, как нам представляется, заслуга китайского правительства, поддерживающего развитие технического прогресса страны, в том числе и развитие электронной коммерции. В итоге, к примеру, «… в Кашгарском районе, уезде Чжао построили 130 станций обслуживания сельской электронной коммерции, более 450 фермерских хозяйств»[1]. Также для развития электронной коммерции были приняты важные законы, создано множество проектов. Кроме того, правительство КНР оказывало содействие не только отечественным предприятиям в данной сфере, но и способствовало привлечению любых инвестиций различных стран в отечественные предприятия. Также оно поддерживало иностранные предприятия и покупку иностранными компаниями акций отечественных предприятий. Следует понимать, что все-таки ускорению развития электронной коммерции способствовал переход Китая на мобильный Интернет, который по многим параметрам эффективнее обычного Интернета. По нашему убеждению, важными факторами ускорения развития данной сферы являются активная конкуренция компаний в этой сфере, поддержка со стороны частных предпринимателей других стран и, главное, поддержка со стороны правительства Китая. И все это содействовало тому, чтобы китайский рынок электронной коммерции развивался быстрее, чем рынки других стран. Стоит заметить, что все китайские компании в данной сфере пользовались поддержкой правительства, но несомненным лидером стала компания Alibaba group, причины именно ее успеха — это тема уже иной статьи.

Теоретический вклад выполненной работы заключается в возможности ее использования в дальнейшем исследовании сферы электронной коммерции, так как данная тема еще недостаточно изучена и по ней ограничен выбор литературы.

Вклад данной работы в развитие прикладной науки заключается в возможности использования результатов данного исследования в образовательной сфере при преподавании экономических дисциплин, например, «Электронный бизнес», «Технология бизнеса», «Бизнес-администрирование» и др.

Литература

1. «Алибаба», PDD и др. платформы электронной коммерции поспешили и переоценили 3G и 4G (阿里、 拼多多等低线市场动作"激烈" 三四线市场被电商平台高看一眼) [Электронный ресурс] // Сайт CE.CN. URL: http://www.ce.cn/xwzx/gnsz/gdxw/201812/04/t20181204_30936558.shtml (дата обращения: 08.01.2022).
2. Анализ размера рынка и структуры рыночной конкуренции в индустрии электронной коммерции Китая в 2018 году (2018年中国电商行业市场规模与市场竞争格局分析[图]) [Электронный ресурс] // Chyxx. URL: https://www.chyxx.com/industry/201903/718637.html (дата обращения: 05.02.2022). (дата обращения: 05.02.2022).
3. Десять лет развития китайской электронной коммерции (中国电子商务的十年发展历程（一）) [Электронный ресурс] // CSDN. URL: https://blog.csdn.net/qins_superlover/article/details/23688281 (дата обращения: 02.02.2022).

[1] *Ли Лун, Хань Тин.* Янгишар (Синьцзян-Уйгурский авт. р-н, КНР): пусть электронная коммерция станет «новым двигателем» для возрождения сельских районов (李龙, 韩婷. 新疆疏勒县：让电子商务成为乡村振兴"新引擎". 人民日报) [Электронный ресурс]. 26.01.2021 // Газета «Жэньминь жибао». URL: http://xj.people.com.cn/n2/2021/0126/c394722-34549120.html (дата обращения: 08.01.2022).

4. *Дин Жуджунь, Ковалев М. М., Новик В. В.* Феномен экономического развития Китая. Минск : Издательский центр БГУ, 2008. С. 362.
5. Доля рынка B2C электронной торговли Китая в 2017 году (年中国B2C 电商市场份额. “便宜” 与“占便宜”：拼多多带给商业的9大启示_手机搜狐网.搜狐网) [Электронный ресурс] // Соухуван. URL: https://m.sohu.com/a/245796469_119216/?pvid=000115_3w_a (дата обращения: 05.02.2022).
6. *Лэй Тин.* История развития компании Alibaba и анализ ее модели B2B2C (雷婷.“阿里巴巴 ”发展历程及其 B2B2C模式分析) // Сибэй диэрминьцзусюэюаньсюэбао (西北第二民族学院学报 (哲学社会科学版). 2007. № 2. С. 128.
7. *Сон Юаньфа, Пу Чуньмэй.* Электронная коммерция (宋远方, 蒲春梅. 电子商务. 电子工业出版社). Пекин : Дяньцзы гуне чубаньшэ, 2009. С. 30.
8. *Сюй Лися, Люсюй.* Электронная коммерция (许丽霞, 刘续. 电子商务. 阳光出版社). Пекин : Янгуан чубаньшэ, 2014. С. 44–48.
9. *Тонги Ч.* Китайская компания «Алибаба» // Международный молодежный симпозиум по управлению, экономике и финансам (28–29 ноября 2018 г., Казань). Изд-во Казанского (Приволжского) федерального университета, 2018. С. 70.
10. *Хоу Яньхкн, Ши Чжуншань.* Перспективы применения электронной коммерции в обороте различных видов лекарственных средств (侯艳红, 石中山. 电子商务在不同种类药品流通中的应用前景. 中国药科大学) // Чжунго яркэдасюэ. 2011. № 283. С. 47.

Об авторах:

Погодин Сергей Николаевич, доктор исторических наук, профессор, директор Высшей школы международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
pogodin56@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4780-4949

Ягья Талие Саидовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории Санкт-Петербургского электротехнического университета (ЛЭТИ) (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
talie2006@mail.ru

References

1. Alibaba Company, PDD and other e-commerce platforms rush and overestimate 3G and 4G (阿里、 拼多多等低线市场动作“激烈” 三四线市场被电商平台高看一眼) [Electronic resource] // Website CE.CN. URL: http://www.ce.cn/xwzx/gnsz/gdxw/201812/04/t20181204_30936558.shtml (accessed: 08.01.2022). (In Chin.)
2. Analysis of Market Size and Structure of Market Competition in China’s E-Commerce Industry in 2018 (2018年中国电商行业市场规模与市场竞争格局分析[图]) [Electronic resource] // Chyxx. URL: https://www.chyxx.com/industry/201903/718637.html (accessed: 05.02.2022). (In Chin.)
3. Ten years of development of Chinese e-commerce (中国 电子商务 的 十年 发展 历程 （一)) [Electronic resource] // CSDN. URL: https://blog.csdn.net/qins_superlover/article/details/23688281 (accessed: 02.02.2022). (In Chin.)
4. Dean Zhudzhun, Kovalev M. M., Novik V. B. The phenomenon of China’s economic development. Minsk : BSU Publishing Center, 2008. P. 362. (In Rus.)
5. China’s B2C e-commerce market share in 2017 (年中国B2C 电商市场份额. “便宜” 与“占便宜”：拼多多带给商业的9大启示_手机搜狐网.搜狐网) [Electronic resource] // Sōuhú wǎng URL: https://m.sohu.com/a/245796469_119216/?pvid=000115_3w_a (accessed: 05.02.2022). (In Chin.)
6. Lei Tin. Alibaba’s development history and analysis of its model B2B2C (雷婷.“阿里巴巴 ”发展历程及其B2B2C模式分析) // Xīběi dì èr mínzú xuéyuàn xuébào (zhéxué shèhuì kēxué bǎn) (西北第二民族学院学报 (哲学社会科学版). 2007. № 2. P. 128. (In Chin.)

7. Son Yuanfa, Pu Chunmei. E-commerce (宋 远方, 蒲春梅. 电子商务. 电子 工业 出版社). Beijing : Diànzǐ gōngyè chūbǎn shè, 2009. P. 30. (In Chin.)
8. Xu Lixya, Lyuxui. E-commerce (许丽霞, 刘 续. 电子商务. 阳光 出版社). Beijing : Yanguan Chubanshe, 2014. P. 44–48. (In Chin.)
9. Tongi Ch. Chinese company Alibaba // International Youth Symposium on Management, Economics and Finance (28–29 November 2018, Kazan). Kazan (Privolzhsky) Federal University Publishing House, 2018. P. 70. (In Rus.)
10. Hou Yanhkn, Shi Zhongshan. Prospects for the use of e-commerce in the circulation of various types of medicine (侯艳红, 石 中山. 电子商务 在 不同 种类 药品 流通 中 的 前景. 中国 药 科) // Zhōngguó yào kē dàxué 2011. No. 283. P. 47. (In Chin.)

About the authors:

Sergey N. Pogodin, Professor, Director of the Higher School of International Relations of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History); pogodin56@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4780-4949

Talie S. Yagya, Associate Professor of the Department of Economic Theory of the St. Petersburg Electrotechnical University (ETU) (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics; talie2006@mail.ru

DOI 10.22394/2073-2929-2022-02-70-76

О некоторых исторических особенностях легализации незаконных доходов в России и Китае

Полийчук А. С.
ПАО «Сбербанк», Москва, Российская Федерация; pol_kib_bez@mail.ru

РЕФЕРАТ

Цель. В данной статье автор стремится произвести аналитику некоторых характерных особенностей разных форм отмывания денежных средств в России и Китае с отсылкой к хроникам прошлых веков, начиная с момента возникновения этого явления, нашедшего впоследствии широкое распространение в обеих странах.

Задачи. Для реализации основной цели автор поэтапно решает логически взаимосвязанные задачи: во-первых, выявить древнейшие формы легализации незаконных доходов в России и Китае; во-вторых, проследить логику эволюционных изменений отмывания денежных средств в исторической практике обеих стран; в-третьих, сопоставить российский и китайский опыт в исследуемой системе экономических структурно-функциональных связей.

Методология. При написании материала использовались методы хронологической реконструкции, исторической аналогии, анализа и синтеза, компаративистики.

Результаты. Автор установил, что впервые коррупционные механизмы легализации незаконных доходов возникли в Китае в IV в. до нашей эры, в то время как в России эта практика отчетливо прослеживается лишь с XV в. В статье показано, что в Китае в эпоху династии Тан (VII–X в. н. э.) методы отмывания денежных средств демонстрировали активное развитие и далее достигли критического для сохранения государственности уровня в эпоху Опиумных войн (XIX в.), хотя впоследствии были частично нивелированы в социалистический период китайской государственности в XX в. По аналогии автор рассматривает исторический фон эволюции механизмов отмывания денег в нашей стране в эпоху феодальной раздробленности, а также царской и советской власти. В статье предпринимается попытка сопоставления двух исторических картин — России и Китая.

Выводы. Автор приходит к выводу о том, что процессы легализации незаконных денежных средств в России и Китае имеют схожие черты и активизируются в связи с важнейшими историческими событиями, поэтому современные модели отмывания денег и противодействия этой незаконной деятельности имеют характерные черты, сформированные культурным опытом в отдельно взятой стране.

Ключевые слова: незаконные финансовые операции, легализация доходов, экономическая безопасность, отмывание денежных средств

Для цитирования: *Полийчук А. С.* О некоторых исторических особенностях легализации незаконных доходов в России и Китае // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 2. С. 70–76.

On Some Historical Aspects of Money Laundering in Russia and China

Andrei S. Poliychuk
Sberbank PJSC, Moscow, Russian Federation; pol_kib_bez@mail.ru

ABSTRACT

Aim. In this article, the author seeks to analyze some of the characteristic features of various forms of money laundering in Russia and China, with reference to the chronicles of past centuries, starting from the moment this phenomenon arose, which later became widespread in both countries.

Tasks. To realize the main aim, the author gradually solves logically interconnected tasks: firstly, to identify the oldest forms of legalization of illegal income in Russia and China; second, to trace the logic of evolutionary changes in money laundering in the historical practices of both countries; thirdly, compare the Russian and Chinese experience in the studied system of economic structural and functional ties.
Methods. When writing the material, methods of chronological reconstruction, historical analogy, analysis and synthesis, comparative studies were used.
Results. The author established that for the first time corruption mechanisms for the legalization of illegal income arose in China in the 4th century BC, while in Russia this practice is clearly traced only from the 15th century. The article shows that in China during the Tang Dynasty (VII–X century AD), money laundering methods demonstrated active development, and then reached a level critical for maintaining statehood in the era of the Opium Wars (XIX century), although they were subsequently partially leveled during the socialist period of Chinese statehood in the twentieth century. By analogy, the author considers the historical background of the evolution of money laundering mechanisms in our country in the era of feudal fragmentation, as well as tsarist and Soviet power. The article attempts to compare two historical paintings — Russia and China.
Conclusion. The author concludes that the processes of legalizing illegal funds in Russia and China have similar features and are intensified in connection with the most important historical events, therefore, modern models of money laundering and countering this illegal activity have characteristic features formed by cultural experience in a particular country.
Keywords: illegal financial transactions, legalization of income, economic security, money laundering
For citing: Poliychuk A. S. On Some Historical Aspects of Money Laundering in Russia and China // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2022. Vol. 16. No. 2. P. 70–76.

Введение

С точки зрения экономической теории, легализация незаконных доходов является инновационной практикой получения прибыли и насчитывает в хронологическом плане около ста лет. Тем не менее представляется справедливым утверждать, что аналогичные практики сформировались в человеческой истории на значительно более ранних этапах развития социальных и экономических взаимоотношений. Данные формы необходимо рассмотреть подробнее, в хронологическом порядке, на примерах из российской и китайской истории развития народного хозяйства.

Легализация незаконных доходов в Китае: путь длиной в 2,5 тысячи лет

Одно из самых ранних исторических свидетельств о практике отмывания денег за рубежом приводится в китайской летописи, датируемой IV в. до нашей эры. Как правило, легализация незаконных доходов в Древнем Китае осуществлялась достаточно примитивным способом, хотя и отличалась системным характером. Фактически чиновники изымали у крестьян и торговцев излишки продовольствия или товары, которые впоследствии частично поступали в казну либо оставались в личном распоряжении у правящей касты. Соответственно, такая практика сильно тормозила экономическое и социальное развитие, порождала в обществе расслоение по уровню жизни и дохода и приводила к междоусобицам на территории Китая. Более передовым следует признать опыт, сформированный по мере развития централизованной государственности и совершенствования военного дела, когда в Древнем Китае начали активно внедряться практики легализации незаконных доходов по итогам захватнических кампаний.

В эпоху династии Тан (VII–X в. н. э.) легализация имущества, приобретенного незаконным путем, активно производилась по итогам завоевательных походов. В то время золото и драгоценности присваивались ветеранами боевых кампаний, хотя по закону эти ценные вещи должны были передаваться в пользу государства. По оценкам китайских ученых, таким образом укрывалось до 30–40% полученных в ходе завоеваний предметов роскоши и денежных средств, что сопоставимо в масштабах государственности

этого периода с годовым доходом одной процветающей имперской провинции [9]. Очевидно, что мародерство снижало организованность и боеспособность войск, а также провоцировало расслоение в обществе по имущественному критерию. В этой связи потребовалось ввести ограничение данной практики и учредить механизмы государственного регулирования. В данном случае в Древнем Китае применялись эффективные и отлаженные инструменты системного воздействия. Фактически на данном этапе китайской истории мы впервые обнаруживаем широкое использование государственного механизма регулирования в сфере легализации доходов, полученных незаконным путем. Здесь идет речь о военной приватизации, то есть имуществе, к которому относилась в числе прочего военная добыча каждого китайского воина. Соответственно, солдаты в эпоху династии Тан, участвовавшие в завоевательных походах, были обязаны отчитываться о приобретенных в ходе боевых действий трофеях и ограничивались в возможностях утаить свое благосостояние от государственного контроля. Различные китайские экономисты отмечают в своих исторических исследованиях, что нормативная практика в данном вопросе не была односторонней и также учитывала интересы семьи воина, поскольку в случае его смерти в ходе военной операции трофейное имущество отходило в пользу ближайших родственников.

В капиталистическую эпоху механизмы легализации незаконных доходов в Китае получили импульс к развитию и вышли на качественно более высокий уровень. Данная историческая логика вполне понятна, достаточно вспомнить одно лишь высказывание Маркса о том, что «капитал… избегает шума и брани и отличается боязливой натурой. Это правда, но это еще не вся правда. Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10%, и капитал согласен на всякое применение, при 20% он становится оживленным, при 50% положительно готов сломать себе голову, при 100% он попирает всечеловеческие законы, при 300% нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. Если шум и брань приносят прибыль, капитал станет способствовать тому и другому. Доказательство: контрабанда и торговля рабами». Действительно, в капиталистическую эпоху незаконная легализация доходов осуществлялась в Китае всеми возможными способами: удержание платы рабочим, эксплуатация детского и рабовладельческого труда, экономия работодателей на условиях труда, введение ночных смен на предприятиях и т. д. Здесь необходимо обратить внимание на популярное мнение, что в китайской научно-исследовательской среде табуизирована критика в адрес коммунистического руководства страны. В целом, конечно, с этим утверждением трудно не согласиться. Однако в исторических трудах по экономике достаточно распространено скептическое отношение к перегибам, допущенным в эпоху Большого скачка и культурной революции. Например, исследователь Пекинского университета Лю Синь Юй указывает на то, что механизмы легализации денежных средств при Мао Цзэдуне не отличались прогрессивностью [4]. Также необходимо упомянуть неограниченные возможности капиталистов XIX в. по сокрытию и фальсификации источников дохода, преимущества колониальной системы, государственных монополий и негласных договоренностей между немногочисленными в то время банковскими элитами. К сожалению, на данном этапе китайской государственности практиковалась жесткая эксплуатация трудящихся заграничными бенефициарами. В качестве наглядного примера можно привести Опиумные войны Китая с Англией и Францией, поскольку государственная власть азиатской страны оказалась не в силах остановить отток за границу капитала, полученного вследствие культивирования опиума [10]. В целом можно сказать, что в капиталистическую эпоху легализация незаконных доходов в Китае производилась с учетом зарубежных классовых интересов, то есть крупной буржуазии, политической аристократии и зарождавшейся тогда в Европе финансистской прослойки населения. Надо сказать, что этот опыт заложил основы для революции в Китае и установления социалистического типа хозяйствования. Данный опыт в целом является весьма специфическим и должен исследоваться более обстоятельно в рамках профильных научных статей. По мнению китайских экономистов, главное преимущество легализации денежных средств в социалистической экономике состоит в том, что государство располагает более широким инструментарием воздействия на рыночные отношения. Это позволяет минимизировать возможные потери государства от легализации незаконных доходов на 15–18% ежегодно [1].

Ретроспектива отечественной легализации денег с древнейших времен до наших дней

В истории российской государственности механизмы легализации доходов не такие древние, как в Китае, но прослеживаются в экономической жизни, начиная с XV в. Безусловно, данное явление появилось на Руси значительно раньше, но проблема состоит в том, что не представляется возможным обнаружить летописные источники и другие аналогичные свидетельства с достоверными описаниями этой практики незаконного обогащения. Напротив, в исторических документах XV в., например в Псковской судной грамоте 1467 г., обнаруживается различие между легитимным и противозаконным обогащением, которое состоит в том, что законное обогащение, то есть приобретение товаров предполагает обязательное заверение в виде присяги со стороны покупателя или обязательного присутствия свидетелей. Таким образом, любое экономическое действие, совершавшееся в обход установленной законом практики, являлось по сути незаконной легализацией дохода. Например, переход недвижимости из одних рук в другие без поручительства или присутствия свидетелей в те времена являлся действенным способом сокрытия сделки от государственных институтов. В Соборном уложении 1649 г. обнаруживается введение ответственности за попытки легализовать незаконные доходы. Впервые в истории российского государства возникает практика контроля не только за переходом имущества от одного собственника к другому, но также вводится надзор за эксплуатацией вещей или недвижимости. Иными словами, государство начинает противодействовать легализации незаконных доходов не только в момент сделки, но и в ходе дальнейшей эксплуатации приобретенной выгоды недобросовестными участниками торговых отношений. В частности, можно упомянуть такие механизмы государственного мониторинга и контроля, как введение ответственности за укрывательство преступников или хранение незаконно приобретенного имущества. На следующем этапе развития нашей государственности, а именно в эпоху петровских реформ, когда осуществлялись масштабные преобразования социальной, политической, экономической жизни, возникла потребность в дальнейшем укреплении механизмов противодействия легализации незаконных доходов. В данном направлении мощным импульсом стали войны эпохи Петра I, которые царь-реформатор вел с целью превращения страны в могущественную экономическую державу. По итогам боевых действий формировались новые административно-правовые и управленческие контуры в российском народном хозяйстве XVIII в. Вполне логично, что в эпоху Петра I большое внимание уделялось противодействию легализации доходов, полученных в результате войны с соседними государствами. Например, появились легитимные запреты на мародерство в войсках, что является прообразом современных механизмов противодействия трансграничной преступности. Далее государство четко определило, что является военной добычей, в то время как любое другое имущество, захваченное на оккупированных территориях, признавалось незаконным. Разумеется, технологии легализации доходов, полученных преступным путем, постепенно эволюционировали в российской истории и приближались к современному теоретическому значению этого термина. Справедливо утверждать, что в XIX в. в России, согласно «Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года», любые незаконные действия с целью обогащения приравнивались к незаконной легализации доходов в том смысле, который вкладывают в это понятие современные экономисты. К сожалению, в конце XIX в. масштабы легализации незаконных доходов в Российской империи значительно усилились. Во многом этому способствовала денежная реформа Витте, то есть введение золотого рубля с целью стимулирования международной торговли и капиталистического развития [8]. Обратной стороной этого процесса стало выведение значительных объемов финансовой массы за границу. Следует также отметить, что в это время практически отсутствовали эффективные механизмы финансового контроля над банковской деятельностью. В теории должностные лица в банках должны были информировать государственные надзорные органы о подозрительных финансовых операциях, но масштабы российской коррупции в то время достигали таких значений, что этот механизм продемонстрировал свою фактическую недееспособность. В качестве примеров можно привести такие механизмы легализации незаконных доходов, как участие банкирских домов и контор в биржевых спекуляциях за счет вкладов клиентов; махинации, связанные с привлечением денежных средств населения посредством введения в заблуждение относительно будущих доходов; невыполнение обязательств по полученным

кредитам; государственное участие в акционерных компаниях; ложные банкротства и т. д. К сожалению, непростые российские реалии первой четверти XX в., а именно войны и революции, привели к исключительному росту преступных доходов, вырученных с продажи алкоголя, наркотиков, финансирования терроризма и т. п. Разумеется, вся эта незаконная деятельность во многом субсидировалась с помощью механизмов вывода капитала за рубеж [6]. Фактически субсидирование революционной активности не имело механизмов контроля за распределением средств, поэтому легализация доходов в данном секторе не вызывала особого труда. Справедливо утверждать, что на данном этапе российской истории, возможно, как никогда прежде и даже впоследствии, применялся силовой инструментарий в процессе отмывания денег. Государственные институты Российской империи в целом оказались не готовы к организации системного и эффективного противодействия легализации незаконных доходов с применением террористических методов. Приходится констатировать, что с точки зрения заявленных целей вышеупомянутая деятельность осуществлялась исключительно эффективно, поскольку в конечном итоге привела к распаду государственности и установлению советского строя с катастрофическими последствиями для экономической и социальной жизни в революционное и междоусобное время.

В советскую эпоху незаконными доходами фактически стали признаваться результаты любой коммерческой деятельности граждан (за редкими исключениями), что вполне соответствовало восприятию собственности в СССР. Поскольку частная собственность, то есть любое имущество, посредством которого гражданин мог эксплуатировать соотечественников, получая с этого прибавочную стоимость, de facto оказалась под запретом, возникли своеобразные формы легализации незаконных доходов. Разумеется, эта деятельность решительно пресекалась со стороны государственных институтов [5]. Прежде всего, советская власть жестко пресекала любые формы спекуляции, в том числе товарами народного потребления импортного производства. На всей советской территории осуществлялся строгий контроль за валютными операциями. Кроме того, в зоне пристального надзора правоохранительных органов находились рынки, а также категории граждан, обслуживавшие иностранцев. Конечно, данные суждения справедливы относительно советской действительности в период с 60-х по 80-е гг. XX в. Послереволюционные события в экономике, время новой экономической политики, индустриализация и коллективизация, военное время и борьба с бандитизмом после завершения Великой Отечественной войны имеют другую специфику, требующую обстоятельного анализа в рамках профильных исторических исследований. В целом необходимо заметить, что кризисных явлений в советской экономике, которые в конечном счете привели к распаду СССР, во многом не удалось избежать ввиду чрезмерно суровой политики властей в отношении предпринимательства. Комплекс административных и уголовных мер воздействия на попытки легализовать незаконные доходы позволил сузить эту деятельность до незначительных масштабов в экономике, но в то же самое время коррупция и хищения в административном секторе возросли до катастрофических значений. В целом советский опыт показывает, что стремление к тотальному искоренению механизмов легализации незаконных доходов может приводить к диаметрально противоположному результату.

Легализация незаконных доходов образует так называемую неформальную часть национальной экономики, выступая в качестве элемента теневой экономики. Российские ученые-экономисты характеризуют ее как «феномен, который относительно легко определить, но невозможно точно измерить» [3]. На современном этапе в России практикуется сочетание нормативных и экономических инструментов с целью предотвращения легализации незаконных доходов. Отечественные исследователи обращают внимание на то обстоятельство, что данная сфера динамично развивается в противовес государственному регулированию, поэтому контрмеры не всегда соответствуют меняющимся экономическим реалиям [2]. С юридической точки зрения акценты здесь расставлены на порядке проведения операций с валютными ценностями на внутреннем рынке, а также их перемещении за рубеж с учетом комплекса мер поддержки национальной экономики и эффективного взаимодействия с зарубежными партнерами. С экономической точки зрения государственные органы осуществляют контроль за финансовыми операциями в целом. С учетом современного состояния экономики вполне логично, что государственное реагирование может достигать своей цели только при условии координации усилий различных ведомств, а также коммерческих учреждений [7]. Подробный обзор практических аспектов, связанных с государственным противодействием незаконным

операциям по легализации денежных средств, намечен автором как перспектива дальнейшей научно-исследовательской и публикационной деятельности.

Заключение

В ходе работы над текстом статьи автор стремился решить задачу по обобщению и систематизации разрозненных сведений, преимущественно исторического характера, об истоках возникновения проблемы отмывания денежных средств в России и Китае. В этом состоит личный вклад автора в построение экономической системы знания о легализации незаконных доходов.

По мнению автора, в исторической ретроспективе обнаруживается, что в Китае и России механизмы легализации незаконных доходов являются длительной, системной практикой, требующей повышенного внимания со стороны государства в современную эпоху. Для того чтобы адекватно интерпретировать современные процессы в сфере контроля за незаконным обогащением и финансовыми манипуляциями, необходимо всесторонне учитывать исторический и культурный контекст развития данной практики в России и в Китае. Следовательно, данная аналитическая проработка специфики механизмов отмывания денег не является самоцелью, но по сути предваряет теоретическое определение легализации незаконных доходов и сопутствующих базовых типологий.

По мнению автора, легализация незаконных доходов является в данный момент одной из наиболее деструктивных тенденций мировой экономики, которая наблюдается во многих странах, в том числе, разумеется, в самых крупных державах планеты. Поэтому России и Китаю следует продолжать обращать на эту проблему самое пристальное внимание и совершенствовать механизмы борьбы с незаконным отмыванием средств, с учетом проработки методов международного сотрудничества в данной сфере.

Литература

1. *Гао Сян.* Преимущества социалистического управления в сфере противодействия коррупции // Вестник Коммунистической партии КНР. 2019. № 5. С. 43–35.
2. *Карлусов В. В.* Российско-китайские экономические отношения в интеграционном поле Евразии // Мировое и национальное хозяйство. Издание МГИМО (У) МИД России. 2008. № 2 (5). С. 37–45.
3. *Котов К. В.* Легализация доходов как способ борьбы с теневой экономикой // Налоговая политика и практика. 2010. № 6. С. 26–33.
4. *Лю Синь Юй.* Коррупционная составляющая экономической деятельности в Китае в коммунистическую эпоху. Издательство Пекинского университета, 2019. С. 123–125.
5. *Майданевич Ю. П., Бабашина А. С.* Российско-китайские экономические отношения: история и пути развития // АНИ: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 2 (15). С. 178– 181.
6. Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения. Рекомендации ФАТФ. Федеральная служба по финансовому мониторингу. М., 2012. С. 48.
7. *Прошунин М. М.* Правовое положение федеральной службы по финансовому мониторингу: настоящее и перспективы // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2019. № 2. С. 14–17.
8. *Цанжапов И. А.* Китай и Россия: прошлое и настоящее. Экономические очерки // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2016. № 2. С. 112–116.
9. *Чжан Сяо Цзян.* Коррупционные практики в эпоху династии Тан. Издательство университета Фудан. Шанхай, 2020. С. 256.
10. *Чэнь Шу Сю.* Опиумные войны в Китае: уроки истории. Beijing : Bao Ling Press. 2020. С. 13–15.

Об авторе:

Полийчук Андрей Сергеевич, соискатель Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); главный инженер по кибербезопасности ПАО «Сбербанк» (Москва, Российская Федерация);
pol_kib_bez@mail.ru

References

1. Gao Xiang. Advantages of socialist governance in the field of anti-corruption // Journal of the Communist Party of the People's Republic of China. 2019. No. 5. P. 43–35. (In Chin.)
2. Karlusov V. V. Russian-Chinese economic relations in the integration field of Eurasia // World and national economy [Mirovoe i natsional'noe khozyaistvo]. Publication of MGIMO (U) of the Russian Foreign Ministry. 2008. No. 2 (5). P. 37–45. (In Rus.)
3. Kotov K. V. Legalization of income as a way to combat the shadow economy // Tax policy and practice [Nalogovaya politika i praktika]. 2010. No. 6. P. 26–33. (In Rus.)
4. Liu Xin Yu. The corrupt component of economic activity in China during the communist era. Beijing University Press, 2019. P. 123–125. (In Chin.)
5. Maidanevich Y. P., Babashina A. S. Russian-Chinese economic relations: history and development paths // API: economy and management [ANI: ekonomika i upravlenie]. 2016. Vol. 5. No. 2 (15). P. 178–181. (In Rus.)
6. International Standards for Countering Money Laundering, Financing Terrorism and Financing the Proliferation of Weapons of Mass Destruction. FATF recommendations. Federal Financial Monitoring Service. Moscow, 2012. P. 48. (In Rus.)
7. Proshunin M. M. Legal status of the federal financial monitoring service: present and prospects // RUDN Bulletin. Series: Legal Sciences [Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauk]. 2019. No. 2. P. 14–17. (In Rus.)
8. Tsanzhapov I. A. China and Russia: past and present. Economic essays // Journal of Buryat State University. Economics and management [Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika i menedzhment]. 2016. No. 2. P. 112–116. (In Rus.)
9. Zhang Xiao Jiang. Corrupt practices during the Tang Dynasty era. Fudan University Press. Shanghai, 2020. P. 256. (In Chin.)
10. Chen Shu Xiu. China's Opium Wars: History Lessons. Beijing : Bao Ling Press. 2020. P. 13–15. (In Chin.)

About the author:

Andrei S. Poliychuk, degree-seeking student of St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation); Cybersecurity expert at Sberbank PJSC (Moscow, Russian Federation);
pol_kib_bez@mail.ru

DOI 10.22394/2073-2929-2022-02-77-83

Внешние факторы ускоренной модернизации Японии в конце XIX века

Мамытов У. Э.
Академия государственного управления при Президенте Кыргызской Республики, Бишкек, Кыргызская Республика;
ulukmanm@gmail.com; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2685-7884

РЕФЕРАТ
Конец глобализации и повторное возникновение некоего «железного занавеса**»** между Западом и Россией снова поднимает вопрос о существенной экономической и технологической отсталости стран ЕАЭС по сравнению с лидирующими «развитыми странами», и в особенности отсталости таких стран, как Кыргызстан. В существенной степени это связано и с тем, что чрезмерная сосредоточенность на внутренних проблемах не позволяет ставить государству и обществу прагматичные цели ускоренного экономического и технологического развития. И в этой связи очень интересным выглядит опыт ускоренной модернизации Японии в конце XIX в., который, несмотря на то, что прошло 150 лет, все еще не теряет своей актуальности.
Цель. Оценка степени влияния внешних факторов на ускоренное развитие Японии в эпоху Мэйдзи.
Задачи. Анализ причин ускоренного развития, а также факторов, способствующих быстрой модернизации Японии в конце XIX в.
Методология. В ходе исследования были учтены как экономические факторы развития, так и во многом идеологические, а также технологические.
Результаты. Исследование показало, что, во-первых, сама ускоренная модернизация Японии была продиктована внешними угрозами попадания в колониальную зависимость от стран Запада, а, во-вторых, для целей быстрого развития были прагматично использованы внешние знания и технологии.
Выводы. Для ускоренного развития стран Евразийского союза технологическая модернизация является важнейшим и стратегическим фактором, и определенную координирующую роль в этом процессе в переходные периоды должно брать на себя государство, использующее соответствующую идеологию.
Ключевые слова: экономика Японии, экономическая история, модернизация, догоняющее развитие, индустриальная политика, революция Мэйдзи, индустриальные банки, колониальная политика
Для цитирования: *Мамытов У. Э.* Внешние факторы ускоренной модернизации Японии в конце XIX века // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 2. С. 77–83.

Outer Factors of Meiji Japan's Fast Modernization at the End of the 19th Century

Mamytov U. E.
Academy of Public Administration under the President of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic; ulukmanm@gmail.com; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2685-7884

ABSTRACT
The end of the globalization and the rise of the "curtain wall" between the West and Russia again raises the question of economic and technological backwardness of Eurasian Union countries comparing to the "developed countries", and especially the backwardness of such countries as Kyrgyzstan. That fact

is sufficiently connected to sometimes extremal concentration on inner problems, which prevents the state and inner community to set pragmatic aims of rapid technological and economic development. In this context the experience of fast catch-up of Japan at the end of the 19th century gives a good example how that can be realized. And that Japanese experience is still looks actual, despite that it happened almost 150 years ago.

Aim. An evaluation of the affection of outer factors in Meiji Japan's fast economic catch-up.

Tasks. For those purposes were analyzed the reasons of fast economic development, as well as the factors which stimulated Japan's modernization.

Methods. As a methodology there was used an analysis of economic, technological and ideological factors.

Results. Results of the research demonstrate that, first, the fast catch-up itself was pushed by outer threats of getting into colonial dependency of the Western countries, and second, for fast development Japan pragmatically used Western technologies.

Conclusion. Technological modernization should become the basic factor for rapid economic development of the Eurasian Union countries, and the state can play certain coordinating role in such a process sometimes using ideological factors.

Keywords: Japanese economy, economic history, modernization, catch-up development, industrial policy, Meiji Revolution, industrial banks, colonial policy

For citing: Mamytov U. E. Outer Factors of Meiji Japan's Fast Modernization at the End of the 19th Century // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2022. Vol. 16. No. 2. P. 77–83.

Введение

В конце XIX в. Япония смогла совершить мощный прыжок в своем экономическом развитии, очень быстро перейдя от феодализма к капитализму. Революция Мэйдзи, также известная как Реставрация Мэйдзи, включала в себя целый ряд социально-экономических реформ, в результате которых сильно отсталая аграрная страна, основу экономики которой составлял рис, все еще часто используемый в качестве денег [7], превратилась в одну из самых передовых технологически и экономически развитых мировых держав своего времени. И эта трансформация имела несколько факторов, самыми важными из которых были внешние.

В 1853 г. в Токийский залив зашли четыре американских военных корабля под командованием командора Перри, так называемые «черные корабли», целью которых было показать военную мощь США и склонить Японию открыть свои порты для «дружеской» взаимной торговли. Порты Японии были закрыты для западных стран еще с XVII в., когда сегунат Токугава принял решение о самоизоляции, опасаясь распространения христианства, а также завоза европейских болезней в Японию.

Американская угроза все-таки подействовала, и японцы согласились открыть свои порты для торговли с Западом. Но, в конце концов, лучше всего этим смогли воспользоваться сами же японцы, поставив свою страну на рельсы ускоренного экономического и технологического развития, правильно определив, что только быстрая модернизация позволит нации избежать участи Китая [8], который в силу своей сильной отсталости стал лишь сырьевым придатком в торговле с Западом.

Однако Китай когда-то не просто не отставал, но даже опережал Европу по некоторым технологиям и своему экономическому благосостоянию. В XV в. при императоре Чжу Ди китайский флот, крупнейшие корабли которого в десяток раз превышали лучшие испанские каравеллы, уже бороздил Индийский океан от Островов пряностей на востоке (современная Индонезия) до восточного побережья Африки на западе [1]. Однако внезапная смерть императора Чжу Ди стала концом Китая как морской державы, и под влиянием своих конфуцианских советников новый император Чжу Гаочжи решил прекратить морскую торговлю с «варварами», сосредоточившись больше на сельском хозяйстве и умеренности, как высших благодетелях в соответствии с устоями конфуцианства [4]. Уже к XIX в. Китай сильно отстал от Запада в своем технологическом развитии, в результате чего проиграл британцам две Опиумные войны и уступил Гонконг.

Такое унижение богатого и когда-то могущественного Китая очень хорошо видел дайме (князь) Шимазу Нариакира, правитель самой южной японской провинции Сатсума, которая имела хорошую географическую возможность торговать с Китаем и Кореей. По сути, Сатсума увидели западную угрозу для Японии задолго до «черных кораблей» Перри, еще во времена Опиумных войн, и первыми начали готовиться к приходу европейцев.

Роль Нариакиры Шимазу

Князь Нариакира Шимазу (1809–1858) считался одним из самых мудрых дайме своего времени. В силу своего хорошего аристократического образования он быстро понял важность модернизации Японии и превращения ее в современное технологическое государство, способное противостоять угрозе западных держав. Нариакира вырос в столице Эдо, где, как и другие молодые аристократы, получил хорошее «голландское» образование, имея доступ к различным европейским наукам [8].

Став правителем своей провинции в 1851 г., Нариакира немедленно приступил к подготовке своего клана к встрече с Западом, уже тогда начав первые шаги по экономической и технологической модернизации. Стоит отметить, что большое влияние на него оказала книга одного из исследователей западных наук по имени Такано Чоей под названием «Помощь в понимании их», где подробно описывалась стратегия западных держав в Азии и Японии, а также мысли автора, как стоит этому противостоять. Такано, в частности, отмечал, что 250 лет самоизоляции Японии было хорошим временем, однако все меняется, и теперь только богатое и мощное государство может удержать европейцев на расстоянии. Такано как раз и приводил пример Китая, который ничего не смог поделать с агрессивными британцами, а также писал об американских индейцах, которые со своими луками и стрелами не смогли противостоять огнестрельному оружию американцев. Также, приводя в пример Британию и Голландию, Такано заключал, что с помощью торговли и завоеваний европейцы стали богатыми и могущественными, так как именно торговля давала богатство, а богатство, в свою очередь, создавало военное превосходство [Там же]. Таким образом, если Японии нужно развиться, то необходимо модернизироваться по западному образцу, писал Такано Чоей, и Нариакира начал это понимать задолго до «черных кораблей» командора Перри.

Уже в 1852 г. Нариакира первым в Японии построил небольшой экспериментальный промышленный комплекс в своем поместье в Кагосиме, где установил доменную печь и начал выплавлять пушки и ядра, а позже производить ружья и порох. На его фабрике Шусейкан, где он задействовал около 1300 чел., стали активно экспериментировать с металлургией, кораблестроением, вооружением, химическим производством, а также производством стекла и фотографией. Также Нариакира распорядился перевести на японский язык голландские книги по всем важным направлениям знаний [1], однако, наверное, самым важным было его реформирование всей образовательной системы и продвижение вверх по службе талантливых самураев независимо от их родовой принадлежности. Так, именно его ученики впоследствии стали одними из главных лидеров Революции Мэйдзи: Сайго Такамори (1827–1877) и Окубо Тошимичи (1830–1878) стали непосредственными лидерами нового правительства Мэйдзи, Матсуката Масайоши (1835–1924) стал министром финансов и построил первую банковскую и финансовую систему Японии в 1881 г., а Годай Томоатсу (1835–1885) стал общественным деятелем, сыгравшим важную роль в построении современной на тот момент японской промышленной среды.

Поиск знаний по всему миру

Одной из самых первых мер, принятых новыми лидерами Японии сразу же после Реставрации Мэйдзи в 1868 г., стал усиленный поиск новых западных технологий. В частности, одна из пяти статей так называемой «Клятвы пяти пунктов Мэйдзи» гласила: «Знания будут собираться по всему миру во имя процветания императорской власти» (“Knowledge shall be sought throughout the world so as to strengthen the foundations of imperial rule”). И уже в 1871 г. на Запад была снаряжена большая правительственная миссия — «Миссия Ивакуры», чьей целью было установление дипломатических контактов и поиск новых

знаний, которые могли пригодиться новой Японии для построения технологически развитого государства. Окубо Тошимичи сам непосредственно выразил желание отправиться на Запад и возглавить миссию.

Миссия посетила многие развитые страны Запада, и одна из самых долгих остановок была сделана в Великобритании, где новых японских лидеров интересовало промышленное производство: корабельные верфи в Ливерпуле, текстильные фабрики в Манчестере и Бредфорде, стальные производства в Глазго и Ньюкасле, сахарные предприятия в Гринвиче, бумажные фабрики в Эдинбурге, паровые производства в Шеффилде и пивоварни в Бирмингеме.

Окубо Тошимичи и его коллеги хорошо понимали необходимость проведения рыночных реформ и становления капиталистических институтов для нового правительства Мэйдзи, однако считали, что в отличие от Запада в Японии именно государство должно иметь последнее слово в определении, какую форму должен принять капитализм в их стране. Окубо отмечал, что Япония не может просто слепо следовать моделям западных стран, что она выиграет, если сможет перенять различные технологические методики, но в конце концов страна должна найти свой собственный курс [1]. Такое видение Японии как уникальной страны со своей исторической идентичностью стало важнейшим элементом японского политического и экономического национализма.

Определив в Великобритании, каким должно быть будущее Японии, в Германии новые японские лидеры поняли, каким образом этого достичь быстрее. В объединяющейся Германии члены Миссии Ивакуры смогли встретиться с канцлером Отто фон Бисмарком, в котором они, можно сказать, нашли родственную душу. Бисмарк был активно вовлечен в процесс ускоренной индустриализации своей новой страны, и для японцев параллели были очевидны. В своем дневнике Окубо Тошимичи записал слова Бисмарка: «Сейчас все нации мира дружественны и вежливы друг с другом, но это только так кажется. В действительности, под этим скрывается борьба, где большие и сильные презирают и затмевают слабых и маленьких» [8]. Этим Бисмарк только укрепил понимание японцев международного геополитического соперничества — чтобы выжить, Япония должна была стать сильной в военном отношении страной, а для этого была нужна индустриализация.

Бисмарк также утверждал, что политика laissez-faire (невмешательства) — это логика сильнейшего. Правительства же менее развитых стран должны вначале защищать свои растущие отрасли. Бисмарк ссылался на теории экономиста Фридриха Листа, который развил свою, германскую альтернативу теории свободного рынка Адама Смита и других, кто продвигал либеральную экономику англо-американского типа. Японцы сразу уловили эту идею. Они поняли, что целью индустриальной революции являются не просто машины и технологии, а усиление военного могущества страны. Таким образом, индустриальная стратегия Японии стала частью военной стратегии по усилению страны для противостояния странам Запада [4].

В целях ускоренной индустриализации и получения новых знаний была разработана политика отправки на Запад разных категорий учащихся. Всего с 1868 по 1895 гг. в Европу и Америку в поисках новых знаний и технологий было отправлено около 2500 японских студентов и чиновников. Правительственные чиновники и представители бизнеса посетили свыше 20 международных промышленных и коммерческих выставок на Западе. Например, на большую выставку в Вене 1873 г. было направлено 70 японских делегатов, включая 24 технических специалиста от частных промышленных предприятий, в чьи задачи входил поиск и приобретение важных для страны промышленных технологий [5].

Особое внимание японцы сосредоточили на Германии, куда стремились направлять больше всего студентов и откуда приглашали больше всего учителей. Это было обусловлено не только высоким уровнем развития науки и технологий в Германии, но также и особенной организацией промышленности и экономики, нацеленной на поступательное развитие всего государства как единой системы, в отличие от англо-саксонской системы, где главным было развитие частного капитала.

В своей книге “The Formation of Science in Japan” Дж. Бартоломью отмечал, что четырьмя главными причинами увеличения немецкого влияния на японскую науку являлись: (1) привлекательность германской политической экономии для японских бюрократов; (2) относительно либеральный торговый режим, предложенный Германией для Японии; (3) сравнительная открытость академической системы

Германии и частота межуниверситетского обмена; а также (4) высокий статус немецких экспериментальных программ, ассоциирующихся с именами Рентгена, Планка, фон Байера, Дизеля, Коха и фон Беринга [3]. Японские студенты записывались на программы Коха по бактериологии, Артура Хантцша по стереохимии, Густава Тамманна по металлургии и Альберта Эйнштейна по теоретической физике [6]. Стремление японцев постичь новые технологии было настолько сильным, что они «хватались именно за последние достижения науки вместо изучения духа науки, который сделал такие достижения возможными», писал немецкий физик Эрвин Баэльц в Токийском императорском университете в 1901 г. [Там же].

Для скорейшего трансфера западных знаний и технологий в Японии уже в 1871 г. было образовано министерство образования, а в 1872 г. была введена система обязательного всеобщего образования. Вначале такое образование длилось всего 16 месяцев, однако уже в 1907 г. оно стало составлять шесть лет, что сделало японскую систему образования одной из самых передовых в мире. Образовательная система Японии вначале основывалась на французской модели, а после на американской, однако основополагающим духом системы японского образования была германская модель государствоцентризма, в сочетании со сложившимися веками в Японии конфуцианскими консервативными традициями. Это сочетание отразилось в специальном положении 1890 г. под названием “Imperial Rescript on Education”, которое заложило идеологическую основу новой образовательной системы, особо выделяя такие категории, как лояльность, долг перед государством, уважение к традициям и подчинение единому порядку, что демонстрировало влияние самураев на новую систему образования Японии [2]. Все самые известные и престижные сегодняшние университеты Японии тоже были заложены в то время: Токийский императорский университет, Киотский университет, Васеда, Кейо и Хитоцубаши.

Особую роль в освоении западных знаний сыграл Институт технологий (Кобу дайгаку), основанный в 1887 г., куда приглашались преподавать иностранцы. На базе института стали активно изучаться устройства различных импортированных из Америки и Европы машин, чтобы позднее самим воспроизвести такие. Впоследствии, даже когда японские компании заключали партнерские соглашения с западными фирмами в целях усвоения их технологий, после изучения инноваций они попросту расторгали соглашения [6]. Важную роль также играли и торговые компании Митсуи и Такада Шокай, которые не просто импортировали машины, но и обучали местных предпринимателей, как ими пользоваться, а в дальнейшем оказывали им техническую поддержку [Там же].

Первые результаты

Итак, главным национальным приоритетом Японии стала цель — догнать Запад во всех цивилизационных аспектах, то есть стать «первоклассной страной», причем как можно скорее. Для этого был официально принят лозунг «фукоку кехей», что значило «богатая страна, сильное государство». Правительство Мэйдзи хорошо понимало свою отсталость от Запада, и для модернизации страны определило три основные задачи: (1) индустриализацию — экономическую модернизацию, (2) введение новой конституции — политическую модернизацию, и (3) активную внешнюю политику, что также включало и военную модернизацию [6].

Хотя индустриализация и стала первой главной задачей японского экономического развития, она требовала много иностранной валюты для приобретения западных технологий. Первым источником иностранной валюты стал экспорт продукции трудоемких текстильных отраслей, включая шелковое и хлопковое производство, которые к 1919 г. составили более 40% от экспорта японского сырья [1]. Тем не менее главной целью Японии стало развитие промышленности, и скоро, при активной координации правительства, стали развиваться производство угля и стали, а также сразу же кораблестроение, машиностроение и химическая промышленность. Такие капиталоемкие отрасли требовали соответствующего управления, и японцы стали активно приглашать иностранных специалистов [Там же].

Между 1870 и 1885 гг. около 42% общих затрат министерства инженерии было израсходовано на приглашение иностранных экспертов, в 1877 г. эти затраты увеличились до 66%. Политика министерства промышленности была направлена на наем иностранных специалистов не в производственный сектор,

а в стратегическую инфраструктуру: в 1872 г. 80% от 800 иностранных работников были заняты в железнодорожной отрасли, на телеграфе и других смежных проектах [5].

Преследуя стратегию импортозамещения, правительство Мэйдзи стремилось помогать своим новым компаниям наравне конкурировать с устоявшимися зарубежными производителями. В 1881–1882 гг. правительство создало две прядильные фабрики в Аити и Хиросиме, которым начало предоставлять долгосрочные кредиты для импорта машин [1]. Частники все еще не были готовы самостоятельно развивать промышленность, поэтому помощь правительства была очень важной. Во-первых, таким образом закрывался спрос, а во-вторых, стимулировалось дальнейшее развитие промышленности. По замыслу правительства, частный бизнес должен был взять на себя государственные проекты как можно раньше, однако государство должно было помочь в планировании, а затем в финансировании новых промышленных предприятий. И это сработало хорошо. Государственная помощь таким предприятиям, как «Митсубиси», позволила им добиться устойчивого роста и вырасти к началу XX в. в мощных конгломератов, известных как «зайбацу». Государственная поддержка для «Митсубиси» осуществлялась в форме долгосрочных субсидий, а также передаче государственных морских судов во владение компании. Другие кораблестроительные компании были сгруппированы вокруг «Митсубиси» для формирования единого фронта противостояния зарубежным конкурентам [Там же]. Эта политика импортозамещения и взращивания крупных компаний при поддержке государства стала называться «юнью боатсу» и вдобавок к двум уже устоявшимся крупным зайбацу «Митсуи» и «Сумитомо» породила еще четыре: «Митсубиси», «Фурукава», «Асано» и «Ясуда» [6].

В 1882 г. Матсуката Масайоши писал: «Промышленность и сбережения – это два важнейших фактора в создании национального благосостояния. Сберегательный банк должен поощрять дух бережливости, а индустриальный банк должен стимулировать развитие индустрии, сельскохозяйственной и производственной». В 1886 г. сначала был создан Ипотечный банк, затем в 1887 г. — специальный банк по финансированию малого и среднего бизнеса, а в 1900 г. — Промышленный банк Японии, занимавшийся долгосрочным кредитованием крупных промышленных предприятий в судостроении, металлургии, машиностроении [1].

В результате практически все построенные в 1880-х гг. крупные промышленные предприятия были созданы либо самим правительством, либо при его активном содействии, путем предоставления частникам государственных субсидий и льготного кредитования, а также импорта иностранной техники и оборудования. В эти годы в собственности государства уже находились 3 судоверфи, 51 торговое судно, 5 военных заводов, 52 промышленных предприятия, 10 шахт, а также телеграфная система, связывавшая все основные города страны, и железные дороги протяженностью около 120 км [5].

Таблица

Десять крупнейших промышленных предприятий эпохи Мэйдзи и их формы собственности

Table. Ten Biggest Meiji Manufacturers and Belongings

Рейтинг	Компания	Количество работников	Собственность
1	Kure Naval Factory	12 378	Государств.
2	Yokosuka Naval Factory	6 761	Государств.
3	Tokyo Military Factory	6 452	Государств.
4	Mitsubishi Shipbuilding	5 058	Частная
5	Sasebo Naval Factory	3 612	Государств.
6	Osaka Military Factory	3 120	Государств.
7	Kawasaki Shipbuilding	3 060	Частная
8	Shimbashi Factory (вагоны)	1 721	Государств.
9	Japan Railroad Omiya Factory	1 700	Частная
10	Osaka Steel	1 623	Частная

Источник: Ohno K. The Economic Development of Japan. 2006.

Заключение

Таким образом, быстрое развитие и индустриализация Японии в конце XIX в., как описано выше, были осуществлены под сильным влиянием внешних факторов. Во-первых, сама ускоренная индустриализация Японии была продиктована внешними угрозами и необходимостью военно-промышленного усиления. Во-вторых, самим источником модернизации Японии Мэйдзи стал внешний мир, причем знания собирались отовсюду. И наконец, японцы с самого начала стали ориентироваться на внешний экспорт как основной источник валюты, на которую опять же приобретались западные технологии и оборудование, а также нанимались иностранные специалисты.

В эпоху Мэйдзи Япония вступила, имея сильно отсталую экономику, основу которой составляли сельское хозяйство и мелкое кустарное производство. Однако в результате мощной правительственной политики ускоренной индустриализации уже к 1895 году производство текстильной продукции увеличилось в восемь раз, машиностроение увеличилось в семь раз [7], а экспорт японских товаров в 1890–1913 гг. стал увеличиваться на 8,6% ежегодно по сравнению с ростом в Германии на 5,1% и общемировым ростом в 3,5% [6].

Литература / References

1. *Мамытов У.* Либерализм — Госкапитализм — Социализм [Mamytov U. Liberalism — State Capitalism — Socialism]. Бишкек, 2020.
2. *Andressen C.* A Short History of Japan: From Samurai to Sony. 2002.
3. *Bartholomew J.* The Formation of Science in Japan. Yale University Press, 1998.
4. *Hybel A.* The Power of Ideology: From the Roman Empire to Al-Qaeda. New York : Routledge, 2010.
5. *Inkster I.* Science and Technology in History: An Approach to Industrial Development. Rutger University Press, 1991.
6. *Ohno K.* The Economic Development of Japan: The Path Traveled by Japan as a Developing Country. GRIPS, 2006.
7. *Morris-Suzuki, T.* A History of Japanese Economic Thought. Routledge, 1989.
8. *Sagers J.* Origins of Japanese Wealth and Power: Reconciling Confucianism and Capitalism, 1830–1885. New York : Palgrave Macmillan, 2006.
9. *Terry E.* How Asia Got Rich: Japan, China, and the Asian Miracle. Sharpe, 2002.

Об авторе:

Мамытов Улукман Эсенбекович, преподаватель Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики (Бишкек, Кыргызская Республика);
ulukmanm@gmail.com; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2685-7884

About the author:

Ulukman E. Mamytov, Lecturer of Academy of Public Administration under the President of the Kyrgyz Republic (Bishkek, Kyrgyz Republic);
ulukmanm@gmail.com; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2685-7884

DOI 10.22394/2073-2929-2022-02-84-94

Международная защита прав трудящихся-мигрантов и миграционное законодательство

Кириленко В. П.*, Алексеев Г. В., Чаава М. З.
Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
* v.vvaas@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4445-1682

РЕФЕРАТ

В условиях углубляющейся международной интеграции на евразийском пространстве исследование правовой защиты трудящихся мигрантов имеет принципиальное значение как для обеспечения социально-экономической справедливости, так и для постепенной трансформации концепции государственного суверенитета в институциональную основу наднационального конституционализма, гарантирующего защиту фундаментальных прав и свобод человека.

Цель. Совершенствование правового регулирования трудовой миграции на международном, наднациональном и государственном уровнях посредством гармонизации миграционного законодательства в Евразийском регионе.

Задачи. Выявление коллизий и неточностей в правовом регулировании трудовой миграции, а также разработка рекомендаций по имплементации международных договоров об организованном найме рабочих между принимающими странами и странами происхождения мигрантов.

Методология. Сравнительно-правовой анализ международного, наднационального и государственного миграционного права в процессе исследования дополняется дискурсивным анализом научной литературы по проблемам трудовой миграции.

Результаты. Защита социально-экономических прав трудящихся-мигрантов является основной задачей принимающих государств, где мигранты могут стать как криминогенным фактором, так и конструктивным социальным элементом. Национальное регулирование трудовой миграции в интеграционных объединениях государств, таких как ЕАЭС, рационально организовать на принципах национального режима для трудящихся-мигрантов. Международные соглашения об организованном найме рабочих между принимающими странами и странами происхождения мигрантов должны обеспечивать адаптацию мигрантов к правовому режиму страны пребывания, участие мигрантов в функционировании институтов гражданского общества, мониторинг миграционных процессов.

Выводы. Трудовая миграция укрепляет интеграционные союзы, создавая прочные социальные связи и развивая институты гражданского общества в границах интеграционных объединений. Поскольку государственный суверенитет неразрывно связан защитой интересов сограждан, постольку в процессе регулирования трудовой миграции все государства — участники региональной интеграции призваны не только защитить права трудящихся-мигрантов, но и обеспечить все условия для исполнения мигрантами своих обязательств перед гражданским обществом.

Ключевые слова: миграция, интеграция, Европейский союз, Евразийский экономический союз, Международная организация по миграции, права человека, международный договор

Для цитирования: *Кириленко В. П., Алексеев Г. В., Чаава М. З.* Международная защита прав трудящихся-мигрантов и миграционное законодательство // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 2. С. 84–94.

International Protection of Migrant Workers Rights and Migration Legislation

Viktor P. Kirilenko*, **Georgy V. Alekseev**, **Mariam Z. Chaava**
North-West institute of management of RANEPA, Saint Petersburg, Russian Federation;
* v.vvaas@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4445-1682

ABSTRACT
In the context of deepening international integration in the Eurasian space, the study of the legal protection of migrant workers is fundamental issue for both ensuring socio-economic fairness and gradual transformation of the state sovereignty into the institutional basis of supranational constitutionalism, which guarantees the protection of fundamental human rights and freedoms.
Aim. Improving the legal regulation of labor migration at the international, supranational and state levels through the harmonization of migration legislation in the Eurasian region.
Tasks. Identification of conflicts and inaccuracies in the legal regulation of labor migration, as well as the development of recommendations for implementation of international agreements on the organized recruitment of workers between the receiving countries and countries of origin of migrants.
Methods. A comparative legal analysis of international, supranational and state migration law in the process of research is supplemented by a discursive analysis of scientific literature on labor migration issues.
Results. Protecting the socio-economic rights of migrant workers is the main task of host states, where migrants can become ether a criminogenic factor or a constructive social element. It is rational to organize national regulation of labor migration in integration associations of states, such as the EAEU, on the principles of national treatment for migrant workers. International agreements on the organized recruitment of workers between receiving countries and countries of origin of migrants should ensure the adaptation of migrants to the legal regime of the host country, the participation of migrants in the functioning of civil society institutions, and the monitoring of migration processes.
Conclusion. Labor migration strengthens integration unions, creating strong social ties and developing civil society institutions within the boundaries of integration associations. Since state sovereignty is inextricably linked with the protection of the interests of fellow citizens, insofar as in the process of regulating labor migration, all states participating in regional integration are called upon not only to protect the rights of migrant workers, but also to provide all conditions for migrants to fulfill their obligations to civil society.
Keywords: migration, integration, European Union, Eurasian Economic Union, International Organization for Migration, human rights, international treaty
For citing: Kirilenko V. P., Alekseev G. V., Chaava M. Z. International Protection of Migrant Workers Rights and Migration Legislation // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2022. Vol. 16. No. 2. P. 84–94.

Введение

Организация Объединенных Наций, формируя повестку дня в целях устойчивого развития, признает, что трудовыми мигрантами движут разные мотивы: «В то время как одни переезжают в поисках лучшей работы, образования, экономических благ или для воссоединения с семьей, другие вынуждены бежать от конфликтов, терроризма или нарушений прав человека»[1]. Однако все без исключения трудящиеся-мигранты заинтересованы в обеспечении стабильности и развития производства в постиндустриальном мире, где ключевыми особенностями глобальной экономической системы являются не только национальные экономические интересы, но и мобильность рабочей силы, перемещение людей через государственные границы в поисках достойного заработка [26, p. 9].

[1] Глобальные вопросы повестки дня. Миграция [Электронный ресурс] // Сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/global-issues/migration (дата обращения: 20.05.2022).

Трудовая миграция является важнейшей составляющей экономического развития государств и ресурсом региональной интеграции. Заместитель генерального директора Международной организации по миграции (IOM) Лаура Томпсон в своей статье «Защита прав мигрантов и государственный суверенитет» [26] отмечает, что защита прав мигрантов может являться действенным методом укрепления государственного суверенитета. Разрабатывая и развивая законы, защищающие права мигрантов, государство укрепляет свою экономику и стремится разрешить проблемы коррупции, организованной преступности, которые часто связаны с нарушением прав наиболее уязвимых слоев населения.

В условиях экономической нестабильности и вооруженных конфликтов на практике международная трудовая миграция может быть добровольной и вынужденной. Мотивы трудовых мигрантов определяются как индивидуальными потребностями человека в поиске новых условий труда и отдыха [9, с. 141], так и объективными экономическими факторами, обусловливающими территориальную мобильность рабочей силы. Правовое регулирование добровольной и вынужденной миграции существенно различается на международном, наднациональном и национальном уровнях. Причины миграции могут быть обусловлены сезонным и климатическим факторами. Так, например, программа временной трудовой миграции в Канаде ориентирована на перемещение рабочих с глобального юга для активизации рынка труда на глобальном севере. Интеграционные процессы и имплементация наднационального трудового права в условиях неолиберальной глобализации сталкиваются с такими вызовами, как социальный туризм и радикализация мигрантов [1; 5; 8; 10; 12; 26].

Миграция характеризуется, как правило, экономическими детерминантами, такими как уровень доходов, и социальными условиями, а также успехами соотечественников в странах назначения [6]. Однако трудовая миграция обусловлена не только экономическими или социальными детерминантами; влияние политической обстановки в странах назначения имеет существенное значение для интенсивности миграционных потоков. Исследования канадского ученого Адриана Смита показывают важность политической среды, защиты прав человека и противодействия ультраправой идеологии для трудовой миграции [24]. С учетом множества экономических, социальных, политических и международных переменных ключевую роль в наблюдаемых моделях международной миграции играет качество политической среды в месте назначения в момент принятия трудовыми мигрантами решения о смене места работы [21].

Защита прав трудящихся-мигрантов на универсальном уровне

Международный режим трудовой миграции определяется актами Организации Объединенных Наций (ООН), Международной организации по миграции (IOM), Международной организации труда (МОТ). Наиболее значимыми международными актами в сфере трудовой миграции являются: Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г.; Конвенция МОТ № 97 «О трудящихся-мигрантах»; Конвенция о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении работникам-мигрантам равенства возможностей и обращений 1975 г.; Рекомендации о политике в области занятости 1964 и 1984 гг.

Под термином «трудящийся-мигрант» понимается всякий работник — гражданин иностранного государства или апатрид. МОТ создала контрольный механизм регулирования деятельности государств в области имплементации международного трудового права. По запросу МОТ государства, ратифицировавшие конвенции, представляют доклады о мерах, направленных на реализацию конвенций в сфере труда. МОТ, в свою очередь, в лице комитета экспертов формирует замечания, заключения и выводы для конкретного государства.

Британский ученый Мартин Рухс поддерживает идею создания современного универсального договора по миграции. Он обосновывает согласование «основных прав» мигрантов, а также нормативного подхода к управлению международными трудовыми отношениями тем, что создание перечня основных прав трудящихся-мигрантов будет существенно способствовать устранению противоречий в политике развитых государств при приеме трудящихся-мигрантов, а также позволит национальным институтам власти проводить в отношении мигрантов последовательную политику [23].

Центральное место на универсальном уровне в современном правовом регулировании трудовой миграции занимает Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, принятая резолюцией ООН 18 декабря 1990 г. и ратифицированная в основном государствами Океании, Африки и Латинской Америки. Признание прав в области социального обеспечения труда, медицинского обслуживания, социальных прав членов семей трудовых мигрантов требует модернизации и более широкой ратификации Конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов.

Широкий перечень прав трудящихся-мигрантов является положительным фактором развития механизма международного регулирования трудовой миграции. Несмотря на то, что страны, ратифицировавшие Конвенцию о защите прав всех трудящихся-мигрантов, преимущественно являются странами происхождения мигрантов, для принимающих мигрантов государств кооптация мигрантов в институты гражданского общества также является принципиальной задачей.

Правовое регулирование миграции в интеграционных союзах

Современное право Европейского союза (ЕС) содержит развитую систему миграционного законодательства, которое регулирует как добровольную, так и вынужденную миграцию. Миграционное право ЕС нацелено на контроль въезда, проживания и возвращения мигрантов. Директивы и регламенты ЕС ориентированы на привлечение высококвалифицированной рабочей силы [25]. При активизации миграции в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) преобладают аналогичные тенденции: с одной стороны, трудящиеся заинтересованы получать справедливое вознаграждение за свой труд, а, с другой стороны, принимающие мигрантов государства стремятся компенсировать нехватку дешевой и компетентной рабочей силы [7]. В ЕС организовано сотрудничество с третьими странами в области миграции и предоставления убежища и, в частности, создана Общеевропейская система предоставления убежища (CEAS)[1]. Акты первичного и вторичного права ЕС так же, как и документы ЕАЭС, во многом направлены на реализацию свободы движения лиц, борьбу с экономической дискриминацией трудящихся.

Человеческое достоинство в судебной практике Суда Европейского союза как моральный принцип с правовой нормой лежит в основе защиты прав граждан третьих стран в миграционном праве ЕС [19]. Несмотря на то, что миграционный контроль часто считается подпадающим под внутреннюю юрисдикцию государств — членов ЕС, перемещение трудящихся через государственные границы является постоянным процессом и общественным отношением в поле действия норм международного публичного права. История развития доктрины международного права показывает, что миграция была изначально в поле международного права благодаря дискурсу о диалектике между суверенитетом и гостеприимством [20]. Миграция сирийских беженцев продемонстрировала экстерриториальный характер европейской миграционной политики. Решения Суда Европейского союза показывают, что сирийские беженцы в Европе становятся, с одной стороны, субъектами интеграционного права, а с другой стороны, остаются иностранцами [25].

Миграционное право, как отрасль международного и интеграционного права, неразрывно связано с вопросами защиты прав человека, регулированием торговли, налогообложения, инвестиций, здравоохранения и общественной безопасности [27]. Принципиальная роль защиты прав человека в предметной области трудового законодательства, регулирующего правовое положение иностранцев, определяется необходимостью обеспечить, с одной стороны, недискриминацию и защиту прав трудовых мигрантов, а с другой стороны, сохранить все правовые гарантии для трудящихся граждан страны, мигрантов принимающей.

Договор о Евразийском экономическом союзе 2014 г. признает необходимость согласования «политики в сфере регулирования трудовой миграции в рамках Союза» (ст. 96), а также гарантирует трудящимся «право на занятие профессиональной деятельностью в соответствии со специальностью и квалификацией, указанных в документах об образовании …» (ст. 98). Обращает на себя внимание тот факт, что документы ЕАЭС не закрепляют национальный режим для граждан государств-членов,

[1] Comparative study of the laws in the 27 EU member states for legal immigration.

так как это признано актами первичного права ЕС[1]. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о трудовой деятельности и социальной защите граждан Российской Федерации, работающих на территории Республики Беларусь, и граждан Республики Беларусь, работающих на территории Российской Федерации, в свою очередь, устанавливает для трудящихся-мигрантов национальный режим в рамках общего правового пространства (ст. 6–9). На территории ЕАЭС продолжает действовать принятое в рамках СНГ Соглашение «О сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов» 1994 года[2]. Модели управления трудовой миграцией в рамках ЕАЭС, которые имплементируются по инициативе России, Казахстана и Беларуси, демонстрируют, что различия в экономике стран-членов способствуют становлению комплексного режима трудовой миграции, где права и обязанности мигрантов определяются на основе двусторонних межправительственных соглашений [17, с. 14].

Правовое регулирование трудовой миграции в России

Указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2017 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» определяет основные направления защиты прав трудящихся-мигрантов. Двойственный характер миграционной политики обычно проявляется в провозглашении на национальном и наднациональном уровнях разной миграционной политики. На национальном уровне привлечение квалифицированных работников сопровождается протекционизмом, тогда как на наднациональном уровне миграция рассматривается как процесс, способствующий экономической интеграции и гармонизации трудового права государств — членов интеграционного объединения [3, с. 120].

На универсальном, региональном и национальном уровнях стоит задача предотвращения и пресечения незаконной миграции [15, с. 12]. Миграционное законодательство России приведено в соответствие с универсальными и региональными международными соглашениями. На универсальном уровне Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г. и Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции 2019 г. направлены на то, чтобы возможности, связанные с международной миграцией, способствовали международной интеграции. Конвенция о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей государств — участников Содружества Независимых Государств 2008 г. и Договор об Евразийском экономическом союзе 2014 г. (Раздел XXVI. Трудовая миграция) ориентированы на защиту прав трудящихся-мигрантов.

Дискриминация трудящихся способна стать критической угрозой национальной безопасности России. Если исходить из того, что миграционная безопасность обеспечивается совокупностью норм международного и наднационального права, а также положениями национального законодательства, то очевидно, что интересы национальной миграционной безопасности Российской Федерации, в том числе поддержание устойчивого правопорядка [13, с. 165] требуют совершенствования работы правоохранительных органов в направлении защиты интересов не только трудящихся-мигрантов, но и профсоюзов и институтов гражданского общества, ориентированных на сохранение традиционного жизненного уклада.

Трудовая миграция несет в себе очевидные криминогенные риски [10; 13; 14]. Можно согласиться с утверждением К. В. Корсакова о том, что «криминогенные факторы в сфере трудовой миграции во многом связаны с заметно низкой степенью общественной адаптации…» [10, с. 455]. Трудовая миграция становится все более амбивалентным процессом, который позволяет мигрантам и бизнес-элите решить свои проблемы, однако создает проблемы для институтов гражданского общества развитых государств.

---

[1] Article 3 of the Treaty on European Union (TEU), and Articles 9, 10, 19, 45–48, 145–161 of the Treaty on the Functioning of the European Union (TFEU).

[2] Регулирование миграционных процессов в СНГ, ЕАЭС и Российской Федерации [Электронный ресурс]. Санкт-Петербург. 2021. URL: http://migrussia.ru/images/Migratsionnye_protsessy_v_EAES_i_SNG.pdf (дата обращения: 20.05.2022).

Международная организация по миграции (IOM) констатирует, что «в то время как одни [мигранты] переезжают в поисках лучшей работы, образования, экономических благ или для воссоединения с семьей, другие вынуждены бежать от конфликтов, терроризма или нарушений прав человека»[1]. Есть все основания полагать, что занятость мигрантов негативно сказывается на реализации трудовых прав местного населения, так как вынужденные мигранты готовы работать на любых условиях и не способны эффективно бороться за свои трудовые права. Российские ученые Л. В. Андриченко и Л. Н. Васильева обоснованно полагают, что широкий объем прав, предоставляемых «трудящимся-мигрантам с непостоянным статусом, налагает на государство, принимающее мигранта, существенные финансовые обязательства …» [4, с. 59]. Трудовая миграция, несомненно, способна существенно ограничивать конституционное право граждан на труд, снижая цену рабочей силы, именно поэтому защита интересов граждан России в процессе регулирования трудовой миграции должна оставаться основополагающим принципом.

Пути гармонизации миграционного законодательства в праве ЕАЭС

В то время как бесконтрольная миграция способна приводить к гуманитарному кризису, с экономической точки зрения миграционные процессы положительно влияют на устойчивое развитие как принимающего государства, так и страны происхождения мигрантов. Трудовая миграция, становясь фактором улучшения благосостояния, прогрессивно влияет на экономику, так как трудящиеся-мигранты восполняют потребности рынка труда в квалифицированных специалистах и дешевой рабочей силе в принимающих странах, а также способствуют снижению бедности в странах происхождения мигрантов.

Решение проблемы дефицита высококвалифицированных трудящихся в ЕАЭС [22] неразрывно связано с академическим и культурным обменом [7; 11]. В отдельных отраслях народного хозяйства трудовая миграция необходима для обеспечения высокого качества продукции. Так, например, трудовая миграция позволяет повысить качество кинопроизводства за счет доступа съемочной группы к лучшим локациям [2].

Регулирование миграции со стороны государства, с одной стороны, призвано международным сообществом защищать права трудящихся-мигрантов, а с другой стороны, направлено на снятие социального напряжения, связанного с социальными гарантиями для собственных граждан [12, с. 113]. Закрепление основных прав мигрантов на уровне документов IOM способствует справедливости и равноправию, однако защита прав трудящихся на региональном и национальном уровне предполагает баланс интересов работодателей, корпораций и трудящихся. На региональном уровне интеграции в ЕАЭС политика гармонизации миграционного законодательства выражается в преференциальном режиме для граждан государств — членов интеграционного союза [18, p. 77].

В рамках интеграционных процессов трудовая миграция становится результатом децентрализованного сотрудничества корпораций. Так, например, опираясь на международные связи, экономические программы городов-побратимов могут привлекать высококвалифицированных специалистов для содействия экономическим связям и взаимопониманию между компаниями индустриальных центров, формирования социальной сплоченности и интеграции мигрантов в структуры гражданского общества [23]. В Западной Европе государственно-частное партнерство используется для формирования социальной защищенности через государственные программы взаимодействия с бизнесом.

В тех странах ЕАЭС, которые стали источником происхождения трудовых мигрантов, существует неформальная занятость и неопределенность в вопросе признания квалификаций, что снижает потенциал легальной миграции и негативно сказывается на устойчивом развитии региона [1; 13]. Правовая интеграция в ЕАЭС имеет своей целью обеспечение справедливого статуса трудящихся-мигрантов в обществе принимающей страны. Представляется, что справедливая государственная политика может обеспечить защиту мигрантов от эксплуатации, обеспечить посредством формализации трудовых отношений

[1] Мир, достоинство и равенство на здоровой планете [Электронный ресурс] // Сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/global-issues/migration (дата обращения: 20.05.2022).

и предоставления работникам фундаментальных социальных гарантий одинаковую для предпринимателей стоимость найма мигрантов и граждан.

Регулирование миграции на национальном уровне осуществляется в зависимости от социальных, культурных, политических и экономических условий. В процессе совершенствования национального трудового права страны англо-саксонской системы права, как правило, применяют рыночные методы регулирования, в то время как государства континентальной системы права обычно используют административные методы. Так, например, «в Канаде, Австралии и Новой Зеландии используется система "управления предложением" (supply-driven) на рынке труда. Благодаря данной системе государства отбирают именно тех иностранных рабочих, которые в данный момент необходимы на рынке труда» [11]. Во Франции Закон № 2006-911 «Об иммиграции и интеграции» от 25 июня 2006 г.[1] отменил ряд положений Закона Шевенмана 1998 г., направленных на автоматическое предоставление французского гражданства трудовым мигрантам, однако сохранил некоторые административные подходы к решению проблем трудовой миграции. Так, в частности, соглашения об оказании помощи со стороны Франции в подготовке специалистов могут предусматривать условие, в соответствии с которым специалисты после определенного срока получения трудового опыта во Франции обязаны вернуться в страну происхождения, а значит, приобретенные мигрантами навыки будут способствовать экономическому развитию государства происхождения.

Гармонизация законодательства о трудовой миграции в ЕАЭС предполагает имплементацию принципа защиты прав трудовых мигрантов в национальное законодательство. Профессор А. Е. Шапаров справедливо полагает: «Основной импульс институциональным изменениям во взаимодействиях индивидов и государств в послевоенную эпоху был дан Нюрнбергским процессом и продолжен с принятием Всеобщей декларации прав человека и иных нормативных актов гуманитарного характера» [16].

Все административные процедуры в сфере трудовой миграции, применяемые государствами — членами ЕАЭС, такие как лицензирование деятельности коммерческих организаций, осуществляющих деятельность по привлечению в экономику иностранной рабочей силы, управление операторами централизованного найма иностранной рабочей силы, создание единой системы мониторинга и контроля от определения потребности работодателей до трудоустройства, призваны обеспечить не только безопасность государства, принимающего мигрантов, но и должны быть нацелены на защиту трудовых прав мигрантов, обеспечивать устойчивое развитие рынка труда в ЕАЭС.

Для повышения качества механизма правового регулирования трудовой миграции рекомендуется имплементация двухсторонних и многосторонних соглашений об организованном найме квалифицированных специалистов между принимающими странами и странами происхождения мигрантов, которые будут обеспечивать в том числе:

- единые квалификационные стандарты для специалистов;
- механизм коммуникации между работодателями и трудящимися-мигрантами;
- организацию логистики и трансферта в сфере трудовой миграции;
- систему оценки потребности в трудящихся-мигрантах для конкретных отраслей народного хозяйства;
- систему медицинского страхования мигрантов;
- систему профсоюзной кооперации;
- обязательную программу адаптации мигрантов в странах приема через изучение языка, культурные и образовательные проекты.

Трудовая миграция сопряжена с нагрузкой на систему здравоохранения в принимающих государствах. Международная организация по миграции (IOM) поддерживает в ЕАЭС различные мероприятия, связанные со здоровьем и благополучием мигрантов и сообществ, включая целевые программы[2].

[1] LOI № 2006-911 du 24 juillet 2006 relative à l'immigration et à l'intégration [Электронный ресурс] // Journal officiel de la République française (JORF). URL: https://www.legifrance.gouv.fr/eli/loi/2006/7/24/2006-911/jo/texte (дата обращения: 20.05.2022).

[2] Миграция и здоровье [Электронный ресурс] // Международная организация по миграции (МОМ). URL: https://russia.iom.int/ru/migraciya-i-zdorove (дата обращения: 20.05.2022).

Существенное значение имеет мониторинг состояния здоровья в связи с эпидемиологическими угрозами в современном мире. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) обращает внимание, что инклюзивные подходы к праву на охрану здоровья и удовлетворению медицинских потребностей мигрантов могут «улучшить состояние их здоровья, избежать стигматизации и долгосрочных медицинских и социальных издержек, защитить глобальное общественное здравоохранение, облегчить интеграцию и способствуют социальному и экономическому развитию» [23].

Заключение

Вызовы глобализации во многом обусловлены неравномерным распределением потребностей в рабочей силе и несправедливым распределением вознаграждения за труд. Регулирование трудовой миграции в ЕАЭС осуществляется на основе международного права, однако для совершенствования защиты прав трудящихся-мигрантов следует задействовать широкие возможности государственно-частного партнерства. Рациональным представляется привлечение к регулированию процесса миграции работодателей и международных неправительственных организаций по защите прав трудящихся-мигрантов. Неправительственные организации работодателей и работников, прежде всего профессиональные союзы и ассоциации предпринимателей, обладают способностью обеспечить эффективное функционирование механизма регулирования трудовой миграции и соблюдение международного права.

Литература

1. *Абашидзе А. Х., Солнцев А. М., Киселева Е. В.* [и др.] Достижение Целей устойчивого развития (2016–2030): международно-правовое измерение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2016. № 1. С. 65–78.
2. *Алексеев Г. В., Колобова Е. Ю.* Экономические и правовые аспекты сотрудничества и конкуренции в мировой киноиндустрии // Управленческое консультирование. 2014. № 12 (72). С. 67-78. DOI: 10.21638/spbu14.2019.103
3. *Алешковский И. А.* ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика // Управление процессами международной миграции в условиях глобализации. 2015. № 1. С. 119–13.
4. *Андриченко Л. В., Васильева Л. Н.* Привлечение и использование иностранной рабочей силы: международные стандарты и законодательство Российской Федерации // Международно-правовые стандарты в конституционном праве: сборник научных трудов / отв. ред. И. А. Конюхова. М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2007. С. 54–77.
5. *Ахиезер А. С.* Территориальная миграция — реализация потребности в полноте бытия // Общественные науки и современность. 2007. № 3. С. 141–149.
6. *Западнюк Е. А.* Трудовая миграция населения и ее влияние на формирование современного рынка. Брянск, 2007.
7. *Исраилова Э. А., Рубинская Э. Д.* Привлечение иностранных высококвалифицированных специалистов в Россию: миграционная политика и направления ее совершенствования // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2021. № 4 (76). С. 156–161.
8. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В.* Экстремисты: преступники и жертвы радикального насилия // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4. С. 612–628.
9. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В., Пацек М.* Естественное право и кризис либерального правопорядка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. № 1. С. 38–54.
10. *Корсаков К. В.* Эффективные формы и средства предупреждения криминальной активности трудящихся-мигрантов в России // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 3. С. 455–464. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(3).455-464
11. *Рубинская Э. Д.* Регулирование международной миграции рабочей силы: многоуровневый подход // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2014. № 4. С. 85–93.

12. *Скачкова Г. С.* Труд иностранцев в России: проблемы и перспективы правового регулирования (обзор научно-практической конференции) // Государство и право. 2013. № 5. С. 113.
13. *Степанов А. В.* Миграционная безопасность в Российской Федерации (административно-правовой аспект) // Государство и право. 2020. № 12. С. 165–171. DOI: 10.31857/S013207690009982-2
14. *Тараненко В. В., Харитонов С. С., Решняк М. Г.* [и др.] Современные проблемы установления и реализации уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконной миграцией // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 3. С. 341–351.
15. *Хабриева Т. Я., Андриченко Л. В., Плюгина И. В*. Динамика развития миграционного законодательства в современной России // Журнал российского права. 2010. № 10 (166). С. 12–24.
16. *Шапаров А. Е.* Акторы и механизмы формирования государственной иммиграционной политики развитых стран : автореф. дис. докт. полит. наук. М., 2010.
17. *Ястребова А. Ю.* Современные тенденции регулирования трудовой миграции: опыт и приоритеты межгосударственных интеграционных объединений (ЕС, СНГ, ЕврАзЭС) // Евразийский юридический журнал. 2014. № 3 (70). С. 14–18.
18. *Aleshkovski I. A.* International migration management in the era of globalization. Globalistics and globalization studies. Lomonosov Moscow State University 2015. P. 76–86.
19. Bačić Selanec N. & Petrić D. Migrating with Dignity: Conceptualising Human Dignity Through EU Migration Law. European Constitutional Law Review. 2021. No. 17 (3). P. 498–516. DOI:10.1017/S1574019621000262
20. *Chetail V.* Sovereignty and Migration in the Doctrine of the Law of Nations: An Intellectual History of Hospitality from Vitoria to Vattel // European Journal of International Law. 2016. Vol. 27. Iss. 4. P. 901–922. https://doi.org/10.1093/ejil/chw059
21. *Fitzgerald J., Leblang D., Teets J.* Defying the Law of Gravity: The Political Economy of International Migration // World Politics. 2014. No. 66 (3). P. 406–445. doi:10.1017/S0043887114000112
22. *Rubinskaya E.* The role of foreign students in solving the problem of highly qualified professionals deficit // The EUrASEANs: Journal on Global Socio-Economic Dynamics. 2021. No. 4 (29). P. 105–111.
23. *Ruhs M.* Protecting Migrant Workers: The Case for a Core Rights Approach. In McAuliffe M. and M. Klein Solomon (Conveners) Ideas to Inform International Cooperation on Safe, Orderly and Regular Migration, IOM : Geneva. 2017.
24. *Smith A.* Temporary Labour Migration and the “Ceremony of Innocence” of Postwar Labour Law: Confronting “the South of the North” // Canadian Journal of Law and Society / Revue Canadienne Droit Et Société. 2018. No. 33 (2). P. 261–277. doi:10.1017/cls.2018.18
25. *Spijkerboer T.* Bifurcation of people, bifurcation of law: externalization of migration policy before the EU Court of Justice // Journal of Refugee Studies. 2018. Vol. 31. Iss. 2. P. 216–239. https://doi.org/10.1093/jrs/fex038
26. *Thompson L.* Protection of migrants’ rights and state sovereignty // UN Chronicle. 2013. Vol. 50. Iss. 3. P. 8–11. DOI: https://doi.org/10.18356/57e51f0e-en
27. *Trachtman J.* Is Migration a Coherent Field of International Law? // The Example of Labor Migration. AJIL Unbound. 2017.No. 111. P. 481–486. doi:10.1017/aju.2018.1

Об авторах:

Кириленко Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;
v.vvaas@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4445-1682

Алексеев Георгий Валерьевич, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент;
Deltafox1@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3720-0105

Чаава Мариам Звиадиевна, магистрант Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
chaavamariam@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5519-9772

References

1. Abashidze A. Kh., Solntsev A. M., Kiseleva E. V. [et al.] Achieving the Sustainable Development Goals (2016–2030): international legal dimension // Bulletin of RUDN University. Series: Legal Sciences [Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki]. 2016. No. 1. P. 65–78. (In Rus.)
2. Alekseev G. V., Kolobova E. Yu. Economic and legal aspects of cooperation and competition in the global film industry // Management consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2014. No. 12 (72). P. 67–78. DOI: 10.21638/spbu14.2019.103 (In Rus.)
3. Aleshkovsky I. A. STAGE: economic theory, analysis, practice // Management of international migration processes in the context of globalization [Upravlenie protsessami mezhdunarodnoi migratsii v usloviyakh globalizatsii]. 2015. No. 1. P. 119–13. (In Rus.)
4. Andrichenko L. V., Vasilyeva L. N. Attracting and using foreign labor: international standards and legislation of the Russian Federation // International legal standards in constitutional law: a collection of scientific papers / ed. by Konyukhova I. A. Moscow : Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), 2007. P. 54–77. (In Rus.)
5. Akhiezer A. S. Territorial migration — the realization of the need for the fullness of being // Social sciences and modernity [Obshchestvennye nauki i sovremennost']. 2007. No. 3. P. 141–149. (In Rus.)
6. Zapadnyuk E. A. Labor migration of the population and its influence on the formation of the modern market. Bryansk, 2007. (In Rus.)
7. Israilova E. A., Rubinskaya E. D. Attracting foreign highly qualified specialists to Russia: migration policy and directions for its improvement // Bulletin of the Rostov State University of Economics (RINH) [Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINKh)]. 2021. No. 4 (76). P. 156–161. (In Rus.)
8. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Extremists: criminals and victims of radical violence // Russian journal of criminology [Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal]. 2019. V. 13. No. 4. P. 612–628. (In Rus.)
9. Kirilenko V. P., Alekseev G. V., Patsek M. Natural Law and the Crisis of the Liberal Law and Order // Bulletin of St. Petersburg University. Right [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo]. 2019. V. 10. No. 1. P. 38–54. (In Rus.)
10. Korsakov K. V. Effective forms and means of preventing criminal activity of migrant workers in Russia // Russian journal of criminology [Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal]. 2019. V. 13. No. 3. P. 455–464. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(3).455-464 (In Rus.)
11. Rubinskaya E. D. Regulation of international labor migration: a multi-level approach // State and municipal management [Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie]. Scientific notes of SKAGS. 2014. No. 4. P. 85–93. (In Rus.)
12. Skachkova G. S. Labor of foreigners in Russia: problems and prospects of legal regulation (review of the scientific and practical conference) // State and Law [Gosudarstvo i pravo]. 2013. No. 5. P. 113. (In Rus.)
13. Stepanov A. V. Migration security in the Russian Federation (administrative and legal aspect) // State and law [Gosudarstvo i pravo]. 2020. No. 12. P. 165–171. DOI: 10.31857/S013207690009982-2 (In Rus.)
14. Taranenko V. V., Kharitonov S. S., Reshnyak M. G. [et al.] Modern problems of establishing and implementing criminal liability for crimes related to illegal migration // Russian journal of criminology [Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal]. 2021. V. 15. No. 3. P. 341–351. (In Rus.)
15. Khabrieva T. Ya., Andrichenko L. V., Plugina I. V. Dynamics of the development of migration legislation in modern Russia // Journal of Russian law [Zhurnal rossiiskogo prava]. 2010. No. 10 (166). P. 12–24. (In Rus.)
16. Shaparov A. E. Actors and mechanisms for the formation of the state immigration policy of developed countries: author. dis. doc. of polit. sciences. Moscow, 2010. (In Rus.)

17. Yastrebova A. Yu. Current trends in labor migration regulation: experience and priorities of interstate integration associations (EU, CIS, EAEU) // Eurasian legal journal [Evraziiskii yuridicheskii zhurnal]. 2014. No. 3 (70). P. 14–18. (In Rus.)
18. Aleshkovski I. A. International migration management in the era of globalization. Globalistics and globalization studies. Lomonosov Moscow State University. 2015. P. 76–86.
19. Bačić Selanec N. & Petrić D. Migrating with Dignity: Conceptualising Human Dignity Through EU Migration Law. European Constitutional Law Review. 2021. No. 17 (3). P. 498–516. DOI:10.1017/S1574019621000262
20. Chetail V. Sovereignty and Migration in the Doctrine of the Law of Nations: An Intellectual History of Hospitality from Vitoria to Vattel // European Journal of International Law. 2016. Vol. 27. Iss. 4. P. 901–922. https://doi.org/10.1093/ejil/chw059
21. Fitzgerald J., Leblang D., Teets J. Defying the Law of Gravity: The Political Economy of International Migration // World Politics. 2014. No. 66 (3). P. 406–445. doi:10.1017/S0043887114000112
22. Rubinskaya E. The role of foreign students in solving the problem of highly qualified professionals deficit // The EUrASEANs: Journal on Global Socio-Economic Dynamics. 2021. No. 4 (29). P. 105–111.
23. Ruhs M. Protecting Migrant Workers: The Case for a Core Rights Approach. In McAuliffe M. and M. Klein Solomon (Conveners) Ideas to Inform International Cooperation on Safe, Orderly and Regular Migration, IOM : Geneva. 2017.
24. Smith A. Temporary Labour Migration and the "Ceremony of Innocence" of Postwar Labour Law: Confronting "the South of the North" // Canadian Journal of Law and Society / Revue Canadienne Droit Et Société. 2018. No. 33 (2). P. 261–277. doi:10.1017/cls.2018.18
25. Spijkerboer T. Bifurcation of people, bifurcation of law: externalization of migration policy before the EU Court of Justice // Journal of Refugee Studies. 2018. Vol. 31. Iss. 2. P. 216–239. https://doi.org/10.1093/jrs/fex038
26. Thompson L. Protection of migrants' rights and state sovereignty // UN Chronicle. 2013. Vol. 50. Iss. 3. P. 8–11. DOI: https://doi.org/10.18356/57e51f0e-en
27. Trachtman J. Is Migration a Coherent Field of International Law? // The Example of Labor Migration. AJIL Unbound. 2017. No. 111. P. 481–486. doi:10.1017/aju.2018.1

About the authors:

Viktor P. Kirilenko, Head of the Chair of International and Humanitarian Law of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of Russian Federation;
v.vvaas@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4445-1682

Georgy V. Alekseev, Associate Professor of the Chair of Law of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence, Associate Professor;
Deltafox1@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3720-0105

Mariam Z. Chaava, Master Program Student of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation);
chaavamariam@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5519-9772

DOI 10.22394/2073-2929-2022-02-95-106

Особенности политического транзита на постсоветском пространстве (на примере ПМР и ДНР)[1]

Сальников В. И.[1, *], **Котов Е. В.**[2]

[1] Воронежский государственный университет, Воронеж, Российская Федерация;

* vyachs@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1748-6476

[2] Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики, Донецк, Донецкая Народная Республика

РЕФЕРАТ

Распад СССР привел не только к образованию 15 независимых государств на месте бывших союзных республик, но и к усилению сецессионизма и появлению государств де-факто на постсоветском пространстве, что усиливало там процессы турбулентности. Возникновение, становление и транзит государств этого типа имеют много как общих, так и специфических черт, связанных с особенностями их рождения.

Цель. Сравнительный анализ образования и транзита Приднестровской Молдавской Республики (ПМР) и Донецкой Народной Республики (ДНР) как государств де-факто Русского мира и компаративный анализ становления индустриальных моделей экономики непризнанных государств и систем управления ими.

Задачи. Разработка моделей систем управления развитием экономики самопровозглашенных республик.

Составление и обоснование среднесрочных прогнозов развития ПМР и ДНР: 1) интеграция в новое союзное государство; 2) возвращение в состав своих «материнских государств» (Молдовы и Украины); 3) вхождение в состав России, 4) частичное международное признание; 5) продолжение существования в виде «серой зоны» экономики и политики. Возможны и другие варианты, самым трагичным из которых является прекращение поддержки со стороны России, что означает прекращение существования этих де-факто государств.

Методология. Использованы методы системного анализа, кратко- и среднесрочного прогнозирования, сравнительного анализа.

Выводы. В основе любой политической системы лежит экономика. Именно качество построенной экономической модели определяет уровень и продолжительность политической самостоятельности государства. Особенно ярко эта связь проявляется при строительстве государственности территориальных новообразований, в которых создание экономической системы строится по лекалам и принципам экономической системы государства-патрона. Вследствие этого в экономической модели непризнанного государства проявляются ее «проблемные зоны», порожденные неэффективной системой государственного регулирования экономики. Поскольку на фоне «проблемных зон» проявляются недостатки одноименной системы государства-патрона, с образа которой была «списана» экономическая модель и механизмы управления, необходим всесторонний учет особенностей сецессионизма в конкретно-исторических условиях возникновения непризнанных государств.

Ключевые слова: постсоветское пространство, сецессионизм, политический транзит, государство де-факто, экономика непризнанных государств, модели развития

Для цитирования: *Сальников В. И., Котов Е. В.* Особенности политического транзита на постсоветском пространстве (на примере ПМР и ДНР) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 2. С. 95–106.

[1] Данная статья поступила в редакцию журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» 15.11.2021, поэтому в ней не рассматривалась начатая 24 февраля 2022 г. специальная военная операция России по демилитаризации и денацификации Украины, вносящая радикальные изменения в историческую судьбу жителей ДНР, ЛНР и, косвенно, ПМР. — *Прим. ред.*

Features of Political Transit in the Post-Soviet Space (on the Example of the Pridnestrovian Moldavian Republic and the Donetsk People's Republic)

Vyacheslav I. Salnikov[a, *], **Evgeny V. Kotov**[b]

[a] Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation;

* vyachs@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1748-6476

[b] Donetsk Academy of Management and Public Service under the Head of Donetsk People's Republic, Donetsk, Donetsk People's Republic

ABSTRACT

The collapse of the USSR led not only to the formation of 15 independent states in the place of the former Soviet republics, but also to the strengthening of secessionism and the emergence of de facto states in the post-Soviet space, which intensified the processes of turbulence there. The emergence, formation and transit of states of this type have many, both common and specific features associated with the peculiarities of their birth.

Aim. A comparative analysis of the formation and transit of the Pridnestrovian Moldavian Republic (PMR) and the Donetsk People's Republic (DPR) as de facto states of the Russian world and a comparative analysis of the formation of industrial models of the economy of the unrecognized states and their management systems.

Tasks. Development of models of management systems for the development of the economy of the self-proclaimed republics.

Drawing up and substantiation of medium-term forecasts for the development of the PMR and the DPR: 1) integration into a new union state; 2) return to their "mother states" (Moldova and Ukraine); 3) joining Russia, 4) partial international recognition; 5) continuation of existence in the form of a "gray zone" of the economy and politics. Other options are possible, the most tragic of which is the end of support from Russia, which means the end of the existence of these de facto states.

Methods. Methods of system analysis, short- and medium-term forecasting, comparative analysis were used.

Conclusions. At the heart of any political system is the economy. It is the quality of the constructed economic model that determines the level and duration of the political independence of the state. This connection is especially evident in the construction of the statehood of territorial neoplasms, in which the creation of an economic system is built according to the patterns and principles of the economic system of the patron state. As a result, in the economic model of the unrecognized state, its "problem areas" are manifested, generated by an inefficient system of state regulation of the economy. Since, against the background of "problem areas", the shortcomings of the patron state system of the same name, from which the economic model and management mechanisms were "written off", a comprehensive consideration of the features of secessionism in the specific historical conditions of the emergence of unrecognized states is necessary.

Keywords: post-soviet space, secessionism, political transition, de-facto state, economy of unrecognized states, development models

For citing: Salnikov V. I., Kotov E. V. Features of Political Transit in the Post-Soviet Space (on the Example of the Pridnestrovian Moldavian Republic and the Donetsk People's Republic) // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2022. Vol. 16. No. 2. P. 95–106.

Введение

Распад СССР привел не только к распаду биполярной системы международных отношений, но и к усилению мирополитической турбулентности, одними из проявлений которой стали усиление сецессионизма, расширение неконтролируемых территорий и образование государств де-факто.

Исследованию данной проблематики посвящено значительное количество работ. Изучению подвергались мирополитическая турбулентность [17; 19], проблемы сецессионизма и расширения

неконтролируемых территорий [11; 13; 18], процессы образования и транзита государств де-факто [4; 16], место непризнанных государств в мировой политике [5; 10], процессы государственного строительства на постсоветском пространстве [7–9; 12].

Однако сравнительный анализ образования и транзита ПМР и ДНР как государств де-факто Русского мира осуществляется впервые. Впервые также проводится компаративный анализ становления индустриальных моделей экономики непризнанных государств и систем управления ими, с выделением особенностей и закономерностей такого становления. Данное исследование как подтвердило отдельные выводы, отраженные в работах ученых, приведенных ранее, так и выявило новые специфические тенденции и зависимости.

Что объединяет ПМР и ДНР?

По мнению авторов, эти государства имеют следующие схожие черты.

1. Приднестровская Молдавская Республика и Донецкая Народная Республика — государства де-факто с непризнанным статусом.
2. Возникновение этих республик представляло собой бурную реакцию («приднестровская революция» [2, с. 456] и «Русская весна» [8, с. 38]) интернационально настроенных русскоязычных жителей Приднестровья и Донбасса, некогда входивших в состав Новороссии, на усиление национализма титульных этносов (молдавского и украинского), устремившихся к строительству собственных государств, базовым элементом которых было негативное отношение к России и русским. Реакция усиливалась тем, что и Приднестровье, и Донбасс представляли собой индустриально развитые регионы, дотирующие враждебно настроенные по отношению к ним правобережную Молдавию [3; 6] и западные области Украины.
3. Отстоять независимость и состояться как государства им помогла Россия, оказывая военную, финансово-экономическую, интеллектуально-методическую, кадровую и иную помощь.
4. Формированию сецессионистских идентичностей Приднестровья и Донбасса помогло наличие у этих территорий в прошлом квазигосударственных образований — Донецко-Криворожской Советской Республики в составе РСФСР (1918) и Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики в составе УССР (1924–1940), исторический опыт которых был использован при обосновании своего сецессионизма.
5. Несмотря на временной зазор в 24 года между датами провозглашения независимости республик и на непродолжительное существование ДНР, и Приднестровская Молдавская Республика, и Донецкая Народная Республика прошли через схожие этапы своего становления и транзита.

Вначале это были «народные революции»: «приднестровская революция» (1989 г. — март 1992 г.) и «Русская Весна» (1 марта — середина мая 2014 г.), когда протестная энергия народных масс трансформировалась в создание отрядов ополчения, значительная часть государственных структур и объектов жизнеобеспечения переподчинилась вновь образованным органам власти, проведены референдумы и приняты конституции самопровозглашенных республик. Затем республикам пришлось с оружием в руках защищать свою независимость: ПМР с 2 марта по 1 августа 1992 г., а ДНР с середины мая 2014 г. до февраля 2015 г., что наложило неизгладимый отпечаток на жизнь этих государств де-факто, символом которой стал «человек с ружьем». После заморозки вооруженного конфликта, что было осуществлено при вмешательстве извне (молдо-приднестровский конфликт — РФ, ОБСЕ и Украина; конфликт на Донбассе — РФ, Германия, Франция и ОБСЕ), началась институционализация революционных режимов через синтез харизматической и рационально-правовой легитимации: в ПМР с августа 1992 г. по декабрь 2011 г. (президентство И. Н. Смирнова), в ДНР — ноябрь 2014 г. — август 2018 г. (период, связанный с правлением А. В. Захарченко). Республики переходили к мирной жизни с государственными институтами, контролирующими территорию, с функционирующими финансовыми и социальными системами, правда, ценой отказа как от независимости, так и от русской ирредены. Россия, являющаяся для них государством-патроном, официально возвращала их в состав «материнских государств» — Молдовы

и Украины, которые, в свою очередь, должны были предоставить Приднестровью и Донбассу особый статус[1].

После поражения на выборах И. Н. Смирнова и трагической гибели А. В. Захарченко в жизни республик наступает этап трансформации революционно-вождистского режима в постреволюционный. Происходит смена элит, связанных с приднестровской и донбасской революциями, и усиливается имплементация российского законодательства в правовое поле этих непризнанных государств. Вооруженные конфликты при посредничестве России, ОБСЕ и европейских государств переводятся в замороженное состояние. Участие в переговорах по их урегулированию наделяет ПМР и ДНР статусом ad hoc-признания, в силу чего министерства иностранных дел в этих республиках являются ключевыми министерствами.

6. Значительная часть населения этих республик имеет российское гражданство. На референдуме 2006 г. 97,1% приднестровцев, не желая становиться частью Республики Молдовы, проголосовали за независимость Приднестровской Молдавской Республики и последующее свободное присоединение Приднестровья к Российской Федерации[2]. Неоднократные заявления руководства ДНР и соцопросы также свидетельствуют о желании населения этой республики статью частью России.
7. Безопасность жителей ПМР обеспечивает Оперативная группа российских войск в Приднестровском регионе Республики Молдова, созданная на базе 14-й армии, где служат в основном местные жители, обладающие российским гражданством. Российские добровольцы оказали существенную помощь ДНР в войне за независимость. Официальный Киев неоднократно пытается доказать присутствие российской армии на территории ЛДНР, но никаких серьезных доказательств украинской стороной приведено не было.
8. Эти республики как объект мировой политики объединяет то, что не только «материнские государства» в лице Молдовы и Украины противятся признанию их независимости — РФ как государство-покровитель также не спешит ни с признанием этих самопровозглашенных государств, ни с включением их в состав России, несмотря на желание их населения. Оказав значительную помощь в заморозке молдо-приднестровского вооруженного конфликта и вооруженного конфликта на Донбассе и помогая становлению и выживанию ПМР, ДНР, руководство РФ неоднократно заявляло о необходимости сохранения территориальной целостности Молдовы и Украины, но при сохранении особого статуса Приднестровья и Донбасса под их юрисдикцией. При этом Россия осуществляет интеграцию Донбасса и по мере возможности ПМР в свое социально-культурное, экономическое и политико-правовое поле.
9. ПМР в силу более длительного существования и схожим причинам сецессионизма является для ДНР и ЛНР в определенной степени моделью развития и источником кадров. Их объединяет то, что они являются государствами де-факто Русского мира, считающимися частью своих «материнских государств», а их особый статус, продавливаемый Россией, позволил бы ей влиять на Молдову и Украину, препятствуя их дрейфу на Запад. Многие из тех, кто внес значительный вклад в «Русскую весну» (И. И. Стрелков) и становление ДНР (В. Ю. Антюфеев, А. А. Караман, А. Ю. Пинчук и др.), имели отношение к Приднестровью.
10. Схожие начальные этапы строительства собственной экономической модели (резкое падение объемов ВВП, разрыв производственных и хозяйственных связей, повышение себестоимости изготавливаемой продукции, сокращение научных исследований в области производства) и создания государственных органов управления ею.

---

[1] Документами, закрепляющими такую позицию России, стали: по ПМР — Соглашение «О принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова» от 03.07.1992 и Совместное коммюнике о принципах урегулирования молдо-приднестровского конфликта Мирча Снегура и И. Н. Смирнова от 29.04.1994; по ДНР — Протокол по итогам консультаций Трехсторонней контактной группы относительно совместных шагов, направленных на имплементацию Мирного плана Президента Украины Петра Порошенко и инициатив Президента России Владимира Путина от 05.09.2014 и Комплекс мер по выполнению Минских соглашений 11–12.02.2015, одобрены специальной резолюцией Совета Безопасности ООН.

[2] Результаты референдумов Приднестровской Молдавской Республики за период с 1989 г. по 2006 г. [Электронный ресурс] // Центральная избирательная комиссия Приднестровской Молдавской Республики: официальный сайт. URL: https://www.cikpmr.com/o-vyborakh-i-referendumakh/informatsiya-referendumakh/rezultaty-referendumov-pridnestrovskoj-moldavskoj-respubliki-za-period-s-1989-g-po-2006-g.html (дата обращения: 10.10.2021).

Отличия

Между ПМР и ДНР есть определенные отличия.

1. Время возникновения. Так, Приднестровская Молдавская Советская Социалистическая Республика была провозглашена 2 сентября 1990 г. на Втором чрезвычайном съезде депутатов Приднестровья всех уровней в Тирасполе, где на основании результатов референдума были приняты Декларация о суверенитете, Декларация о государственной власти и другие важнейшие документы, избран Временный Верховный Совет республики и заложены основы ныне существующей приднестровской государственности [1, с. 68]. На IV съезде Советов депутатов всех уровней (2 сентября 1991 г.) была принята Конституция, которая провозглашала ПМССР суверенным и независимым государством в составе СССР с советской системой органов государственной власти. Однако распад СССР вынудил власти Приднестровья пойти на изменение названия республики — 5 ноября 1991 г. Приднестровская Молдавская Советская Социалистическая Республика стала называться Приднестровской Молдавской Республикой.

Что касается Донецкой Народной Республики, то она родилась в результате массовых протестов против нового руководства Украины, пришедшего к власти через государственный переворот, получивший название «Евромайдан». Участники антиправительственной акции 7 апреля 2014 г. приняли Акт о провозглашении государственной самостоятельности Донецкой Народной Республики, а 12 мая, после референдума о самоопределении, была провозглашена Донецкая Народная Республика (в границах Донецкой области Украины). Верховным Советом ДНР 14 мая 2014 г. была принята Конституция Донецкой Народной Республики.

2. Региональные элиты Приднестровья в бóльшей степени, чем на Донбассе, поддержали сецессионистский тренд. Приднестровский директорский корпус и интеллектуальная элита активно включились в работу Объединенного Совета трудовых коллективов (ОСТК), который вследствие своего влияния на советы всех уровней и авторитет в народе стал «системообразующей силой в деле строительства государства в Приднестровье» [15, с. 96]. На Донбассе региональные элиты поначалу пытались использовать массовый народный протест для повышения своих ставок в торге с новой киевской властью[1], но после утраты контроля над ситуацией вынуждены были временно самоустраниться до подписания Минских соглашений[2].
3. В отличие от полностью замороженного молдо-приднестровского конфликта, вооруженный конфликт в Донбассе, несмотря на Минские соглашения, продолжает уносить человеческие жизни.
4. В отличие от ЛДНР, ПМР не имеет границы с Российской Федерацией, что в значительной степени затрудняет возможность получения помощи от государства-покровителя.
5. ПМР в большей степени интегрирована в Молдову, чем ДНР в Украину. ДНР, как и ЛНР, более активно интегрируется в социально-экономическое поле Российской Федерации как на уровне межрегиональных и межмуниципальных связей, так и через получение российских паспортов.
6. Что касается политико-партийной системы, то в ПМР она многопартийная с десятью политическими партиями. В ДНР политических партий нет — их функции выполняют два общественных движения «Донецкая Республика» и «Свободный Донбасс», в результате чего отсутствует и политическая конкуренция между ними. В ПМР партия «Обновление», а в ДНР ОД «Донецкая Республика» являются правящими политическими силами. С 2011 г. в ПМР сложилась политическая традиция победы на президентских выборах председателя Верховного Совета, поддерживаемого «Обновлением». Возможно, аналогичная традиция появляется и в ДНР: после трагической гибели Главы ДНР А. В. Захарченко Народный Совет ДНР при поддержке Генеральной прокуратуры ДНР отстранил от исполнения обязанностей Главы Республики Д. И. Трапезникова, передав его полномочия Председателю Народного Совета ДНР Д. В. Пушилину.

---

[1] *Руденко Мирослав.* Первый день восстания: о дате начала Русской весны на территории бывшей Донецкой области // Новая Земля. 2016. № 2. С. 8–9.

[2] *Попов Эдуард*. Республики Донбасса: трудная поступь государственного строительства (II) [Электронный ресурс] // Ритмы Евразии. 2017. 14 мая. URL: https://www.ritmeurasia.org/news--2017-05-14--respubliki-donbassa-trudnaja-postup-gosudarstvennogo-stroitelstva-ii-30114 (дата обращения: 05.11.2021).

Государственное регулирование экономики ДНР и ПМР: от прошлого к будущему

Обретение суверенитета, сопровождающегося военными действиями, устанавливает ряд особенностей при формировании системы государственного регулирования экономики. В данном контексте необходимо отметить приоритетность обеспечения силовых органов над гражданскими. Данная приоритетность не снижается даже с течением времени и уменьшением напряженности на линии ведения боевых действий. Выражается она не только в предоставлении лучших инфраструктурных объектов, материально-технического и финансового обеспечения, но и очередности получения оплаты труда: традиционно организации (учреждения, предприятия) силовых министерств получают заработную плату первыми, затем министерства, отвечающие за управление финансами, и только после них другие министерства и их подведомственные организации.

Еще одной закономерностью формирования государственности в условиях военных действий является участие большого количества волонтерских групп и гуманитарных миссий. Последние осуществляются как со стороны других государств, так и со стороны представителей частного капитала «материнского» государства, ведущего активные боевые действия против новообразования. Данные представители частного капитала владели значительными активами на территории, объявившей о своей независимости. При этом их гуманитарные миссии проходят на фоне активного публичного сопротивления созданию нового государства.

В дальнейшем в исследуемых республиках к отдельным предприятиям частной формы собственности применяются схожие модели управления ими — создается частный оператор (регистрация может быть в другом государстве), в ведение которого данные предприятия передаются. В ДНР это ЗАО «Внешторгсервис», в ПМР — холдинг частных компаний «Шериф» (материнская компания — ООО «Шериф»), которые наделены правами по управлению производственно-хозяйственной деятельностью предприятий и различными преференциями от государства. Процесс организации и формирование структуры государственной власти, в том числе в сфере социально-экономического управления, строится по стандартным лекалам, апробированным ранее. Власть традиционно в вертикальной плоскости делят на центральную и местную, а в горизонтальной — на законодательную, исполнительную и судебную. В структуре исполнительной власти создается одно министерство, прямо отвечающее за развитие экономики, и ряд министерств, курирующих отдельные отраслевые направления.

Государства, созданные в последние десятилетия, стандартно имеют в качестве центрального органа исполнительной власти, отвечающего за формирование и реализацию государственной экономической политики, — Министерство экономического развития. Название данного органа предопределено не только этапом исторического развития, но и наличием аналогичных органов в государствах, активно помогающих непризнанным государствам в их развитии.

Опыт ПМР в эволюции функционала рассматриваемого министерства достаточно интересен. Согласно информации официальных сайтов министерств экономического развития и финансов ПМР, в начале 90-х гг. функционировало Республиканское управление экономики и финансов, которое в сентябре 1992 г. было преобразовано в одноименное министерство, а в июле 1995 г. оно было реорганизовано в Министерство экономики и материальных ресурсов[1]. До февраля 1997 г. на данную структуру были возложены также функции управления финансами, которые были выведены из сферы их компетенции путем разделения ведомства и выделения из него Министерства финансов и двух государственных комитетов — по внешним экономическим связям и торговле, по статистике. Также было изменено название Министерства экономики и материальных ресурсов на Министерство экономики, которое в январе 2012 г. было переименовано в Министерство экономического развития. Между последними двумя событиями данное министерство еще раз наделялось полномочиями в сфере управления финансами (Министерство

[1] О Министерстве финансов Приднестровской Молдавской Республики [Электронный ресурс] // Министерство финансов ПМР. URL: http://minfin.gospmr.org/o-ministerstve/ (дата обращения: 28.07.2021).

финансов снова было реорганизовано), были переданы функции управления государственной статистикой (сохранены до сих пор), функции Министерства сельского хозяйства (в связи с его ликвидацией).

В отличие от ПМР, в ДНР центральный орган исполнительной власти в сфере экономического развития (МЭР ДНР) имеет более ограниченный функционал, в том числе вследствие наличия министерств, уполномоченных проводить государственную политику в сфере налогообложения, финансов, промышленности и торговли, угольной промышленности. Единственным совпадением, кроме исполнения базовых функций в сфере экономики, являются обладание МЭР ДНР, также как и его аналога в ПМР, полномочиями в сфере управления государственной статистикой. Но данное структурно-управленческое решение, скорее, последствие перенимания опыта Российской Федерации, чем объективно обусловленная необходимость, тем более что опыт, в том числе РФ, показывает нецелесообразность такого подчинения вследствие снижения качества и достоверности статинформации.

В ПМР и ДНР особенно отмечают низкое качество и недостаточность статистической информации. В ПМР обращают внимание, что это стало устойчивым явлением, состоящим в том, что данные, представленные органами статистики, отражают противоречивые тенденции и не все экономические процессы, что не позволяет правильно оценить ситуацию и разработать эффективные управленческие решения[1]. Аналогичные процессы отмечаются и в ДНР [9].

На момент отделения от Молдавии в Приднестровье проживало 17% населения республики, производилось около 35% ВВП государства, 56% потребительских товаров, треть продукции сельского хозяйства, почти вся электроэнергия и главный источник внешнеторговой выручки (около 55%) — экспорт продукции Молдавского металлургического завода в Рыбнице [6].

В Донецкой области в 2013 г. проживало 10% населения, производилось 10% ВВП Украины, 18,5% промышленной продукции и 4,9% сельского хозяйства; 23,9% экспорта товаров и услуг, произведенных на Украине, приходилось на предприятия области[2]. Однако статистические данные ДНР несколько скромнее, поскольку ее территория составляет лишь треть территории Донецкой области Украины, на которой производство было распределено неравномерно. Тем не менее в приближенном виде отдельные показатели можно получить путем сравнения значений 2013 и 2015 гг. (2015 г. взят вследствие того, что в 2014 г. значительная часть предприятий и организаций, расположенных на территории ДНР, отчитывалась перед статистическими органами Украины). На основании сравнения можно сказать, что на момент отделения от Украины в ДНР производилось 6% украинского ВВП, 8% промышленной и 2% сельскохозяйственной продукции.

Построение исследуемых государств происходило в условиях непризнания суверенитета «материнским» государством и ведения против них агрессивных действий (военных, политических, экономических и др.). Внешняя агрессия стимулирует разрыв производственно-хозяйственных и экономических связей предприятий, оставшихся на территории нового государства, значительный отток трудовых ресурсов, в том числе квалифицированных, восстановить и восполнить потери которых впоследствии крайне тяжело.

В результате оттока в первую очередь квалифицированных трудовых ресурсов, находящихся в трудоспособном возрасте, нарушается баланс соотношений между экономически активным и неактивным населением. В ПМР соотношение занятых и экономически неактивного населения, с устойчивым ежегодным ростом второй группы, составляет 1:1,1 [14]. В ДНР на одного занятого приходится два пенсионера. В условиях увеличивающейся внешней миграции из непризнанных республик и отсутствия даже простого воспроизводства трудовых ресурсов обеспечение социально-экономического развития крайне затруднительно, что в результате приводит к стагнации, а затем к деиндустриализации экономического комплекса этих государств.

Стоит отметить, что дефицит квалификации является определяющим для любой модели экономики, независимо от уровня применяемых в ней технологий. Появление нового государства активизирует

[1] Каковы экономические риски для Приднестровья в 2016–2017 годах? Региональный экономический обзор // Приднестровский регион. 2016. № 4. С. 22.

[2] Статистичний збірник «Регіони України» // Державна служба статистики України. 2014. Ч. I. 299 с.

агрессивную политику сдерживания и противодействия со стороны государства-метрополии и примкнувших к ней других государств. В результате этого крупный частный капитал не может официально работать на территории вновь созданного государства и перемещает свои производства на территорию признанных государств[1]. Переместить производства с технологиями низких степеней передела невозможно ввиду их жесткой привязки к ресурсной базе, которая представлена полезными ископаемыми. Более технологичные производства, с оговорками, переместить легче, хотя и не полностью (часть инфраструктуры переместить нельзя). Вместе с технологичным производством эмигрируют и квалифицированные кадры. Таким образом, на территории молодого государства остаются производства с технологиями 2–3-го и немного 4-го технологических укладов, в том числе и по причине громоздкости своей материально-технической базы (машины и оборудование или физически невозможно вывезти, или нецелесообразно вывозить ввиду невозможности найти им новое место дислокации). К этому стоит добавить особенность технологий 2-го техноуклада, критично зависящих от исчерпаемости природных ресурсов. Внутреннего же потенциала для воспроизводства квалифицированных трудовых ресурсов у молодого государства нет, что обусловлено в том числе и массовым выездом за его пределы квалифицированных специалистов, способных передать знания и опыт.

В качестве примера целесообразно привести угольную отрасль и горное машиностроение в ДНР, в которых наиболее ярко отразились описанные выше процессы. Продукция угольной отрасли ДНР в силу своих характеристик (зольности, серности и др.) востребована только внутренним потребителем и экономикой Украины. Поскольку внутренний рынок не способен обеспечить достаточную для выживания отрасли норму рентабельности (главными потребителями угля в ДНР являются две тепловые электрические станции — Зуевская и Старобешевская), то падение спроса на уголь со стороны Украины вызвало системное снижение объемов его добычи за пять лет (2015–2019 гг.) с 9 до 7 млн т в год, или на 22%[2]. Весь период независимости отрасль горного машиностроения переживает отток квалифицированных трудовых ресурсов. Так, знаменитый завод «Донгормаш», построенный в 1889 г., проходит очередную и, скорее всего, не последнюю волну групповых увольнений работников по собственной инициативе.

Это же относится и к системе государственного управления экономикой. Несмотря на то, что система органов исполнительной власти новых государств формировалась на основе бывших территориальных администраций, они также испытывают дефицит квалифицированных кадров вследствие эмиграции трудовых ресурсов. Недостаток квалификации и низкий приток знаний и навыков из внешней среды приводит к ухудшению качества управленческих решений, усилению контрольно-надзорных функций. В совокупности своего влияния на экономику они не способствуют диверсификации ее производственно-экономической базы и повышению качества производимого продукта, ускоряя в экономической системе процессы деиндустриализации. Деиндустриализация экономики, запущенная неэффективными управленческими решениями органов власти, в итоге приводит к сокращению количества этих органов. В результате упрощения производства содержать самостоятельные центральные органы управления отдельными секторами экономики становится нецелесообразным, и их функции и полномочия передаются министерствам, отвечающим за общую экономическую политику государства. Именно поэтому в ПМР в 2018 г. Министерство промышленности и регионального развития было ликвидировано, а его функции и полномочия переданы Министерству экономического развития.

---

[1] Высокая зависимость капитала от признания суверенитета территории своего размещения становится сдерживающим фактором и в других регионах мира. Так, в Каталонии проведенный 01.10.2017 референдум об отделении от Испании грозил нарушением созданной экономической системы региона, в том числе выводом банковской сферы, выходом из Евросоюза, автоматическим выходом из зоны евро и потерей доступа к кредитной линии Европейского центрального банка. Это и стало одной из причин невнятных действий региональных властей после его проведения.

[2] Данные показатели были озвучены в ежегодных докладах министра угля и энергетики.

1. Доклад Руслана Дубовского об итогах работы Министерства угля и энергетики ДНР за 2015 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт Народного Совета — законодательного органа Донецкой Народной Республики. URL: https://dnrsovet.su/doklad-ruslana-dubovskogo-ob-itogah-raboty-ministerstva-uglya-i-energetiki-dnr-za-2015-god/(дата обращения: 10.10.2021).

2. Руслан Дубовский доложил об итогах работы Министерства угля и энергетики за 2019 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт Народного Совета — законодательного органа Донецкой Народной Республики. URL: https://dnrsovet.su/ruslan-dubovskij-dolozhil-ob-itogah-raboty-ministerstva-uglya-i-energetiki-za-2019-god/(дата обращения: 10.10.2021).

В ДНР, где функционирует Министерство экономического развития и несколько министерств, отвечающих за развитие отдельных секторов экономики (промышленности и торговли, агропромышленного комплекса, угольной промышленности и энергетики), складывается похожая ситуация. Падение объемов производства, в том числе в угольной и металлургической отраслях, высокая моральная и физическая изношенности оборудования и низкие темпы его обновления все острее ставят вопрос о сохранении производственного потенциала и в дальнейшем целесообразности существования Министерства промышленности и торговли и Министерства угля и энергетики как самостоятельных органов исполнительной власти. Опыт ПМР наглядно демонстрирует, что их включение в структуру Министерства экономического развития не несет негативных последствий, скорее наоборот, способствует повышению скорости принятия и качества управленческих решений, уменьшает количество согласований и снижает трансакционные издержки. В этой связи также стоит использовать опыт ПМР, где в 2003 г. Министерство доходов было ликвидировано, а его функции переданы Министерству финансов. На примере ДНР и ПМР следует отметить ряд особенностей и закономерностей в формировании системы государственного управления экономикой непризнанного государства.

1. Высокая зависимость от внешнего источника материально-технического и финансово-экономического обеспечения. Данная зависимость становится непреодолимой угрозой существования всей экономической модели.
2. Гарантированное попадание экономической модели в «ловушку деиндустриализации» независимо от стартового уровня индустриального развития. Снижение квалификации управленческого и производственного персонала обусловливает снижение технологичности производств. В свою очередь, деиндустриализация обратной связью упрощает управленческие решения, и так цикл за циклом.
3. Высокая концентрация экономически неактивного населения, которое представлено людьми пожилого и старческого возраста (по классификации ООН 60–75 лет — пожилой возраст, 75–90 лет — старческий возраст) с тенденцией к ухудшению. Так, в 2019 г. в ДНР доля пенсионеров в общей численности жителей составляла 30%, а в 2018 г. — 29%. По классификации ООН население считается старым, если количество граждан старше 65 лет превышает 7%[1].
4. Формирование органов государственного управления экономикой осуществляется по стандартной схеме: министерства и ведомства образуются на базе органов региональной власти, которые функционировали на территории нового государства до объявления независимости. Их перечень и название определяются опытом «материнского» государства и / или государства, оказывающего социально-экономическую поддержку.

Будущее непризнанных республик, или Заключение

Будущее республик зависит от множества внутренних и внешних факторов, реализация которых в разных сочетаниях может сформировать различные варианты, в том числе и те, которые сейчас даже невозможно предположить. Однако некоторые варианты дальнейшего существования непризнанных республик имеют ненулевую вероятность.

1. Интеграция в новое союзное государство. В данном варианте возможны два направления интеграции.
   - Объединение в союзное государство непризнанных республик, вплоть до «СНГ 2.0». Первый шаг в этом направлении уже сделан — ДНР и ЛНР создали единую таможенную зону. Объединение позволит увеличить внутренний рынок, что приведет к меньшей зависимости от внешнего признания, хотя полностью зависимость не пропадет.
   - Присоединение к Союзному государству РФ и Белоруссии, к которому в дальнейшем могут присоединиться другие страны, ранее входившие в состав СССР[2].

[1] Замминистра Алексей Вовченко: Около 33 млн человек в России — старше трудоспособного возраста [Электронный ресурс] // Минтруд России. 2013. 23 сентября. URL: https://mintrud.gov.ru/social/service/61 (дата обращения: 10.10.2021).

[2] В Госдуме допустили воссоздание СССР [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 2021. 04 ноября. URL: https://lenta.ru/news/2021/11/04/ussr/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 05.11.2021).

2. Вернуться в состав «материнских государств». Этот вариант имеет два трека:

а) вернуться в состав Молдовы и Украины, где сменятся режимы на более приемлемые для развития не только этих сецессионистских регионов, но и для России;

б) сделать это по причине отказа России от поддержки ПМР и ДНР.

3. Войти в состав России. Если для ДНР это теоретически возможно, то для ПМР это весьма проблематично по причине отсутствия сухопутной границы с РФ и выхода этой республики к морю. Возможность реализации данного варианта для ПМР наступит лишь при росте конфронтации со стороны Украины и Молдовы до критически неприемлемого Россией уровня. Да и то в лучшем случае через возрождение проекта Новороссии, успех которого позволил бы объединить русскоговорящие юго-восток Украины и Приднестровье в едином государстве[1].
4. Получение этими самопровозглашенными республиками полноценного международного признания. Однако этот вариант, учитывая сложности его осуществления, в ближайшее время практически невозможен — в лучшем случае возможно частичное признание по аналогии с Абхазией и Южной Осетией. Здесь многое зависит от позиции России, имеющей определенный внешнеполитический ресурс, но пока его недостаточно для обеспечения даже частичного международного признания ПМР, ДНР и ЛНР.
5. Продолжить существовать в виде «серой зоны». У данного варианта есть ряд заинтересованных сторон как среди украинского и российского капитала, так и среди правящего класса, сформировавшегося на территориях данных де-факто государств.

Конечно, возможны и другие варианты, как и различные комбинации из них, среди которых наиболее трагичный — это прекращение поддержки со стороны России. Как показало исследование, республики зависят не только от военной и политической поддержки, но имеют высокую зависимость от внешнего источника материально-технического и финансово-экономического обеспечения, которым и является Российская Федерация.

Литература

1. *Бабилунга Н.* Приднестровье: шаги истории. Тирасполь, 2015. 72 с. [Электронный ресурс]. URL: http://mfa-pmr.org/ru/node/5185 (дата обращения: 13.11.2021).
2. *Галинский И. Н.* Приднестровье в борьбе за суверенитет и международное признание. Тирасполь: ТИПАР, 2020. 480 с.
3. *Грачева Е. В.* Особенности экономического развития Приднестровской Молдавской Республики после провозглашения независимости // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2020. № 3. С. 147–154.
4. *Добронравин Н. А.* Модернизация на обочине: выживание и развитие непризнанных государств в XX — начале XXI века. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2013. 252 с.
5. *Заяц Д. В.* Феномен непризнанных государств в современном мире [Электронный ресурс] // Вестник МГОУ. Серия: Географическая среда и живые системы. 2020. № 1. С. 53–69. URL: https://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/13758 (дата обращения: 13.11.2021).
6. *Колосов В. А., Заяц Д. В.* Молдова и Приднестровье: национальное строительство, территориальные идентичности, перспективы разрешения конфликта // Вестник Евразии. 2001. № 1. С. 88–122.
7. *Маркедонов С. М.* Де-факто государства: политический феномен постсоветского пространства // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2018. № 1. С. 24–40.
8. *Матыцин Е. Г., Сальников В. И.* «Революция Достоинства» и «Русская Весна»: сравнительный анализ. Воронеж : Центрально-Черноземное книжное издательство, 2020. 120 с.

[1] Приднестровье не признают. Оно войдет в состав России после возрождения Новороссии [Электронный ресурс] // Политинформация: аналитика, факты, комментарии. 2016. 13 сент. URL: https://politinform.su/60064-pridnestrove-ne-priznayut-ono-voydet-v-sostav-rossii-posle-vozrozhdeniya-novorossii.html (дата обращения: 05.11.2021).

9. На пути к новой государственности: экономические и социально-правовые трансформации : коллективная монография / В. В. Седнев, Е. В. Котов, А. В. Войтов и др. / под общ. ред. Л. Б. Костровец, Л. Г. Бордюгова. Донецк : Фолиант, 2019. 333 с.
10. *Николаев Д. Г.* Феномен непризнанных государств в мировой политике // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2010. № 1. С. 27–41.
11. *Попов Ф. А.* География сецессионизма в современном мире. М. : Новый хронограф, 2012. 683 с.
12. *Сальников В. И., Небольсин Ю. В.* Проблемы государственного развития и управления в непризнанных государствах постсоветского пространства (на примере ДНР и ЛНР) // Регион: системы, экономика, управление. 2018. № 4. С. 127–133.
13. *Себенцов А. Б., Колосов В. А.* Феномен неконтролируемых территорий в современном мире // Полис. 2012. № 2. С. 31–46.
14. *Узун И., Оставная А.* Оценка состояния и перспективы развития системы занятости населения Приднестровья // Проблемы межрегиональных связей. 2018. № 13. С. 43–47.
15. *Харитонова Н. И.* Атрибуты государства в непризнанной Приднестровской Молдавской Республике [Электронный ресурс] // Государственное управление. Электронный вестник. 2013. № 37. С. 92–106. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/atributy-gosudarstva-v-nepriznannoy-pridnestrovskoy-moldavskoy-respublike (дата обращения: 13.11.2021).
16. *Berg E., Toomla R.* Forms of Normalisation in the Quest for De Facto Statehood // The International Spectator. 2009. Vol. 44, No. 4. P. 27–45.
17. *Maull H. W.* World Politics in Turbulence [Electronic resource] // Internationale Politik und Gesellschaft Online. 2011. Vol. 1. P. 11–25. URL: https://library.fes.de/pdf-files/ipg/ipg-2011-1/2011-1__03_a_maull.pdf (accessed: 13.11.2021).
18. *Norman W.* The Ethics of Secession as the Regulation of Secessionist Politics // National Self-Determination and Secession / ed. by M. Moore. Oxford, N. Y. : Oxf. Univ. Press, 1998. P. 34–61.
19. *Rosenau J. N.* Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton : Princeton University Press, 1990. 480 p.

Об авторах:

Сальников Вячеслав Иванович, руководитель Центра исследований проблемной государственности факультета международных отношений Воронежского государственного университета (Воронеж, Российская Федерация), доцент кафедры международных отношений и мировой политики, кандидат исторических наук, доцент;
vyachs@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1748-6476

Котов Евгений Валериевич, доцент кафедры теории управления и государственного администрирования Донецкой академии управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики (Донецк, Донецкая Народная Республика), кандидат экономических наук, старший научный сотрудник;
kotovev@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0926-3072

References

1. Babilunga N. Transnistria: Steps of History. Tiraspol, 2015. 72 p. [Electronic resource]. URL: http://mfa-pmr.org/ru/node/5185 (date of access: 13.11.2021). (In rus)
2. Galinsky I. N. Transnistria in the struggle for sovereignty and international recognition. Tiraspol : TIPAR, 2020. 480 p. (In Rus.)
3. Gracheva E. V. Features of the economic development of the Transnistrian Republic of Moldova after the declaration of independence // Electronic network polythematic journal “Scientific works of KubSTU” [Nauchnye trudy KubGTU]. 2020. Vol. 3. P. 147–154. (In Rus.)
4. Dobronravin N. A. Modernization on the sidelines: survival and development of unrecognized states in the XX — early XXI century. St. Petersburg : Publishing house of the European University in St. Petersburg, 2013. 252 p. (In Rus.)

5. Zayats D. V. The phenomenon of unrecognized states in the modern world [Electronic resource] // Bulletin of the MSRU [Vestnik MGOU]. Series: Geographic environment and living systems. 2020. Vol. 1. P. 53–69. (In Rus.)
6. Kolosov V. A., Zayats D. V. Moldova and Transnistria: national building, territorial identities, prospects for resolving the conflict // Bulletin of Eurasia [Vestnik Evrazii]. 2001. Vol. 1. P. 88–122. (In Rus.)
7. Markedonov S. M. De-facto states: the political phenomenon of the post-Soviet space // Bulletin of the RSHU [Vestnik RGGU]. Series: Political Science. History. International relationships. Foreign Regional Studies. Oriental studies. 2018. Vol. 1. P. 24–40. (In Rus.)
8. Matytsin E. G., Salnikov V. I. "Revolution of Dignity" and "Russian Spring": Comparative Analysis. Voronezh : Central and Black Earth Book Publishing House, 2020. 120 p. (In Rus.)
9. Towards a new statehood: economic and socio-legal transformations : Collective monograph / V. V. Sednev, E. V. Kotov, A. V. Voitov [et al.] / ed. by L. B. Kostrovets, L. G. Bordyugov. Donetsk : Foliant, 2019. 333 p. (In Rus.)
10. Nikolaev D. G. The phenomenon of unrecognized states in world politics // Bulletin of Moscow University [Vestnik Moskovskogo universiteta]. Series 25: International relations and world politics. 2010. Vol. 1. P. 27–41. (In Rus.)
11. Popov F. A. Geography of secessionism in the modern world. Moscow : New Chronograph, 2012. 683 p. (In Rus.)
12. Salnikov V. I., Nebolsin Yu. V. Problems of state development and management in the unrecognized states of the post-Soviet space (on the example of the DPR and LPR) // Region: systems, economics, management [Region: sistemy, ekonomika, upravlenie]. 2018. Vol. 4. P. 127–133. (In Rus.)
13. Sebentsov A. B., Kolosov V. A. The phenomenon of uncontrolled territories in the modern world // Polis [Polis]. 2012. Vol. 2. P. 31–46. (In Rus.)
14. Uzun I., Ostnaya A. Assessment of the state and development prospects of the system of employment of the population of Transnistria // Problems of interregional connections [Problemy mezhregional'nykh svyazei]. 2018. Vol. 13. P. 43–47. (In Rus.)
15. Kharitonova N. I. Attributes of the state in the unrecognized Transnistrian Republic of Moldova [Electronic resource] // State Administration [Gosudarstvennoe upravlenie]. Electronic bulletin. 2013. Vol. 37. P. 92–106. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/atributy-gosudarstva-v-nepriznannoy-pridnestrovskoy-moldavskoy-respublike (accessed: 13.11.2021). (In Rus.)
16. Berg E., Toomla R. Forms of Normalisation in the Quest for De Facto Statehood // The International Spectator. 2009. Vol. 44. No. 4. P. 27–45.
17. Maull H. W. World Politics in Turbulence [Electronic resource] // Internationale Politik und Gesellschaft Online. 2011. No. 1. P. 11–25. URL: https://library.fes.de/pdf-files/ipg/ipg-2011-1/2011-1__03_a_maull.pdf (accessed: 13.11.2021).
18. Norman W. The Ethics of Secession as the Regulation of Secessionist Politics // National Self-Determination and Secession / ed. by M. Moore. Oxford, N. Y. : Oxf. Univ. Press, 1998. P. 34–61.
19. Rosenau J. N. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton : Princeton University Press, 1990. 480 p.

About the authors:

Vyacheslav I. Salnikov, Head of the Center for Research on Problematic Statehood at the Faculty of International Relations of the Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation), Associate Professor of the Department of International Relations and World Politics, PhD in History, Associate Professor;
vyachs@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1748-6476

Evgeny V. Kotov, Associate Professor at the Department of management theory and public administration of Donetsk Academy of Management and Public Service under the Head of Donetsk People's Republic (Donetsk, Donetsk People's Republic), PhD in Economics, Senior Researcher;
kotovev@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0926-3072

DOI 10.22394/2073-2929-2022-02-107-117

Культурная политика на городском уровне в контексте формирования национальной идентичности (на примере Нур-Султана)

Кок Севги
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
kok.sevgi@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7209-0461

РЕФЕРАТ

В статье акцентируется внимание на тесной взаимосвязи социально-культурной среды города, сочетающей в себе историческую память и современность, с национальной идентичностью.

Цель. Цель данного исследования — выявить влияние городской культурной политики на формирование казахстанской национальной идентичности на примере города Нур-Султана, ставшего столицей после обретения Казахстаном независимости.

Задачи. Задачи исследования включают в себя определение значения местности в формировании национальной идентичности, характеристику городской политики в области культуры и ее связь с гражданским национализмом, национальным государством и идентичностью в институциональном и символическом аспекте.

Методология. В рамках данной работы исторический метод, институциональный и политико-культурный подход ориентируют на анализ существующих политических институтов с позиций потенциальных возможностей, не реализованных в прошлом, и вопросов разработки и реализации методов решения возникающих проблем в процессе формирования государственной культурной политики на этапе становления и развития города Нур-Султана.

Результаты. Проведенное исследование свидетельствует о том, что культурная политика Нур-Султана представляет собой новый образный дизайн, основанный на синтезе современных технологических решений и различных исторических аспектов культурного наследия, что позволяет увидеть значимые черты идеи национальной идентичности. Новизна исследования заключается в предпринятой попытке комплексного анализа формирования казахстанской национальной идентичности с акцентом на культурную политику города Нур-Султана.

Выводы. Основной вывод заключается в том, что различные этнические группы со своими инклюзивными особенностями включаются в общее культурное пространство, формирующееся в историческом контексте титульной нации с современными инновационными проектами, создавая синтез культур, влияющий на формирование национальной идентичности.

Ключевые слова: культурная политика, национальная идентичность, городская политика, городское управление, гражданский национализм, Нур-Султан

Для цитирования: *Кок Севги.* Культурная политика на городском уровне в контексте формирования национальной идентичности (на примере Нур-Султана) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 2. С. 107–117.

Cultural Policy at the City Level in the Context of the Formation of National Identity (on the Example of Nur-Sultan)

Kok Sevgi
St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation;
kok.sevgi@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7209-0461

ABSTRACT

The article focuses on the close relationship of the socio-cultural environment of the city, which combines historical memory and modernity, with national identity.

Aim. The purpose of this study is to identify the impact of urban cultural policy on the formation of Kazakhstani national identity on the example of the city of Nur-Sultan, which became the capital after Kazakhstan gained independence.

Tasks. The objectives of the study include determining the significance of the locality in the formation of national identity, the characterization of urban policy in the field of culture and its relationship with civic nationalism, the nation state and identity in the institutional and symbolic aspect.

Methods. Within the framework of this work, the historical method, institutional and political-cultural approach is focused on the analysis of existing political institutions from the standpoint of potential opportunities that have not been realized in the past, and the development and implementation of methods for solving emerging problems in the process of forming state cultural policy at the stage of formation and development of the city Nur-Sultan.

Results. This study is the statement that the cultural policy of Nur-Sultan is a new imaginative design based on the synthesis of modern technological solutions and various historical aspects of cultural heritage, which allows us to see the significant features of the idea of national identity. The novelty of the research lies in the attempt to comprehensively analyze the formation of the Kazakhstani national identity with an emphasis on the cultural policy of the city of Nur-Sultan.

Conclusion. The main conclusion is that various ethnic groups with their inclusive characteristics are included in the common cultural space formed in the historical context of the titular nation with modern innovative projects, creating a synthesis of cultures that affects the formation of national identity.

Keywords: cultural policy, national identity, urban policy, urban governance, civic nationalism, Nur-Sultan

For citing: Kok Sevgi. Cultural Policy at the City Level in the Context of the Formation of National Identity (on the Example of Nur-Sultan) // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2022. Vol. 16. No. 2. P. 107–117.

Введение

Государство и национальная культура тесно взаимосвязаны: без государства не имеет смысла говорить о национальной культуре, а без национальной культуры не может быть государства. По мнению аргентинского философа Хосе Пабло Файнмана, фраза «Мы не заботимся о культуре, так как в стране — голод» означает непонимание того, что первый шаг в развитии культуры — это воспитание голодных, обучение их базовым инструментам для жизни: умению читать и писать. «Было бы грустно услышать однажды хорошо накормленную публику, — продолжает Х. П. Файнман, — которая скажет: “Я больше не голоден, но я не знаю, кто я и в какой стране живу”»[1]. Культура это не роскошь, а объективная потребность нации в существовании, формирующая идентичность, и эта идентичность — оружие в борьбе за страну.

Вместе с тем интеллектуальные возможности государства могут быть колоссальными, экономика развитой и музеи полны наследием таких государств, которые управляли огромными территориями в прошлом, но исчезли сегодня. Данный факт свидетельствует о том, что именно культура народа является залогом стабильности существования государства[2].

Наиболее восприимчивая сфера непосредственной реализации культурной политики — это городская среда. За последние 30 лет культурная политика постепенно стала важной составной частью планов экономического и социального развития во многих европейских городах. Культурное возрождение было

[1] *Feinmann J. P.* En defensa de la cultura, El País [Электронный ресурс] // Pagina12. URL: https://www.pagina12.com.ar/diario/elpais/1-36317-2004-06-06.html (дата обращения:13.03.2022).

[2] *Çelik Ö.* Kültür Hayatının Sivillik ve Çoğulculuk Üzerinden Akması Temel Meselemiz Olmalıdır [Электронный ресурс] // T. C. Kültür ve Turizm Bakanlığı. 14.10.2014. URL: https://basin.ktb.gov.tr/TR-121963/yerel-yonetimler-kultur-ve-sanat-politikalarini-masaya-.html (дата обращения: 13.03.2022).

подкреплено национальной политикой децентрализации, передающей власть и ресурсы от центрального правительства региональному и местному. Как и в любом обществе, местные сообщества во всех их формах (город, регион) являются привилегированными областями культурной политики, поскольку они включают в себя исторические, национальные, языковые и религиозные традиции, социальные и экономические отношения, и в целом это тот социальный уровень, на котором осуществляются основные витальные процессы. Восприятие и формирование культурной политики в области научных исследований зависит от того, как понимается культура и что вкладывается в это понятие [7, p. 2626].

Город — это место, где историческая память и современность живут бок о бок, а знания и опыт передаются будущим поколениям, даже если их жители и правители меняются. Городская среда объединяет производителей и потребителей, находящихся в едином культурном пространстве. Тот факт, что проблемы местной культурной политики начали активно освещаться в современной литературе, является основанием для данного исследования, которое фокусируется на идентичности и культурной политике города Нур-Султана в рамках стратегии Казахстана по достижению целей 2050 г., на анализе отношений между культурой и политикой в местном и международном контексте. В исследовании предпринята попытка привлечь внимание к столице Нур-Султан в процессе формирования национальной и культурной политики Казахстана. В рамках данной работы исторический метод, институциональный и политико-культурный подход ориентируют на анализ существующих политических институтов с позиций потенциальных возможностей, реализующих государственную культурную политику на этапе суверенного развития города Нур-Султана.

Значение местности в формировании национальной идентичности

Европейские философы определяли нацию как сообщество людей, подчиняющихся одним и тем же законам и институтам на данной территории, принадлежащей государству, что легло в основу западной концепции нации. Английский социолог Энтони Смит выделяет новый тип политики — рациональное государство и новый тип сообщества — территориальную нацию, впервые возникшие на Западе в тесной взаимосвязи друг с другом [8, p. 8–9].

Идея национальной идентичности сформировалась во время и после Французской революции. С появлением национальных государств приоритетным становится формирование идентичности граждан, живущих в пределах границ государства, в то время как религиозные и этнические идентичности, которые ранее имели определяющее значение, стали утрачивать свою прежнюю функцию. Государство проводит политику объединения своих граждан под единой идентичностью, которую стали называть национальной. В основе национальной идентичности лежит признание принадлежности людей к единому пространству, основанному на языке и культуре нации. В настоящее время, когда происходят процессы «локализации», вызванные глобализацией, на идентификацию граждан в решающей степени влияет национальная идентичность [9, p. 195].

Города, возникшие в результате промышленной революции, под влиянием глобализации наряду с национальными государствами стали полноценными акторами в формировании мировой политики. Феномен глобализации, с одной стороны, сделал культуры похожими друг на друга, а с другой стороны, облегчил представление локальных ценностей на глобальных рынках и укрепил местные связи. Города различаются экономической специализацией, социальной организацией и определенной культурой. Сейчас человечество в основном живет в городах [11, p. 51], и все больше и больше городов играют важную роль во многих сферах. Многие города становятся «воротами в глобальный мир», где размещаются все национальные и международные организации и принимаются важные решения [6, p. 60–61].

Вместе с тем местная культура может стать важным активом для социально-экономического развития страны. Успешное культурное планирование может способствовать развитию и формированию местной культурной самобытности, учитывая сравнительные преимущества и характеристиики каждого региона, а развитие массовых и социальных движений способствует повышению уровня культурных требований и представлений о необходимости социальных и экономических преобразований [7, p. 2626].

Чем сильнее вызовы глобализации, тем с большей настойчивостью народы стремятся сохранить свою культуру, язык, религию и традиции. В этой ситуации возникает потребность в определении национальной идентичности субъекта, которая является одним из основных источников его культурной презентации в индивидуализирующемся мультикультурном городе [3, с. 9]. По этой причине представляется важным проявление инициативы местными властями городов в реализации городского планирования с перспективным видением, а также поддержание междугородних отношений посредством местной дипломатии.

Тенденция, связанная с возрастанием роли городов, способствует сотрудничеству, а не конкуренции, установлению солидарности и партнерства, а также новым формам предпринимательства, преследующим социальные, а не экономические цели. В рамках данной парадигмы предполагается такое видение общества и его структуры, в котором национальное государство будет одной из единиц интеграции среди других и в котором города будут органично сосуществовать. В условиях качественного развития информационных технологий, основанного на воспроизводстве знаний, возникает потребность в новой социальной идеологии, основанной на творчестве и инновациях, влияющих на развитие культуры. В сложившихся условиях города должны сыграть свою роль в поощрении объединения и сотрудничества технологического и культурного миров, чтобы мы могли представить себе мир завтрашнего дня[1].

Реализация культурной политики является одним из важнейших направлений деятельности органов государственного и муниципального управления в социальной сфере. Во многом от того, насколько взвешенно и профессионально принимаются решения органами управления в вопросах организации и воплощения культурной работы, зависит уровень удовлетворения культурных потребностей членов общества, что в конечном счете влияет на качество их жизни. Некоторые страны осознали важность реализации культурной политики и стимулировали свои местные органы власти разрабатывать соответствующую политику для развития городов. Результатом работы городских органов должна стать общедоступность культурных ценностей для населения. В границах собственной зоны ответственности органы городского и районного самоуправления обязаны делать все возможное для создания сети учреждений и организаций — средних учебных заведений, школ искусств, студий, курсов, оказывать помощь данным учреждениям, гарантировать доступность и бесплатность для населения городских библиотек, иных учреждений культуры. На деле же органы самоуправления нередко сталкиваются с многочисленными задачами, снижающими эффективность их работы в области культуры [1, с. 400–401].

Город — это специфическая среда обитания человека. Сегодня при описании таких городов, как Нью-Йорк, Алеппо, Стамбул, Санкт-Петербург, Сеул, Токио, Кейптаун и Нур-Султан, упоминаются качества, которые делают каждый город специфическим, в то же время наполняют смыслом человеческое существование в них. Таким образом, поддержание культуры города также означает сохранение его локальной и национальной идентичности [6, p. 60–61].

Любой муниципалитет, сообщество или регион могут иметь задокументированную культурную политику или соответствующую стратегию. Политика должна определять развитие культурных продуктов, предложений и услуг в городе или регионе, содержать цели и временные рамки для достижения этих целей, должна быть принята или одобрена муниципальными / региональными лидерами. Не существует требований к временным рамкам культурной политики. Она может быть частью другого более крупного (муниципального) плана, но должна быть ясна в своих целях и показателях успеха. В этом плане должны быть четко определены цели и направления деятельности города или региона, связанные с развитием и популяризацией культуры, включая сектор искусства и объекты наследия.

Региональная и местная культурная политика становится все более важной областью формирования государственной политики, которая регулирует деятельность, связанную с искусством и культурой. Эта область политики понимается как деятельность по стимулированию процессов, правовых действий и институтов, которые способствуют культурному разнообразию и доступности, а также укреплению

[1] KEA European Affairs, Cities are driving new cultural policies [Электронный ресурс] // KEA European Affairs. URL: https://keanet.eu/opinions/cities-are-driving-new-cultural-policies/ (дата обращения: 13.03.2022).

и поддержке художественного, этнического, социолингвистического, литературного и другого выражения или наследия всех людей в конкретной территориальной области.

Чтобы не быть похожими друг на друга, города отождествляются на основании собственной идентичности, истории и культуры. Особенно города, являющиеся столицами, олицетворяющими страну с ее неповторимой индивидуальностью. Вопросы «культурной автономии» и «культурного брендинга» или содействия социально-экономическому развитию города или региона через актуализацию культурных учреждений или традиций стали привлекать внимание экспертов и политиков. Региональную и местную культурную политику также рассматривают как стратегию или набор инструментов, нацеленных на то, чтобы дать людям возможность развивать свои творческие таланты и гражданственность, помогая тем самым воплотить идеал демократических обществ в реальность. Эта концепция, основанная на историческом опыте и политических реформах за последние столетия, подразумевает наличие системы местного или регионального управления, посредством которого люди имеют реальные шансы получить доступ к процессам принятия решений и улучшить свое благосостояние[1].

Местные органы власти выполняют конкретные функции в области культуры, установленные законодательством страны, в котором определены задачи по предоставлению услуг с особым вниманием к библиотекам, поддержкой кинотеатров и организаций исполнительского искусства, охраной культурного наследия и поддержкой культурной деятельности местного сообщества. В ряде стран действуют национальные или региональные законы и нормативные акты, касающиеся территориального планирования и охраны местного наследия.

Культурная политика Нур-Султана

Одним из наиболее значимых событий, подтверждающих суверенность Казахстана, является строительство новой столицы Нур-Султана. В 1997 г. столица Казахстана по инициативе Н. А. Назарбаева [2, с. 123] была перенесена из Алма-Аты, которая на казахском языке называется Алматой, в Астану (до 1961 г. — Акмолинск, 1961–1992 гг. — Целиноград, 1992–1998 гг. — Акмола, 1998–2019 гг. — Астана). Решение о переносе столицы страны из Алматы в Астану (до 5 мая 1998 г. — Акмола[2]) было принято 6 июля 1994 г.[3] в ходе строительства национального государства. Причиной этого решения стало неравномерное распределение населения, которое было сосредоточено в основном на юге и юго-востоке страны, а также функциональная необходимость перемещения административных структур в географический центр страны с развитой инфраструктурой, расположенный на пересечении транспортных магистральных путей. В 1999 г. по решению ЮНЕСКО столица Казахстана получила звание «город мира». С 2000 г. главный город Казахстана является членом Международной ассамблеи столиц и крупных городов[4].

После того как Н. А. Назарбаев 19 марта 2019 г. подал в отставку с поста главы государства, столица Казахстана была названа его именем, так как первого президента Республики Казахстан по праву считают отцом-основателем и, по сути, «главным архитектором» столицы Казахстана[5]. Нур-Султан расположен в северо-центральной части страны, вдоль реки Ишим, на стыке Трансказахстанской и Южно-Сибирской железных дорог[6] и имеет отдельную административную структуру. Территория Нур-Султана 797,33 м^2, численность населения 1 239,9 чел.[7] Своеобразие Нур-Султана определяется его географией,

---

1 Compendium, Regional and Local Cultural Policies [Электронный ресурс]. URL: https://www.culturalpolicies.net/database/regional-and-local/ (дата обращения: 23.12.2021).

2 *Акмола* означает «белая могила».

3 Именно поэтому 6 июля в Казахстане считается Днем столицы.

4 Акимат города Нур-Султан, 2019. [Электронный ресурс] // Единая платформа интернет-ресурсов госорганов GOV.KZ. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/astana?lang=ru (дата обращения: 21.11.2021).

5 О переименовании города Астаны — столицы Республики Казахстан в город Нур-Султан — столицу Республики Казахстан : указ Президента Республики Казахстан № 6. 23.03.2019 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-pereimenovanii-goroda-astany-stolicy-respubliki-kazahstan-v-gorod-nur-sultan-stolicu-respubliki-kazahstan (дата обращения: 13.03.2022).

6 Encyclopaedia Britannica [Электронный ресурс]. URL: https://www.britannica.com/place/Nur-Sultan (дата обращения: 13.03.2022).

7 Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан [Электронный ресурс] // Единая платформа интернет-ресурсов госорганов GOV.KZ. URL: https://stat.gov.kz/region/268012 (дата обращения: 13.03.2022).

исторической структурой, элементами культурного наследия, экономической и социальной структурой, которые формируют идентичность города.

Нур-Султан — быстрорастущий город с широкими возможностями, современной архитектурой, средоточием передовых идей и одновременно с богатым прошлым и культурным наследием, где переплетаются европейская и восточная культуры, способствуя открытости и дружелюбию горожан. Анализ мирового опыта показывает, что развитые города всех государств не только решают экономические и стратегические задачи, но и играют важную роль в сфере культуры, способствуют социальной стабильности, формированию системы ценностей и ее преемственности, патриотизма и национальной идентичности. Так, например, в Сиднее признание культуры местных жителей города является важной целью городской политики, в Лондоне культурная деятельность занимает важное место в школьном образовании, в Париже культурная политика является приоритетной областью экономического развития, в Шанхае культура рассматривается как источник социальной сплоченности и стабильности в период быстрых экономических и социальных изменений [6, p. 60–61].

Богатая и яркая культурная среда — один из косвенных способов достижения успеха в экономике. В этом смысле главная цель городских административных работников и общественности заключается в создании образа города в сознании людей, в котором было бы удобно жить и куда хотелось бы возвращаться. Этому способствует брендинг города, суть которого заключается в поиске уникальности местности, которая способствовала бы привлечению инвестиций, помогала конкурировать на рынке, одновременно обеспечивая достойное качество жизни горожан.

Поддержка баланса интересов государства, общества и личности в динамично развивающихся процессах в сфере культуры является наиболее оптимальным принципом культурной политики стабильного и успешного государства. В данном контексте лидеры, строящие новую нацию, в первую очередь пытаются акцентировать внимание на тех позитивных исторических событиях, которые могут служить основой для объединения народа. И важное место в этом процессе играет столица государства, поэтому первый президент Казахстана Нурсултан Назарбаев был заинтересован в обеспечении развития инновационных проектов Нур-Султана с акцентом на формировании гражданской, а не этнической модели национального сообщества для установления межэтнической стабильности в обществе.

Формирование новой национальной идентичности в Казахстане, кардинальные перемены в государственном строительстве требовали внедрения и развития в обществе новых символов и примеров, достойных для подражания. Перед Н. Назарбаевым стояла задача объединения страны, разделенной демографически и культурно на «русский север» и «казахский юг», чтобы превратить Казахстан в страну, которую примут все граждане. Политика, проводимая в Казахстане по сплочению нации, называется «гражданским национализмом», подчеркивающим важность определенного этнического элемента[1]. Гражданский национализм представляет собой попытку достичь культурно однородной, единой группы, которая «находится в определенных уже существующих политических границах». То есть предполагает, что члены одного и того же политического сообщества — «нации» — должны быть лояльными по отношению к государству, гражданами которого они стали, знать язык, который в этом государстве признан официальным, разделять набор культурных ценностей, которые признаются в этом государстве базовыми. В то же время они могут сохранять свою этническую идентичность, говорить на родном языке, исповедовать свою этническую религию [4, с. 64].

В контексте этой политики перенос столицы из Алматы на юге в Акмолу на севере служит важным целям. Во-первых, перемещение столицы с юга на север было вызвано угрозами безопасности. Во-вторых перенос столицы укрепил геополитическое положение Казахстана, так как Нур-Султан расположен в центре Евразийского континента, соединяя в себе европейские и азиатские традиции. Нур-Султан воспринимается как город, который казахи построили сами с независимой волей. Хотя Алматы красив с точки зрения архитектуры и окружающей среды, но он был построен советскими инженерами без учета казахской специфики. В Нур-Султане левая сторона реки Есил, которая проходит через центр города,

[1] *Ametbek D.* Kazak Ulusal Kimliğinin İnşasında Yeni Başkent Astana'nın Önemi [Электронный ресурс] // Ankasam.org. URL: https://ankasam.org/kazak-ulusal-kimliginin-insasinda-yeni-baskent-astananin-onemi/ (дата обращения: 13.03.2022).

была полностью заново спроектирована Назарбаевым и повсеместно содержит казахские национальные символы. В-третьих, Назарбаев пытался подчеркнуть «степное измерение» в казахской национальной идентичности, потому что степь означает «казах»[1].

Архитектурно-пространственная среда оказывает существенное влияние на мировоззрение общества, поэтому существовавший архитектурный «арсенал» страны, олицетворяющий прошлую советскую эпоху, по замыслам казахстанских руководителей, необходимо было привести в соответствие с новыми ценностными представлениями. Генеральный градостроительный проект был разработан Кишо Куракава с привлечением российских и казахстанских архитекторов. К началу XXI в. город был разделен на семь планировочных районов, два из которых входят в транспортное кольцо центра, три основные линии, а восемь направлений связывают его со всей окружающей средой. На этом этапе основное внимание уделялось художественным образам, воплощенным в архитектуре: выявились как авторские позиции архитекторов, так и политическая воля президента, непосредственно курировавшего практически всю строительную эпопею. Примером поиска новой идентичности в архитектуре города первых лет строительства стали отсылки к изображению государственного флага Казахстана [10, p. 376].

Одним из ключевых аспектов высокой конкурентоспособности Нур-Султана выступает современная высокотехнологичная культурная инфраструктура столицы, где сконцентрированы объекты культуры республиканского уровня, включающие шесть театров[2], семь музеев[3], двадцать пять библиотек, семь кинотеатров, девять концертных организаций, цирк, четырнадцать парков культуры и отдыха, храмы, соборы, мечети[4], галереи, два зоопарка и другие[5]. Театр оперы и балета «Астана Опера», а также креативные общественные пространства, такие как Astana Ballet, Казахконцерт, Национальный музей Республики Казахстан, дают возможность Нур-Султану быть современной площадкой с целью интернационального сплочения общества посредством художественных смыслов.

Яркий пример синтеза европейских и восточных мотивов с использованием принципов организации пространства мобильного типа жилища представлен в архитектурно-художественном убранстве столичного театра оперы и балета «Астана Опера». Здание спроектировано в рамках классической архитектуры европейского стиля, только в дизайне интерьера, деталях архитектуры и скульптурной пластике использована национальная тематика.

Когда исследуются социокультурные и политические аспекты музеологии, становится очевидным, что это один из основных институциональных инструментов политики культурного возрождения, которой следовал Казахстан при восстановлении своей национальной идентичности после обретения независимости. Видно, что новая администрация Казахстана, пытаясь стереть следы коммунистической эпохи, использует музеи как инструмент для распространения своей идеологии в процессе становления независимого государства, написания новой истории и создания национальной идентичности. Видно, как институты, прославляющие историю Казахстана и рассказывающие казахскому народу о том, что у него есть прошлое, которым можно гордиться, вносят важный вклад в восстановление казахстанской национальной идентичности. В то же время существенная часть музейной экспозиции посвящается русскому этносу и этническим меньшинствам, что подтверждает факт признания мультикультурной среды и полиэтнической структуры в Казахстане. Как и в какой степени различные культуры и идентичности смогут стать частью формирующейся казахстанской национальной идентичности, является одним из

---

1 *Ametbek D.* Kazak Ulusal Kimliğinin İnşasında Yeni Başkent Astana'nın Önemi [Электронный ресурс] // Ankasam.org.URL: https://ankasam.org/kazak-ulusal-kimliginin-insasinda-yeni-baskent-astananin-onemi/ (дата обращения: 13.03.2022).

2 Астана Опера, Театр кукол, Астана Балет, Казахский драмтеатр имени К. Куанышбаева, Государственный академический русский театр драмы им. М. Горького, Национальный театр оперы и балета им. К. Байсеитовой.

3 Национальный музей Республики Казахстан, Музей-центр современного искусства «Куланши», Военно-исторический музей, Музей первого президента Республики Казахстан, Государственный музей им. С. Сейфуллина, Атамекен — макетная карта Казахстана, Акмолинский лагерь жен изменников родины — «АЛЖИР».

4 Мечеть Хазрет Султан, Мечеть Нур Астана, Синагога Бейт Рахель в Нур-Султане, Константино, Еленинский собор, Приход Матери Божией Неустанной помощи в Нур-Султане, Кафедральный Успенский собор.

5 О Концепции культурной политики Республики Казахстан : указ Президента Республики Казахстан от 4 ноября 2014 года № 939 [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан Adilet. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000939 (дата обращения: 13.03.2022).

основных факторов, определяющих будущую социальную и политическую стабильность Казахстана [5, p. 90, 93, 104].

В данном контексте представляется важным положение закона «О культуре», в котором говорится, что театральные организации, обладающие всеми правами, обеспечивающими реальную свободу творческой деятельности, пользуются независимостью в выборе художественных направлений, репертуара и принятия решений о публичном исполнении спектакля, в создании и популяризации сценических произведений, а также осуществляют действия, необходимые для эффективного творческого и производственного развития[1].

Тем не менее главные смысловые объекты в виде президентского дворца «Акорда», монумента «Байтерек» и торгово-развлекательного центра «Хан Шатыр», символизирующие казахстанскую государственность, остались композиционными доминантами пространства. Из этой триады выделяется монумент Байтерек, представляющий собой современную интерпретацию стиля хай-тек, не имеющую отношения к национальным кодам сознания. Высота монумента составляет 97 м, что символизирует год переноса столицы Казахстана из Алматы в Астану (нынешний Нур-Султан). Конструкция из стали и цельного прозрачного стекла с золотым шаром наверху больше похожа на хрустальную вазу. Однако в основе этого памятника лежит хорошо известный казахам мифологический сюжет языческого происхождения из глубин предыстории кочевников. В нем рассказывается о том, как легендарная птица Самрук кладет на вершину древа жизни Байтерек (в переводе с казахского «тополь», мировое дерево) золотое яйцо (солнце), корни которого уходят глубоко в недра земли, в королевство Айдахар. Дракон Айдахар съедает яйцо, а птица возвращает его в крону дерева. Как видим, миф символизирует широко распространенную в мировой культуре систему тройственного устройства мироздания, а также бинарные оппозиции (день-ночь, жизнь-смерть). Следует отметить, что коллективное бессознательное сохранило в генетических кодах казахов следы древних представлений о пространственно-временном устройстве мира, что находит прямое отражение в искусстве и художественном творчестве в целом. В этом случае Байтерек выступает как пространственная ось обновления страны, потому что «национальное строительство» молодого государства происходит в реальном времени. Тенгрийское происхождение архитектурного образа — символическая связь времени. Таким образом, легенда, миф, история — вот факторы, которыми руководствовались дизайнеры, строя город практически с нуля. Форма архитектуры ориентирована на современность; он целиком относится к настоящему, но смысловая нагрузка открывается, когда человек получает информацию о его символической основе. В мировой практике известен такой подход в поисках национальной и региональной идентичности [10, p. 377].

Европейская архитектурная классика для Казахстана не чуждый элемент, так как европейские и связанные с ними российские культурные коды вошли в казахстанскую действительность достаточно давно. В конце XVIII — начале XIX вв. началось активное освоение казахских земель Российской империей, что привело сначала к строительству военных укреплений, а затем и к строительству на их основе городов. Стилистические принципы русской версии классицизма и модерна воплотились в пространстве степного края. Таким образом, европейские традиции классической архитектуры уже были связаны с самобытностью урбанизированных территорий Казахстана к началу XX в. В этом плане неоклассицизм в современной архитектуре Нур-Султана не удивителен. Синтез евразийских архитектурных традиций использован в образе главного композиционного акцента площади — Акорды (резиденции). В композиции явно доминируют классическая европейская ансамблевая архитектура XVIII в. и особенности мемориальных и культовых построек Средней Азии (в частности Казахстана) в форме купола [Там же, p. 378].

В свою очередь, архитектура торгово-развлекательного центра Хан Шатыр вобрала в себя все кочевые культурные коды сознания; он содержит не только казахскую кочевую форму, но и обобщенный образ кочевого мира. Хан Шатыр — часть пространственного представления власти: Акорда — резиденция президента, Байтерек — символическая ось из глубин истории кочевников, а Хан Шатыр — царский шатер, подаренный главой государства народу.

[1] О культуре : закон Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30.12.2020). С. 18 [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30081960 (дата обращения: 13.03.2022).

Среди других уникальных архитектурных сооружений столицы Казахстана, формирующих казахстанскую идентичность, можно назвать Дворец мира и согласия, спроектированный известным британским архитектором Норманом Фостером и выполненный в форме пирамиды, Дворец независимости, а также церкви, мечети и другие храмы, играющие важную роль в осознании личности в принадлежности к той или иной культуре, которая являются частью общей казахстанской культуры, формирующей казахстанскую идентичность. Следует отметить, что в городе Нур-Султане деятельность культурно-досуговых учреждений осуществляется за счет средств государственного бюджета или организации-учредителя, а также на основе частичной и полной самоокупаемости, самофинансирования и за счет индивидуальных, коллективных членских взносов[1].

Перспективным направлением деятельности культурной политики является формирование историко-культурных памятников мирового наследия, к которым относятся курганы Тасмолинской культуры, могильники Бегазы-Дандыбаевской культуры и некоторые другие, а также присоединение страны к международному проекту «Новый Шелковый путь», предполагающему кардинальное обновление транспортной инфраструктуры страны.

В столице Казахстана в 2010 г. прошел исторический саммит ОБСЕ, состоялись юбилейные саммиты Шанхайской организации сотрудничества и Организации исламского сотрудничества. В начале 2011 г. столица республики принимала участников и гостей VII зимних Азиатских игр.

Большие возможности в продвижении культурного имиджа казахстанской столицы предоставила Международная специализированная выставка «ЭКСПО-2017», проходившая в Астане, в рамках которой были показаны шедевры национального и мирового музыкального, танцевального, театрального искусства в исполнении казахстанских артистов. Выстроенные в рамках выставки павильоны расширили инфраструктуру столицы и успешно используются на благо города.

Нур-Султан как столица многое значит для развития государства, сплочения его граждан, формирования национальной идентичности. Однако для продвижения своего имиджа в мире необходимо выходить за границы государства и оказывать влияние на международное развитие. Так, индекс Good Country Index измеряет, какой вклад каждая страна вносит в развитие планеты и всего человечества посредством своей политики и международной деятельности. По данным за 2020 г., Казахстан занимает по общим показателям 106-е место, а по глобальному вкладу в области культуры — 119-е место[2]. Good Country Index фокусируется на том, что страны делают для человечества, а не на том, что они делают в пределах своих границ. На данный момент видно, что вклад Казахстана в мировом масштабе незначительный.

Заключение

Результаты исследования свидетельствуют о том, что культурные и политические отношения взаимно обусловлены, поскольку невозможно исключить культурный аспект, когда речь идет об управлении городом. Мы можем видеть отражение общественного сознания в архитектурном облике столицы Казахстана, ставшей символом национального государства. Идентичность жителей Нур-Султана формируется под влиянием синтеза исторической традиции казахского народа с культурными ценностями этносов, проживающих в столице государства. Архитектура города, сформировавшаяся после обретения городом статуса столицы, в облике которой воплотились мифы и легенды, отражает стиль исторического прошлого казахского народа. Можно сказать, что столица Казахстана является не только политическим, экономическим и туристическим центром страны, но и ее национальным брендом. Вместе с тем в стране проводится политика по созданию условий для развития культур тех народов, которые проживают на территории Казахстана. Политическая стабильность в мультикультурном государстве невозможна без создания равноправных условий для всех граждан.

---

[1] Управление культуры и спорта города Нур-Султан [Электронный ресурс] // Единая платформа интернет-ресурсов госорганов GOV.KZ. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/nur-sultan-madeniet?lang=ru (дата обращения: 13.03.2022).

[2] Good Country Index [Электронный ресурс] // The Good Country. URL: https://index.goodcountry.org/ (дата обращения: 13.03.2022).

В то же время каждая страна заинтересована в осуществлении такой культурной политики, которая обеспечивает преемственность. Как показывает современный опыт разных стран, успешная реализация культурной политики возможна через локализацию в культуре, которая предполагает возрастание влияния крупных городов в развитии национальной культуры, сплочении граждан. В современном глобальном мире государства остаются главными субъектами мирового развития, поэтому можно сказать, что управление миром начинается со страны, а управление страной начинается с города, в котором выстраиваются общественно-политические отношения, переносимые на государственный уровень, и создается национальная идентичность. Нур-Султан показывает пример в формировании казахстанской национальной идентичности, выполняя, таким образом, важнейшую политическую функцию.

Литература

1. *Викторович Н. В.* Реализация культурной политики на муниципальном уровне: проблемы и перспективы // Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 400–403.
2. *Назарбаев Н. А.* Эра независимости. Астана, 2017.
3. *Ревина Е. В.* Мультикультурный город как пространство национальной идентичности : диссертация на соискание ученой степени к. филос. н. / Южно-Российский государственный технический университет. Ставрополь, 2009.
4. Этнический и гражданский национализм: противоположность или единство? // Панорама Евразии. 2012. № 1 (9). С. 63–68.
5. *Aydıngün A.* Kazakistan'da Tarihi Canlandıran ve Milli Kimliği İnşa Eden Müzeler (Музеи, строящие национальную личность и воскрешающие историю в Казахстане) // Bilig. Spring 2007. № 41. P. 89–108.
6. İstanbul Tarih ve Kültür / ed. Bozlağan R., Yılmaz N., Yılmaz M. İstanbul : Marmara Belediyeleri Birliği, 2011.
7. *Papazoglou G. E.* Society and Culture: Cultural Policies Driven by Local Authorities as A Factor in Local Development — The Example of the Municipality of Xanthi-Greece // Heritage. 2019. No. 2. P. 2625–2639.
8. *Smith A. D.* National Identity. London : Penguin Books, 1991.
9. *Şimşek U., Ilgaz S.* Küreselleşme ve Ulusal Kimlik // Atatürk Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi // 2010. No. 9. P. 189–199.
10. *Truspekova K. K., Galimzhanova A. S., Glaudinova M. B.* National Identity and Architecture of Nur-Sultan // Humanities & Social Sciences Reviews. 2019. Vol. 7. No. 5. P. 374–386.
11. World Urbanization Prospects: The 2018 Revision / ed. by United Nations Publications United Nations, New York, 2019.

Об авторе:

Кок Севги, исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
kok.sevgi@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7209-0461

References

1. Viktorovich N. V. Realization of cultural policy at the municipal level: problems and prospects // Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration. 2017. V. 6. No. 3 (20). P. 400–403. (In Rus.)
2. Nazarbaev N. A. The era of independence. Astana, 2017. (In Rus.)
3. Revina E. V. A multicultural city as a space of national identity: dissertation for the degree of PhD in Philosophy / South Russian State Technical University. Stavropol, 2009. (In Rus.)
4. Ethnic and civic nationalism: opposition or unity? // Panorama of Eurasia [Panorama Yevrazii]. 2012. No. 1 (9). P. 63–68. (In Rus.)
5. Aydıngün A. Museums building a national personality and resurrecting history in Kazakhstan // Bilig. Spring 2007. No. 41. P. 89–108. (In Turk.)

6. Istanbul History and Culture / ed. By Bozlağan R., Yılmaz N., Yılmaz M. İstanbul : Marmara Belediyeleri Birliği, 2011. (In Turk.)
7. Papazoglou G. E. Society and Culture: Cultural Policies Driven by Local Authorities as A Factor in Local Development — The Example of the Municipality of Xanthi-Greece // Heritage. 2019. No. 2. P. 2625–2639. (In Turk.)
8. Smith A. D. National Identity. London : Penguin Books, 1991.
9. Şimşek U., Ilgaz S. Globalization and National Identity / Atatürk Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. 2010. No. 9. P. 189–199. (In Turk.)
10. Truspekova K. K., Galimzhanova A. S., Glaudinova M. B., National Identity and Architecture of Nur-Sultan // Humanities & Social Sciences Reviews. 2019. Vol. 7. No. 5. P. 374–386.
11. World Urbanization Prospects: The 2018 Revision / ed. by United Nations Publications United Nations, New York, 2019.

About the author:

Kok Sevgi, Researcher of St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation);
kok.sevgi@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7209-0461

DOI 10.22394/2073-2929-2022-02-118-129

Два взгляда на одну проблему: Евразийский проект и «Один пояс — один путь»

Ху Янъли[1], **Плебанек О. В**.[2,] *,
[1] Яньчэнский педагогический институт, Яньчэнь, Китайская Народная Республика
[2] Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
* plebanek@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/ 0000-0002-0184-7188

РЕФЕРАТ

В статье сопоставляются теоретические основания этнокультурной политики в Евразийском регионе.

Цель. Цель, поставленная авторами, заключается в сравнении двух подходов в теории социальной динамики, на основе которой строится этнокультурная политика современных государств региона — России (СССР) и Китая.

Задачи. Выявление принципиальных различий в геополитических стратегиях, разработанных теоретиками евразийства и китайскими учеными.

Методология. В контексте реализации этой задачи — сравнение методологических оснований реальных политических проектов в евразийском пространстве, посредством логического анализа устанавливаются различия в теориях геополитической динамики, предложенной в евразийской концепции и в китайской науке. Метод сравнительного анализа этнокультурной и этно-экономической политики в Евразийском регионе двух наиболее влиятельных держав позволяет сделать вывод об адекватности реальным геополитическим процессам альтернативных теоретических концепций и их парадигмальных ограничений.

Результаты. Исследование показало, что концепция евразийской геоцивилизации, формировавшаяся как преодоление ограничения славянофильской версии российской цивилизации в условиях краха традиционных подходов в социальной теории и в контексте исторических коллизий начала XX в., имела позитивный потенциал, частично реализовавшийся в политике Советского государства. Но концептуальные ограничения, заложенные неадекватной теоретической базой — существующей на то время теорией цивилизаций, не позволили завершить формирование единого евразийского культурного пространства. Евразийское единство в лице Советского Союза скреплялось институциональными средствами, но не реализовалось как культурный синтез. Китайскими учеными был предложен альтернативный проект интеграции евразийского пространства «Один пояс — один путь», который начал реализовываться уже в XXI в. Этот проект строится на основе марксистской теории и концепций второй половины XX в., комплиментарных марксизму или являющихся неомарксистскими.

Выводы. Незавершенность и неустойчивость евразийского проекта в советской версии является следствием ограничений, заложенных в самой геополитической теории, не учитывающей позитивного потенциала марксистской теории и социальных концепций, разрабатывавшихся во второй половине XX в. Китайские ученые используют научный потенциал евразийства в интерпретации российского менталитета и рассматривают политику современной России сквозь призму евразийских коннотаций, но евразийство как геополитическая теория, по их мнению, не прошло проверки историей. Поэтому в основе китайской политики в евразийском пространстве положены другие теоретические основания — помимо классического марксизма, неомарксистские подходы. Китайские авторы заключают в связи с этим, что Россия все еще стоит перед проблемой выбора геополитической стратегии, что, в свою очередь, связано с парадигмальной неопределенностью российской науки.

Ключевые слова: цивилизационная динамика, евразийство, региональная этнополитика, «Один пояс — один путь», межкультурные взаимодействия, культурная идентичность
Для цитирования: *Ху Янъли, Плебанек О. В.* Два взгляда на одну проблему: Евразийский проект и «Один пояс — один путь» // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 2. С. 118–129.

Two Views on One Problem: The Eurasian Project and "One Belt — One Road"

Hu Yanli[a],**Olga V. Plebanek**[b,] *
[a] Yancheng Pedagogical Institute, Yuncheng City, People's Republic of China
[b] University at the Interparliamentary Assembly of the EurAsEC; Saint Petersburg, Russian Federation;
* plebanek@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/ 0000-0002-0184-7188

ABSTRACT
The article compares the theoretical foundations of ethno-cultural policy in the Eurasian region.
Aim. The goal set by the authors is to compare two approaches in the theory of social dynamics, on the basis of which the ethno-cultural policy of the modern states of the region — Russia (USSR) and China — is based.
Tasks. Identification of fundamental differences in the geopolitical strategies developed by the theorists of Eurasianism and Chinese scientists.
Methods. In the context of the implementation of this task — a comparison of the methodological foundations of real political projects in the Eurasian space, through logical analysis, differences are established in the theories of geopolitical dynamics proposed in the Eurasian concept and in Chinese science. The method of comparative analysis of ethno-cultural and ethno-economic policies in the Eurasian region of the two most influential powers allows us to conclude that alternative theoretical concepts and their paradigmatic limitations are adequate to real geopolitical processes.
Results. The study showed that the concept of Eurasian geocivilization, which was formed as overcoming the limitations of the Slavophile version of Russian civilization in the context of the collapse of traditional approaches in social theory and in the context of historical collisions of the early twentieth century, had a positive potential, partially realized in the policy of the Soviet state. But the conceptual limitations imposed by the inadequate theoretical basis — the theory of civilizations existing at that time — did not allow the formation of a single Eurasian cultural space to be completed. The Eurasian unity represented by the Soviet Union was consolidated by institutional means, but it was not realized as a cultural synthesis. Chinese scientists have proposed an alternative project for the integration of the Eurasian space — the "One Belt — One Road", which began to be implemented already in the XXI century. This project is based on Marxist theory and concepts of the second half of the twentieth century, complimentary to Marxism or being neo-Marxist.
Conclusions. The incompleteness and instability of the Eurasian project in the Soviet version is a consequence of the limitations inherent in the geopolitical theory itself, which does not take into account the positive potential of Marxist theory and social concepts developed in the second half of the twentieth century. Chinese scientists use the scientific potential of Eurasianism in interpreting the Russian mentality and consider the politics of modern Russia through the prism of Eurasian connotations, but Eurasianism as a geopolitical theory, in their opinion, has not passed the test of history. Therefore, Chinese policy in the Eurasian space is based on other theoretical foundations — in addition to classical Marxism, neo-Marxist approaches. The Chinese authors conclude, in this regard, that Russia is still facing the problem of choosing a geopolitical strategy, which in turn is due to the paradigmatic uncertainty of Russian science.
Keywords: civilizational dynamics, Eurasianism, regional ethnopolitics, "One Belt — One Road", intercultural interactions, cultural identity

For citing: Hu Yanli, Plebanek O. V. Two Views on One Problem: The Eurasian Project and “One Belt — One Road” // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2022. Vol. 16. No. 2. P. 118–129.

Введение

2021 г. XXI в. — символический рубеж, заставляющий осмыслить актуальные социальные трансформации и современные социальные процессы на двух уровнях, сопоставив их с макротеориями, на основании которых предполагалось строить социальные проекты. В 2021 г. исполнилось сто лет не только со времени образования Коммунистической партии Китая, идеология которой определила развитие и политику страны в долгосрочной перспективе. Тогда же началось становление идеологии и организационной деятельности евразийства в среде молодых российских ученых, эмигрировавших в годы Гражданской войны из молодой Советской Республики (Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский и др.).

Подходы в социально-историческом знании в российской и китайской науке

В данной статье представлен китайский взгляд на формирование связей между нациями в едином евразийском геополитическом пространстве.

В российском научном сообществе получили распространение два подхода к верификации макросоциальной динамики: формационный подход, согласно которому общества развиваются в ходе смены исторических эпох и их динамика детерминирована сменой социально-экономических структур, и цивилизационный подход, согласно которому государства в своем развитии зависят от интегрально выраженной цивилизационной специфики. Социально-политическая концепция евразийства, в свою очередь, ориентировалась на поиск альтернативного пути развития «России — Евразии», о чем подробно было изложено в недавно вышедшей книге «Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиною в век» [18].

Евразийство китайские ученые начали исследовать примерно с 1992 г., в этом году опубликована статья «Евразийство» на китайском языке — перевод статьи русского ученого П. Н. Савицкого [17, с. 68–72]. С этого времени Цзя Цзэлинь, Линь Шан, Сяо Бин, Бао Шифэнь и другие китайские ученые стали переводить труды евразийцев и вести самостоятельные исследования евразийского учения, начиная преимущественно с обзоров литературы в статьях и диссертационных исследованиях. Большинство китайских ученых (Чэнь Сюньмин, Су Жуйсюэ, Ву Юйсин, Сяо Цзиньбо и др.) сосредоточили внимание на выявлении причин возникновения евразийства. Китайские авторы разделяли евразийское движение на три этапа:

– классическое (1920-е — конец 1930-х гг.);

– гумилевское (китайские авторы относят его к концу 1930-х гг., когда под влиянием стали формироваться евразийские взгляды Л. Н. Гумилева);

– неоевразийство (с начала 1990-х гг.).

Китайские авторы рассматривают евразийство как одно из трех основных течений социально-политической мысли, наряду со славянофильством (в России) и атлантизмом (в англосаксонском мире). Евразийские исследования оказали влияние на китайских исследователей (Ян Миньминь, Ли Яцзюнь, Тан Шуай) русской художественной культуры, которые отмечают, что евразийское самосознание определяет и художественное мышление русских [12, с. 117]. Ян Миньминь в своем исследовании творчества А. С. Пушкина «Евразийское сознание в творчестве Пушкина» указывает, что уникальное географическое положение России оказало глубокое влияние на ее историческое движение и мышление народа, и его специфическое содержание можно проследить уже в поэзии основоположника русской литературы. Китайский ученый разделяет мысль евразийцев в том, что Россия является цивилизацией, отличной от атлантической и тихоокеанской, и что «нельзя слепо следовать за Западом, необходимо избрать путь интеграции восточной и западной культур» [27, с. 68]. Однако другие авторы, Ли Яцзюнь и Тан Шуай, не считают евразийство принципиально отличным от атлантизма и славянофильства и отмечают, что на

самом деле евразийство, как и славянофильство, и атлантизм в российской истории, является не чем иным, как попыткой самоидентификации России. За исключением того, что перспектива евразийства основана на подчеркивании особой геополитической основы трансъевразийского континента России [13, с. 118].

Евразийство: взгляд из Китая

Китайские ученые сосредоточены, как отмечалось выше, на исследовании причин возникновения евразийства, его исторических предпосылках, на биографии основных представителей, а также они оценивают влияние евразийства как политического проекта в России. Главная ценность евразийства, считают китайские авторы, заключается в его уникальной культурной перспективе, а также в наследовании и развитии российских исторических, культурных и идеологических традиций. Но критикуют его в том, что с самого начала основания евразийства и до настоящего времени ему не хватало цельности и не было создано признанной единой и полной теории [20, с. 92]. Евразийство само по себе не является завершенной теорией, утверждает Бай Вэньчан, «оно похоже на грезу (мечту о социальном идеале), возникающую в ответ на ситуацию», тем не менее многие из его идей (евразийства) и методов исследования развития русской культуры заслуживают упоминания и принятия будущими поколениями [3, с. 106].

Как уже сказано, китайские исследования евразийства сосредоточены на истории учения и личностях его авторов, но вместе с тем евразийское понимание российской специфики проникло в сферу исследований современных политических процессов. В последние годы некоторые ученые выдвинули идею анализа деятельности современных политических лидеров сквозь призму евразийства. Начало такого подхода было положено Ван Чжэнцюанем, который считает, что идеи Путина отражают многие элементы традиционной русской культуры, среди которых очень четко прослеживаются культурные элементы евразийства [7, с. 58]. С ним согласны Ду Юйпэн и Цзнь Лидун, которые указывают, что такие факторы, как географическое положение, исторические события и религия, являются факторами, определяющими евразийскую культуру, а поэтому и мышление русских людей. Ученые полагают, что В. В. Путин является представителем евразийской культуры [9, с. 57] и влияние евразийских идей в его политической доктрине очевидно. Евразийская интерпретация путинской политики все больше привлекает внимание и стала предметом исследования Пэн Юнцяня, который обобщил китайские исследования евразийской концепции и политические реалии современности в магистерской диссертации «Евразийское мышление Путина и построение Большого Евразийского партнерства» [16].

До сих пор в Китае не ставилась задача теоретического анализа евразийской концепции, и в контексте анализа этой доктрины стоит обратить внимание на то, что в Китае совершенно иначе смотрят на проблему взаимодействия общественных систем. В исследованиях различных форм и тенденций межцивилизационных взаимодействий выделяются два основных подхода: концепция столкновения цивилизаций и концепция интеграции общественных систем. Несмотря на негативное отношение в целом, в китайской науке к цивилизационной парадигме, в XXI в. китайские авторы обращают более пристальное, чем ранее, внимание на цивилизационные концепции, но, рассматривая современные геополитические и социокультурные процессы, китайские ученые редко вдаются в теоретические вопросы, в основном сосредоточиваются на прикладных проблемах, на анализе политической конкретики. При этом наиболее цитируемым автором является С. Хантингтон и его «Столкновение цивилизаций». Китайские ученые в основном критично относятся к «теории столкновения цивилизаций» Хантингтона. Большинство ученых (такие как Чжоу Шаоцин, Дай Цзичэн, Тянь Вэньлинь, Лю Чжиган, Тао Фуюань, Цюань И, Линь Чэнь, Хань Сипин, Ван Сяобин, Цзинь Жуй, Сюй Цзюань, Янь Хэн) считают, что теория столкновения цивилизаций «скрывает гегемонизм, менталитет холодной войны и западный централизм». В понимании Ци Цяньцзинь, Бай Сюе, Цзо Тяньцюань суть теории столкновения цивилизаций заключается в расизме и эта концепция пропагандирует превосходство западной цивилизации. Чжоу Шаоцин[1] в статье «Между

[1] Чжоу Шаоцин — научный сотрудник Института этнологии и антропологии Китайской академии общественных наук. Основные научные интересы: китайская политика и международная политика; администрация и государственное управление.

различными цивилизациями нет конфликта» утверждает, что факты показывают: так называемый конфликт цивилизаций — это не более чем прикрытие истинных интересов западных стран или даже ложь, а то, что скрывается за ним, — «это экономическое разграбление, политическое угнетение и культурная гегемония» [25, с. 1].

В передовице влиятельной китайской газеты «Гуанмин жибао»[1] утверждалось, что «теория столкновения цивилизаций игнорирует исторические законы человеческого развития и прогресса во взаимодействиях между цивилизациями. Вместо этого она классифицирует страны по основным цивилизациям, игнорируя разнообразие и вероятность национальной идентичности. Даже в Соединенных Штатах теория столкновения цивилизаций не выдерживает критики «политической корректности»» [1]. Тянь Девен[2], комментируя книгу Хантингтона, пишет: «Теория столкновения цивилизаций — это ложная теория, которая не предвидит формы международных конфликтов в эпоху после окончания холодной войны и не проясняет общую тенденцию развития в эту эпоху. Кроме того, теория негативна и разрушительна на мировоззренческом уровне, и она оказывает огромное негативное влияние на построение нового мирового политического и экономического порядка» [21, с. 32].

Наиболее распространенную позицию выразил профессор Сюй Чжоуюнь, который подчеркивает, что история человечества изначально является процессом культурной интеграции и культурные контакты неизбежно ведут к культурным обменам. Сюй Чжоуюнь критикует концепцию замкнутых локальных цивилизаций и пишет, что общества «подобны двум встретившимся друзьям, которые обмениваются мнениями во время разговора, при этом они неосознанно принимают некоторые точки зрения другой стороны, но все развивают независимые идеи» [19, с. 197–198]. Китайская версия взаимодействия культур отрицает их конфликтную природу, она может быть названа интегративной концепцией взаимодействия. В исследовании, посвященном макрокультурным процессам, Ли Вэй и Цзян Сидин пишут, что между разными цивилизациями существуют различия, но эти различия не являются первопричиной конфликта, первопричина конфликта коренится в интересах и желаниях различных социальных или этнических групп, а равновесие достигается за счет общения, интеграции и взаимного уважения [Там же].

Обсуждая позицию китайской науки по отношению к концепции евразийства, следует сказать, что в китайской социальной науке не получили распространения цивилизационные теории общественного развития, хотя и позиция классической формационной теории претерпела изменения. В китайской социальной науке положительно восприняли мир-системный подход И. Валлерстайна, которого в западных академических трудах часто называют ученым «новых левых» или «неомарксистом». Современный мир-системный подход представляет собой комплекс, состоящий из трех основных измерений: экономики, политики и культуры. Объектом исследования мировой системы являются уже не отдельные страны, а общая социальная система, состоящая из разных стран в мире. Поскольку объекты его исследований изменились, он не может использовать традиционный метод, но применяет комплексный междисциплинарный подход. Методы исследования, предложенные Валлерстайном, открывают новые возможности для анализа проблем развития стран по всему миру. Китайские авторы считают, что мир-системная теория — это дальнейшее развитие теории мировой истории Маркса в новую эпоху. В противоположность цивилизационному подходу, развивая идеи И. Валлерстайна, в Китае полагают, что формирование мировой системы является неизбежной тенденцией общественного развития. Рассматривая современные западные социальные концепции, китайские ученые указывают, что теория модернизации не учитывает внешние факторы и международные отношения, в то время как теория мировой системы Валлерстайна чрезмерно подчеркивает роль внешних факторов и игнорирует или ослабляет роль внутренних.

---

[1] «Гуанмин жибао» издавалась с 1949 г. как официальный орган Демократической лиги Китая и печаталась в Гонконге, но с 1982 г. стала проводить линию ЦК КПК. С 1992 г. газета имеет свой сайт, являющийся одним из самых посещаемых в мире.

[2] Тянь Девень — доктор юридических наук, заместитель директора Института европейских исследований, заведующий кафедрой европейских исследований школы аспирантуры Академии общественных наук Китая, директор Исследовательского центра марксизма и европейской цивилизации, заместитель председателя обмена аналитических центров и сотрудничества в сети стран Центральной и Восточной Европы в Китае и специальный обозреватель Информационного агентства Синьхуа. Он был заместителем директора Бюро международного сотрудничества Китайской академии общественных наук. Основные направления исследований: политика Китая и международная политика, макроэкономическое управление и устойчивое развитие, реформа экономической системы.

Китайские ученые в основном поддерживают теорию мировой системы Валлерстайна, но есть и другие голоса. Например, Ван Хуа полагает, что недостатки мир-системной теории следующие: во-первых, теория мировых систем увязла в «структурном детерминизме», преувеличивая роль внешних структурных факторов, а обсуждение пути развития конкретных стран лишено присущей им объяснительной силы; во-вторых, теория мировой системы имеет окраску «экономизма» и игнорирует культурные факторы. В теории мировых систем, по мнению Ван Хуа, существует неверное понимание взаимосвязи между экономической и политической системами. Валлерстайн считает, что экономический статус страны определяет ее политический статус. И эта точка зрения противоречит тому, что, например, бывший Советский Союз (Россия) находится в положении мирового гегемона в политическом и военном отношении, но он не может пока войти в состав лидеров в отношении экономики. Ван Хуа считает, что Валлерстайн ошибочно включил социализм в капиталистическую систему и проигнорировал существование социализма [6, с. 74–75]. С ним согласен и другой китайский ученый — Го Шансинь, который также указывает на чрезмерное подчеркивание внешних факторов и игнорирование влияния внутренних факторов на развитие слаборазвитых стран, что является главным теоретическим недостатком мир-системного подхода в валлерстайновских рассуждениях [8, с. 36–38]. Таким образом, евразийская сущность России, на наш взгляд, может быть определена не через принципиально иное содержание культуры России как цивилизации, альтернативной Западу и Востоку, а через культурное взаимодействие. Так же может быть определено положение и других «больших» культур на евразийском континенте — арабского мира, индийского мира, японского мира, китайского и Юго-Восточной Азии — в каком-то смысле (политическом) они все являются оппозицией Западу (в его гегемонистском устремлении). Но все они в той или иной степени являются результатом взаимного проникновения западных элементов культуры в тело автохтонных культур евразийского континента, а также взаимного влияния друг на друга. В этом смысле Турция может быть интерпретирована как не менее евразийская, чем Россия. Но тогда в чем заключается «евразийскость»? Евразийцы категорично выступали против марксистской интерпретации истории, полагая, что интегрирующим началом выступает идеократическое государство, которое и объединяет культуру леса и культуру степи. Социально-экономический подход, к которому принадлежит и теория К. Маркса, и концепция И. Валлерстайна, предполагает, что главная роль принадлежит не пространству, а технологическому фактору. В соответствии с этой теорией Советский Союз построил свою политику индустриализации страны, которая опирается не на эфемерную концепцию «союза леса и степи», а на действенную теорию производительных сил. Евразийство русской культуры заключается лишь в том, что именно Россия, а не Турция или, например, Иран, к которому тяготели среднеазиатские окраины Российской империи, смогла стать интеграционным центром развития производительных сил региона. Но эта позиция может быть утеряна при неверно истолкованном тезисе соотношения идеократии и производительных сил. Во-первых, на роль руководящей идеи не может быть предложена религиозная идея, не разделяемая всем обществом; только гибкая научно обоснованная идея может лежать в основе проводимой политики и в основе национального самосознания. Научно обоснованная — чтобы учитывать реальные и актуальные факторы развития; гибкая, так как наука не догма, она развивается вместе с действительностью. Во-вторых, из научной теории вытекает, что объединяют людей технология и производительные силы. Тот лидер, который сумеет построить инфраструктуру, обеспечивающую развитие всех вовлеченных в процесс, тот и станет центром евразийской системы.

Китайская теория культурных взаимодействий в практике

Научной альтернативой «евразийской грезе» является предложенная правительством КНР концепция объединения евразийского пространства «Один пояс — один путь» (一帶一路一帶一路), которая представляет собой объединение двух инициатив: «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) и «Морской Шелковый путь XXI века». Эти инициативы были выдвинуты Председателем КНР Си Цзиньпином в сентябре-октябре 2013 г. во время визитов в страны Центральной и Юго-Восточной Азии. Этот проект более масштабен, чем предлагаемый евразийцами: он включает такие страны и регионы,

как Восточная Азия, Юго-Восточная Азия, Южная Азия, Западная Азия, Центральная Азия и Центральная и Восточная Европа. Но самое важное заключается не в этом. Интегративным механизмом китайской версии «евразийской грезы» выступает задача построения «сообщества интересов, сообщества ответственности и сообщества единой судьбы», чтобы принести действенную пользу странам-участницам и их народам. Но, в отличие от классической евразийской концепции, в которой основной акцент сделан на религию, и именно православие, китайская концепция евразийства в основу положила принцип, которым руководствовалось правительство Советского Союза.

Инициатива «Один пояс — один путь», отвечающая интересам всех сторон и трендам регионального и глобального сотрудничества, вызвала позитивную реакцию стран-участниц. Ее основой и целью является «сопряжение политических установок, соединение транспортных магистралей, расширение путей для торговли и движения капитала и сближение народов». В процессе реализации этого масштабного проекта Китай на июль 2021 г. подписал более 206 соглашений о совместном строительстве «Одного пояса — одного пути» со 140 странами и 32 международными организациями, расширив географию охвата с евразийского континента до Африки, Латинской Америки, Карибского бассейна, южной части Тихого океана. Более чем с 30 странами установлено институциональное сотрудничество в области наращивания потенциала, что способствует формированию новой модели открытости, на которую и направлена данная инициатива. Эта инициатива была поддержана международным сообществом, и ее положения вошли в текст важных документов и постановлений Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН, в частности в Резолюцию Совета Безопасности ООН № 2344 об укреплении регионального экономического сотрудничества в рамках реализации инициативы «Один пояс — один путь».

Хотя нынешняя глобальная эпидемическая ситуация является мрачной, процесс работы в рамках инициативы «Один пояс — один путь» не остановился. Целый ряд стран присоединился к проекту в 2021 г.: Сан-Томе и Принсипи, Буркина-Фасо, Республика Гвинея-Бисау, Центрально-Африканская Республика подписали меморандум о взаимопонимании по совместной реализации инициативы «Один пояс — один путь». 2 декабря 2021 г. в Пекине состоялся Торгово-инвестиционный форум «Один пояс — один путь», в котором приняли участие более 600 государственных чиновников, представителей бизнес-ассоциаций, известных предпринимателей и представителей соответствующих международных организаций из 77 стран.

Как только была предложена инициатива «Один пояс — один путь», она вызвала бурный отклик среди китайских ученых. В 2014 г. статьи, поддерживавшие эту великую инициативу, публиковались одна за другой. К 2017 г. в китайской авторитетной базе данных CNKI можно было найти 14 397 связанных статей по теме «Один пояс — один путь», в 2017 г. их уже было 18 302; на 30.11.2021 можно было найти 19 570 связанных статей, и исследование показало тенденцию к непрерывному росту.

После того как была предложена инициатива «Один пояс — один путь», китайское правительство немедленно приняло конкретные меры по реализации проекта, такие как создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Фонда Шелкового пути и т. д. 8 ноября 2014 г. председатель КНР Си Цзиньпин объявил, что Китай собирается внести 40 млрд долл. США в Фонд Шелкового пути. 29 декабря того же года Фонд был зарегистрирован в Пекине в форме компании с ограниченной ответственностью. Фонд действует под девизом «Открытость и инклюзивность, взаимная выгода и общий выигрыш» и кредитует средне- и долгосрочные проекты развития. Главным направлением деятельности Фонда является предоставление финансовой поддержки странам-участницам, находящимся в регионе Шелкового пути, в строительстве инфраструктуры, освоении ресурсов, сотрудничестве между производственными отраслями и др. проектами. Отношения Фонда с другими банками развития, имеющими глобальный или региональный многосторонний характер, строятся как взаимодополняющие, а не как подменяющие друг друга. Политика взаимодополнительности, а не смены социально-экономических институтов способствует интегративным процессам, снимая конфликтное напряжение, неизбежно возникающее в зонах «столкновения».

Инициатива «Один пояс — один путь» не только вызвала широкую реакцию среди лидеров, средств массовой информации, ученых и т. д. в различных странах, но и завоевала поддержку большинства

людей. Второй форум Саммита международного сотрудничества «Один пояс — один путь» проходил в Пекине 25–27 апреля 2019 г. Главы государств, правительств и другие лидеры из 37 стран приняли участие в Саммите за круглым столом форума. Президент Швейцарской Федерации, премьер-министр Малайзии, президент Таджикистана, президент Чехии, премьер-министр Италии также похвалили инициативу и выразили поддержку. Инициатива «Один пояс — один путь» — это «очень важный шанс» для всего мира. Широкое пространство для международных инвестиций и сотрудничества сделало инициативу очень важной для расширения возможностей достижения целей устойчивого развития и важной для расширения зеленого будущего [11]. Лидеры Сербии, Кении, Узбекистана, Филиппин, Кипра, Беларуси, Египта, Объединенных Арабских Эмиратов, Вьетнама, Венгрии и Малайзии выразили свою решительную поддержку инициативе и активно участвуют в сотрудничестве[1].

Что касается стран, вовлеченных в проект «Один пояс — один путь», то Монголия, Россия и страны Юго-Восточной Азии и Центральной Азии выказывают более высокое общее признание и заинтересованность в нем; за ними следуют страны Южной Азии и Центральной и Восточной Европы, однако страны Западной Азии и Ближнего Востока относятся к этому проекту более прохладно. И все же инициатива поддержана и признана большинством стран мира. Китай продемонстрировал свою надлежащую роль в качестве крупной страны в глобальной борьбе с новой эпидемией пневмонии, что еще больше повысило международное признание инициативы «Один пояс — один путь» [14, с. 67]. Успешное продвижение проекта не могло не повлиять на позицию критиков. Например, внимание «Асахи Симбун» к инициативе «Один пояс — один путь» сменилось с негативной тенденции освещения инициативы на нейтральную [23]. Основные средства массовой информации Сингапура, особенно средства массовой информации на китайском языке, такие как «Ляньхэцзаобао», как правило, дают положительные отзывы о проекте, и это создало благоприятную общественную среду для участия Сингапура в политике «Один пояс — один путь» [5, с. 43–52]. Пятилетняя история освещения сингапурскими СМИ инициативы «Один пояс — один путь» постепенно развеивает сомнения в том, что в соответствующих странах этот проект завоевывает доверие. Этот проект называется важной и позитивной мерой для руководства мировым развитием [2, с. 53]. Мартин Олброу, член Британской академии социальных наук и инициатор концепции «глобализации», отметил, что инициатива «Один пояс — один путь» является инклюзивной стратегией развития и ее жизнеспособность уже показана, а в постэпидемическую эпоху будет еще значительнее [14].

Соответствующие опросы показали, что среди людей, которые имеют определенное представление об инициативе «Один пояс — один путь», 54% признают ее положительное влияние на региональную и глобальную экономику и более 42% из них считают, что реализация проекта поможет странам и регионам построить инфраструктурные взаимосвязи и будет способствовать инвестиционному и торговому сотрудничеству между странами и регионами вдоль маршрута (40%). Считают, что это перспективное глобальное общественное благо, 36%, и более половины зарубежных респондентов с нетерпением ожидают строительства «Один пояс — один путь», чтобы играть большую роль в бесперебойной торговле, среди них оценка развивающихся стран более позитивна, чем оценка развитых стран[2]. Лидеры большинства стран в Центральной Азии в основном поддерживают более тесное экономическое сотрудничество с Китаем и положительно отреагировали на инициативу «Один пояс — один путь».

Но, как следует из теории, конфликт возникает не на цивилизационных, культурных границах, а в связи с экономическими интересами различных социальных групп. Увеличение числа китайских деловых операций и приток рабочей силы вызвали негативную реакцию в Кыргызстане, Узбекистане, Таджикистане и других странах [15, с. 1–26]. Иранская политика, СМИ и научные круги в основном поддерживают инициативу «Один пояс — один путь», но все еще существуют неопределенности в отношении участия в проекте Ирана, который больше обеспокоен китайско-пакистанским экономическим

[1] Си Цзиньпин отдельно встретился с некоторыми национальными лидерами, присутствующими на Втором форуме Саммита международного сотрудничества «Один пояс — один путь» // Сеть «Синьхуа». 26.04.2019 (习近平分别会见出席第二届“一带一路”国际合作高峰论坛的部分国家领导人, 新华网2019年4月26日).

[2] Отчет о глобальном обзоре национального имиджа Китая за 2019 г. [Электронный ресурс] // Институт современного Китая и мира. URL: http://www.accws.org.cn/achievement/202009/p020200915609025580537 (当代中国与世界研究院 «中国国家形象全球调查报告 2019») (дата обращения: 01.04.2022).

коридором в процессе сотрудничества, отношениями между портами Гвадар и Чабахар, а также вопросами безопасности Цифрового Шелкового пути [22].

Исходя из национальных интересов и идеологических позиций США, которые имеют свои экономические интересы в регионе и которым невыгодно укрепление геополитического конкурента, освещение инициативы «Один пояс — один путь» в «Нью-Йорк таймс» было предвзятым, и многие из них были намеренно неверно истолкованы. Так, газета «Нью-Йорк таймс» попыталась придать инициативе «Один пояс — один путь» негативный оттенок и использовала ее для создания образа Китая, расширяющегося за рубежом [25, с. 138]. «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк таймс» сравнивают «Один пояс — один путь» с «Планом Маршалла» Соединенных Штатов [24], и их риторика колеблется от вопросительной до негативной. Сравнение это недалеко от истины: интегративные процессы основанием имеют экономические структуры, а не метафизическую близость; и в том и в другом случае создается общая система интересов, а конфликт лежит не на границах цивилизаций, а на границах интересов.

Заключение

Сравнивая китайский подход к социокультурным процессам и подход, предложенный российскими учеными в рамках концепции евразийской цивилизации, нам представляются важными следующие положения.

1. Евразийцы полагали, что культуру определяет этно-религиозный фактор. Основой евразийской культуры, полагали они, является славяно-тюркский союз и православная религия, поэтому евразийское государство должно быть теократией.

2. Евразийцы настаивали на замкнутом характере цивилизаций, на которых культурные заимствования оказывают негативное влияние. Такой взгляд согласуется с более поздней концепцией столкновения цивилизаций С. Хантингтона.

3. Они считали, что Россия-Евразия противоположна и Западу (Европе), и Востоку (всем восточным культурам, не только Китаю) и что ее культурное и политическое развитие должно протекать согласно этому положению.

Китайская социальная теория имеет другой взгляд на эти вопросы.

1. Согласно марксистской теории, которая имеет подтверждение историей, культура меняется под воздействием технологического фактора. Европейскую цивилизацию правомерно называют романо-германским миром, так как романский и германский этнический компоненты составляют целостный синтез с единым мировоззренческим христианским основанием, тогда как в России тюркские народы бо̀льшую часть истории были «инородцами», а официальной религией было православие, тогда как ислам был лишь разрешенной религией. Вместе с тем не общая религия, а общие производительные силы образовали советское общество, которое неоевразийцы считали воплощением евразийской культуры.

2. Китайская наука не поддерживает идею конфликта и замкнутости цивилизаций. Проект «Один пояс — один путь» дает достаточно фактов, подтверждающих концепцию позитивных культурных взаимодействий, когда культура Китая проникает в культуры других обществ, обогащая и содействуя развитию народов.

3. Проблема России не в том, что она не Запад и не Восток. Проблема России в том, что ее мыслители пытаются понять Россию через противопоставление Запада и Востока, тогда как понять Россию возможно через осмысление множественности технолого-экономических укладов.

Китайский ученый Ду Юйпэн в своей монографии «Потерянный или возрожденный: Исследование культурных и идеологических веяний российского евразийства» указывает на двойственный характер российской культуры. Но видит эту двойственность иначе, чем это видели евразийцы: «русская культура всегда была запутана в противоречиях между традицией и современностью, локальным и экзогенным, личностью и универсальностью». Он видит причину этой двойственности не в этнокультурном «союзе леса и степи», а в динамике культурных процессов. Он пишет, что «Исторически сложилось так, что российское общество всегда находилось в эпицентре постоянных изменений и преобразований, и, соответственно, культура всегда казалась потерянной в процессе социального развития, что привело к то-

му, что российская нация оказалась в процессе поиска своего особого культурного позиционирования, которое может быть согласовано со всем российским обществом». Профессор Ду Юйпэн считает, что евразийцами не решена проблема российской идентичности и поэтому «Неотложной задачей, стоящей перед Российским институтом культуры и философии, по-прежнему является установление культурной идентичности русской нации с точки зрения философии. Это чрезвычайно сложный и неопределенный мыслительный процесс. Возникновение и трансформация различных культурных тенденций в постсоветскую эпоху в определенной степени подтвердили этот процесс» [10, с. 227].

Литература

1. Абсурдная «Теория столкновения цивилизаций». Гуанминжибао. 16.05.2019, издание-007 (荒唐的"文明冲突论"愚蠢的强权霸道心态. 光明日报. 2019年5月16日.第007版.第1页).
2. Анализ отчетов сингапурских СМИ «Один пояс — один путь» (2013–2017) : магистерская диссертация / Гуансийский университет (新加坡媒体的"一带一路"报道分析---基于《海峡时报》（2013–2017）的研究. 广西大学硕士学位论文. 第53页).
3. *Бай Вэньчан.* Краткий анализ теории российского евразийства // Вестник Института иностранных языков НОАК. 2002 (白文昌. 俄国欧亚主义学说浅析. 解放军外国语学院学报. 2002年. 第106页).
4. *Ван Сюэдун.* Исследование международного признания инициативы «Пояс и путь». Исследование мирового социализма. 2020 (王雪冬."一带一路"倡议的国际认同度研究. 世界社会主义研究. 2020. 第67页).
5. *Ван Ху, Ли Минцзян.* Поддержка, участие и координация: роль Сингапура в реализации инициативы «Один пояс — один путь». Исследование проблем Наньяна. Выпуск 4. 2016 (王虎. 李明江. 支持、参与和协调： 新加坡在实施"一带一路"倡议中的作用. «南洋问题研究» 2016年第4期. 第43–52页).
6. *Ван Хуань.* Краткий анализ теорий мировой системы Валлерстайна. Обучение теорий. 2011 (王欢. 浅析沃勒斯坦的世界体系理论. 学理论. 第75页. 2011).
7. *Ван Чжэнцюань.* Мышление Путина в инициативе евразийства // Газета общественных наук. 2013 (王正泉.普京新谱"欧亚主义". 社会科学报. 第58页. 2003).
8. *Го Шансинь.* Краткий обзор взгляда Валлерстайна на «Мировую систему». Социальная наука Цзянси. 2000 (郭尚鑫. 简评沃勒斯坦的"世界体系"观. 江西社会科学. 2000. 第36页).
9. *Ду Юйпэн, Цзнь Лидун.* Анализ евразийских культурных элементов в мышлении Путина. Теоретическое наблюдение. 2015 (杜宇鹏.秦立东. 普京思想中的欧亚主义文化元素探析. 理论观察. 第57页. 2015).
10. *Ду Юйпэн*. Потерянный или возрожденный: исследование культурных и идеологических веяний российского евразийства. Издательство Хэйлунцзянского университета, Издательство Пекинского университета. 2018.
11. Иностранные лидеры высоко оценили инициативу «Пояс и путь» // Ежедневная газета Китая. 26.04.2019 (中国日报网 2019年4月26日外国领导人对"一带一路"竖起大拇指).
12. *Ли Яцзюнь, Тан Шуай.* Историко-культурный анализ российского евразийства. Русская литература и искусство. 2013 (李雅君. 唐帅. 俄罗斯欧亚主义思潮的历史文化探析. 俄罗斯文艺. 2013. 第117页).
13. *Ли Яцзюнь, Тан Шуай.* Историко-культурный анализ российского евразийства. 2013 (李雅君. 唐帅. 俄罗斯欧亚主义思潮的历史文化探析.俄罗斯文艺. 2013. 第118页).
14. *Мартин Олброу.* Перспективы инициативы «Один пояс — один путь» в постэпидемическую эпоху будут лучше / перевод с англ. Сюй Баофэн. Гуанминжибао. 27.05.2020 (【英】马丁阿尔布劳. 徐宝锋译. 后疫情时代"一带一路"倡议的前景会更好. «光明日报» 2020年5月27日).
15. *Мяо Цзи.* Инициатива «Один пояс — один путь»: управление ожиданиями, избегание рисков и стратегическое реагирование. Всемирный экономический и политический форум. Выпуск 3. 2017 (苗吉：«"一带一路"倡议： 预期管理、风险规避及战略应对» «世界经济与政治论坛» 2017年第3期第1–26页).
16. *Пэн Юнцян.* Мышление евразийства Путина и построение Большого Евразийского партнерства : диссертация магистра / Институт дипломатии. 06.30.2021 (彭永强. 普京欧亚主义思想与大欧亚伙伴关系建构. 硕士学位论文. 外交学院. 2021年6月30日).

17. *Савицкий П. Н.* Евразийство. Серия философских переводов / перевод Фэн Вэнь. 1992 ([俄]萨维茨基. 封文摘译. 欧亚主义. 哲学译丛. 1992年. 第68–72页).
18. Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиною в век (к 100-летию образования СССР и становления евразийства) : коллективная монография / под ред. д. филос. н., проф. И. Ф. Кефели; предисловие академика РАН С. Ю. Глазьева. СПб. : Петрополис, 2022. 532 с.
19. *Сюй Чжоюнь.* «Китайская культура и мировая культура». Издательство культуры Гуйчжоу. 1997 (许倬云. «中国文化与世界文化». 贵州文化出版社. 1997年. 第197–198页).
20. *Сяо Цзиньбо.* Вдохновение и размышление об истории развития российского евразийства // Газета социальных наук Цзямусыского университета. 2010 (肖金波. 俄罗斯欧亚主义发展史的启示与反思. 佳木斯大学社会科学学报. 2010年. 第92页).
21. *Тянь Девень.* В чем ошибка «Столкновения цивилизаций». Издательство: Народный форум. 2019 (田德文. "文明冲突论"错在哪里. 人民论坛. 2019年. 第32 页. 32–34).
22. *Хуан Юйхао*. Исследование понимания Ираном инициативы «Один пояс — один путь» : магистерская диссертация (黄宇豪.伊朗对"一带一路"倡议的认知研究. 硕士学位论文).
23. *Чжао Хунсян.* Когнитивный анализ инициативы «Пояс и путь» японских СМИ — на примере сообщений «Асахи Симбун» : магистерская диссертация / Цзилиньский университет (赵鸿样. 日本媒体对于"一带一路"倡议的认知分析—以«朝日新闻»报道为例. 硕士学位论文.吉林大学).
24. *Чжоу Кун.* Исследование стратегий одомашнивания СМИ в отчете «Один пояс — один путь» в США. Основано на исследованиях на официальных сайтах «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк Таймс» 05.2020 (周坤. 美国"一带一路"报道中的媒介驯化策略研究. 基于对 «华盛顿邮报» 和 «纽约时报»官网报道的研究.2020年5月).
25. *Чжоу Шаоцин.* Между различными цивилизациями нет конфликта // Газета китайской нации. 21.05.2019. (周少青. 各种文明本没有冲突. 中国民族报. 2019年5月21日.第1页).
26. *Юань Чжоси, Цзэн Яньчунь.* «Построение китайского повествования в западной отчетности» — в качестве примера возьмем отчет «Один пояс — один путь» // Нью-Йорк Таймс (袁卓喜.曾艳春. «西方报道中的中国叙事建构»–以«纽约时报»"一带一路"报道为例.第138页).
27. *Ян Миньминь.* Евразийское сознание в творчестве Пушкина. Русская литература и искусство. 2021 (杨明明. 普希金创作中的欧亚主义意识. 俄罗斯文艺. 第68页. 2021).

Об авторах:

Ху Янъли, старший преподаватель Яньчэнского педагогического института (Яньчэнь, Китайская Народная Республика), кандидат культурологии; huyanlimasha@yandex.ru

Плебанек Ольга Васильевна, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Университета при Межпарламентской ассамблее ЕврАзЭс(Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор;
plebanek@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/ 0000-0002-0184-7188

References

1. The absurd "Clash of Civilizations Theory". Guangmingribao. 05/16/2019, edition-007. (In Chin.)
2. Analysis of the reports of the Singaporean media "One Belt — One Road" (2013–2017) : master's thesis / Guangxi University. (In Chin.)
3. Bai Wenchang. Brief analysis of the theory of Russian Eurasianism // Bulletin of the PLA Institute of Foreign Languages. 2002. (In Chin.)
4. Wang Xuedong. A Study on International Recognition of the Belt and Road Initiative. The study of world socialism. 2020. (In Chin.)
5. Wang Hu, Li Mingjiang. Support, participation and coordination: the role of Singapore in the implementation of the Belt and Road Initiative. Study of the problems of Nanyang. Issue 4. 2016. (In Chin.)

6. Wang Huan. Brief analysis of Wallerstein's world system theories. Teaching theories. 2011. (In Chin.)
7. Wang Zhengquan. Putin's thinking in the Eurasian initiative // Newspaper of social sciences. 2013. (In Chin.)
8. Guo Shanxin. A brief overview of Wallerstein's view of the "World System". Social Science Jiangxi. 2000. (In Chin.)
9. Du Yupeng, Jn Lidong. Analysis of Eurasian cultural elements in Putin's thinking. theoretical observation. 2015. (In Chin.)
10. Du Yupeng. Lost or Reborn: A Study of the Cultural and Ideological Trends of Russian Eurasianism. Heilongjiang University Press, Peking University Press. 2018.
11. Foreign Leaders Appreciate the Belt and Road Initiative // China Daily Newspaper. 04/26/2019. (In Chin.)
12. Li Yajun, Tang Shuai. Historical and cultural analysis of Russian Eurasianism. Russian literature and art. 2013. (In Chin.)
13. Li Yajun, Tang Shuai. Historical and cultural analysis of Russian Eurasianism. 2013. (In Chin.)
14. Martin Albrow. The prospects for the Belt and Road Initiative will be better in the post-epidemic era / transl. from English Xu Baofeng. Guangmingribao. 05.27.2020. (In Chin.)
15. Miao Ji. Belt and Road Initiative: Managing Expectations, Avoiding Risks and Strategic Responses. World Economic and Political Forum. Issue 3. 2017. (In Chin.)
16. Peng Yongqiang. Putin's Eurasian Thinking and Building the Greater Eurasian Partnership: Master's thesis / Institute of Diplomacy. 06.30.2021. (In Chin.)
17. Savitsky P. N. Eurasianism. A series of philosophical translations / translated by Feng Wen. 1992. (In Chin.)
18. Soviet civilization and the Eurasian idea: two centuries-long stories (to the 100th anniversary of the formation of the USSR and the formation of Eurasianism): a collective monograph / ed. by prof. Kefeli I. F.; foreword by Academician of the RAS Glazyev S. Yu. Saint Petersburg : Petropolis, 2022. 532 p. (In Rus.)
19. Xu Zhoyun. "Chinese Culture and World Culture". Guizhou Culture Publishing House. 1997. (In Chin.)
20. Xiao Jinbo. Inspiration and reflection on the history of the development of Russian Eurasianism // Newspaper of Social Sciences of Jiamusi University. 2010. (In Chin.)
21. Tian Deven. What is wrong with "Clash of Civilizations" Publisher: People's Forum. 2019. (In Chin.)
22. Huang Yuhao. Exploring Iran's Understanding of the Belt and Road Initiative: Master's Thesis. (In Chin.)
23. Zhao Hongxiang. A Cognitive Analysis of the Belt and Road Initiative of the Japanese Media—on the Example of Asahi Shimbun Messages : Master's Thesis / Jilin University. (In Chin.)
24. Zhou Kun. A Study of Media Domestication Strategies in the One Belt, One Road Report in the United States. Based on research on the official websites of The Washington Post and The New York Times 05.2020. (In Chin.)
25. Zhou Shaoqing. There is no conflict between different civilizations // Newspaper of the Chinese Nation. 05/21/2019. (In Chin.)
26. Yuan Zhoxi, Zeng Yanchun. "Building a Chinese Narrative in Western Reporting" — Let's take the One Belt, One Road report as an example // New York Times. (In Chin.)
27. Yang Mingmin. Eurasian consciousness in the works of Pushkin. Russian literature and art. 2021. (In Chin.)

About the authors:

Hu Yanli, Senior Lecturer of Yancheng Pedagogical Institute (Yanchen, People's Republic of China), PhD in Cultural Studies;
huyanlimasha@yandex.ru

Olga V. Plebanek, Associate Professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the University at the Interparliamentary Assembly of the EurAsEC (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor;
plebanek@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/ 0000-0002-0184-7188

DOI 10.22394/2073-2929-2022-02-130-139

Государственная экологическая политика России и Китая в Арктике: общее и особенное[1]

Веселова Д. Н.
Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Российская Федерация; АНО ВО «Университет при МПА ЕврАзЭС», Санкт-Петербург, Российская Федерация;
daria-voronchikhina@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6674-0357

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается и сопоставляется арктическая политика России и Китая в области защиты окружающей среды и анализируются конкретные мероприятия экологической направленности, проводимые ими в Арктике.

Цель. Рассмотреть осуществляемую в Арктике политику экологической направленности России и Китая.

Задачи. Выявить существующие проблемы и предложить рекомендации по их решению.

Методология. Использовался системный подход, обобщение, синтез, сравнительный анализ, анализ документов.

Результаты. Определены четыре основных направления реализации экологической политики России в Арктике. Рассмотрены основные положения Белой книги «Арктическая политика Китая», в которой регламентированы направления арктической политики Китая, осуществляемой Администрацией по делам Арктики и Антарктики. Выделены три основные линии в экологической стратегии Пекина в Арктическом регионе. Проведен сравнительный анализ экологических политик двух стран в Арктике.

Выводы. Национальные интересы обеих стран в Арктике связаны с экономикой и геополитикой, но завуалированы под интересы решения экологических проблем. Актуальными вопросами в Арктике значатся защита окружающей среды, борьба с изменением климата и развитие международного сотрудничества. Нерешенными проблемами и Китая, и России при осуществлении арктической экологической политики остаются декларативный, программный характер основных документов по вопросам защиты окружающей среды региона, а также отсутствие совместного компетентного органа, осуществляющего совместную деятельность рассматриваемых государств в Арктике.

Ключевые слова: Арктический регион, Арктическая политика Китая, изменение климата, экологический ущерб, обеспечение экологической безопасности, научно-исследовательские экспедиции

Для цитирования: *Веселова Д. Н.* Государственная экологическая политика России и Китая в Арктике: общее и особенное // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 2. С. 130–139.

State Environmental Policy of Russia and China in the Arctic: General and Special

Darya N. Veselova
The North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russian Federation; AN HEO “University associated with IA EAEC”, Saint Petersburg, Russian Federation;
daria-voronchikhina@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6674-0357

ABSTRACT

The article examines and compares the Arctic policy of Russia and China in the field of environmental protection and analyzes specific environmental activities carried out by them in the Arctic.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда развития научных исследований и прикладных разработок СЗИУ РАНХиГС.

Aim. The purpose is to review the environmental policy of Russia and China implemented in the Arctic.
Tasks. Identify existing problems and offer recommendations for their solution.
Methods. A systematic approach, generalization, synthesis, comparative analysis, and document analysis were used.
Results. Four main directions of implementation of Russia's environmental policy in the Arctic have been identified. The main provisions of the White Paper "China's Arctic Policy", which regulates the directions of China's Arctic policy implemented by the Administration for Arctic and Antarctic Affairs, are considered. Three main lines in Beijing's environmental strategy in the Arctic region are highlighted. A comparative analysis of the environmental policies of the two countries in the Arctic is carried out.
Conclusions. The national interests of both countries in the Arctic are connected with economics and geopolitics, but veiled under the interests of solving environmental problems. The current issues in the Arctic are environmental protection, the fight against climate change and the development of international cooperation. The declarative, programmatic nature of the main documents on environmental protection in the region, as well as the absence of a joint competent authority carrying out joint activities of the states under consideration in the Arctic, remain unresolved problems of both China and Russia in the implementation of Arctic environmental policy.
Keywords: Arctic region, China's Arctic policy, climate change, environmental damage, environmental safety, research expeditions
For citing: Veselova D. N. State Environmental Policy of Russia and China in the Arctic: General and Special // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2022. Vol. 16. No. 2. P. 130–139.

Введение

С начала XXI в. интерес к Арктическому региону стали проявлять страны Европейского союза и крупные азиатские игроки. Среди последних следует выделить Китай, который имеет как экономические, так и геополитические интересы в Арктике, но старается завуалировать свое повышенное внимание стремлением оказать помощь в решении имеющихся в Арктике экологических проблем, в первую очередь климатической. В этой связи в статье остановимся на проводимой Пекином экологической политике в исследуемом регионе.

Полагаем, что сравнение проводимой Россией политики в области охраны окружающей среды в Арктике и реализуемой Китаем арктической экологической политики является актуальным вопросом для исследования, учитывая тесное сотрудничество двух стран по многим направлениям, а также предложение мер по ее оптимизации.

Задачами являются:

- рассмотрение законодательной и институциональной составляющих реализуемой Россией экологической политики в Арктической зоне, отражение фактически проводимых в стране мероприятий экологической направленности в регионе;
- исследование положений Белой книги «Арктическая политика Китая» (далее — Белая книга), посвященных экологическому вопросу, рассмотрение осуществляемых КНР мероприятий в рассматриваемой сфере;
- анализ государственной экологической политики России и Китая, проводимой ими в Арктике.

За последние пять лет научная заинтересованность в вопросе сравнения экологической политики Китая и России в Арктике выросла, но все же количество политологических исследований по данному направлению остается небольшим. Учеными, занимающимися изучением и сравнением государственной политики России и Китая в области обеспечения экологической безопасности Арктического региона, являются А. Р. Дагаев [12], Н. С. Куделькин [10], В. Е. Петровский [8], Т. В. Редникова [10], В. А. Эпштейн [12] и другие исследователи. Исследованием экологической политики Китая в Арктике занимались Ван Цзюньтао [2], В. П. Журавель [4], М. А. Кобзева [7], И. Н. Комиссина [6], В. Н. Конышев [7], Н. С. Куделькин [10], В. Ф. Печерица [9], Т. В. Редникова [10], M. Bennett [13], L. Jakobson и Jingchao Peng [14], T. Koivurova

и E. Nielsson [16], Y. Serafettin [15], M. G. Śmieszek [16] и другие деятели науки. Вопрос проведения политики России в области защиты окружающей среды Арктической зоны затронут в трудах таких ученых, как Д. Н. Ворончихина [3], В. П. Журавель [11], В. П. Коваль [5], а также С. А. Липина, В. А. Пушкарев и И. А. Родионова [11] и др.

Среди использованных источников для подготовки статьи следует выделить федеральное законодательство РФ в области охраны окружающей среды Арктики, иные официальные документы РФ, Белую книгу по Арктической политике Китая. Также в работе использованы положения, содержащиеся в диссертациях, статьях в журналах по экологической и арктической тематике, на интернет-ресурсах, затрагивающих вопросы экологической политики России и Китая.

Методы и методология

При написании статьи автор опирался на системный подход. Среди методов следует выделить обобщение, синтез, сравнительный анализ, анализ документов. Так, автор исследует положения нормативно-правовых актов РФ, регулирующих вопросы охраны окружающей среды Арктической зоны РФ, и нормы Белой книги Китая. В статье изучены и обобщены мероприятия экологической направленности, проводящиеся в Арктике российским руководством и китайскими властями. Проведен сравнительный анализ арктической экологической политики двух стран.

Результаты исследования

Законодательное закрепление экологической политики России в Арктике

С момента принятия в 2008 г. Основ государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу можно говорить о начале законодательного закрепления экологической политики РФ в Арктике. Сбережение уникальных экологических систем Арктики определялось в документе в качестве национального интереса страны [3, с. 115]. В марте 2020 г. на смену пришли «Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2035 г.», в которых охрана окружающей среды Арктического региона ставится в ранг приоритетных национальных интересов России [Там же].

В 2013 г. принята Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г. В октябре 2020 г. утверждена Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г. Документ прописывает меры в сфере обеспечения экологической безопасности, к которым, в частности, относятся адаптация экономики и инфраструктуры Арктической зоны к изменениям климата, развитие единой системы государственного экологического мониторинга, организация работ по ликвидации накопленного вреда окружающей среде[1] и др.

Механизмом по приведению в действие положений, предусмотренных стратегией 2013 г., являлась государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ на период до 2020 года». В конце марта 2021 г. была принята Государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ», определяющая содержание мер, предусмотренных в новых документах. Несмотря на то, что и в обновленных основах, и в новой стратегии уделяется внимание обеспечению экологической безопасности, защите и охране окружающей среды в Арктической зоне РФ, Госпрограмма 2021 г. не содержит в себе мероприятий экологического характера, что не может не огорчать.

В апреле 2021 г. был утвержден Единый план мероприятий по реализации основ и стратегии, принятых в 2020 г., который прописывает в разделе V мероприятия в области охраны окружающей среды. Стоит отметить, что срок реализации большинства указанных в плане мероприятий — III–IV квартал 2021 г. Однако на данный момент принят лишь План адаптации к изменениям климата Арктической зоны РФ. План среди приоритетных адаптационных мероприятий выделяет формирование межведомственной рабочей группы по вопросам адаптации к изменениям климата в Арктической зоне РФ и подготов-

[1] «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года», утв. Указом Президента РФ от 26 окт. 2020 г. № 645. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 44. Ст. 6970.

ку различных докладов. Но существенными мерами являются разработка методологии оценки влияния климатических изменений на здоровье граждан и проведение кампании по информированию граждан о влиянии климатических факторов риска на здоровье[1].

Таким образом, на официальном уровне приняты документы, закрепляющие цели, задачи, направления деятельности, и иные положения по реализации экологической политики России в Арктике.

Управление арктической экологической политикой в РФ и контроль за осуществлением мероприятий в данной сфере

За последние 5–7 лет в управлении арктическими территориями произошли перемены. До 2015 г. основным органом, ответственным за реализацию арктической стратегии, был Совет Безопасности. В 2015 г. создана Государственная комиссия по вопросам развития Арктики [3, с. 118]. Основная функция данного института — координационная. Комиссия лишь организовывает и согласовывает работу государственных и муниципальных органов и организаций по вопросу обеспечения экологической безопасности Арктики [3, с. 118]. На 2022 г. не создан специализированный орган, основным полномочием которого стал бы контроль за своевременным проведением экологических мероприятий в Арктической зоне РФ.

Экологическая политика России в Арктике

Выделим четыре основных направления реализации политики России в Арктике в области охраны окружающей среды [3, с. 126].

1. Ликвидация накопленного ущерба и минимизация вреда от текущей хозяйственной деятельности.

С 2011 г. проводятся мероприятия по очистке арктических территорий от последствий хозяйственной деятельности, осуществляемой в регионе еще в СССР. В августе 2021 г. была осуществлена экосоциологическая экспедиция в Сеяхе. На 2022 г. полностью очищены от накопленного экологического ущерба острова Хейса, Гукера, Земля Александры, Гофмана, Греэм-Белл [Там же, с. 127], остров Белый.

В настоящее время идет реализация проекта «Чистая страна», который включает в себя мероприятия по ликвидации накопленного вреда на архипелаге Земля Франца-Иосифа; нефтяного загрязнения в водоохранной зоне ручья Кузнецов; хвостохранилища Куларской золотоизвлекающей фабрики Усть-Янского улуса. Из трех мероприятий проекта лишь ликвидация накопленного вреда на архипелаге Земля Франца-Иосифа [Там же, с. 131] достигла своего завершения. Сроки реализации двух других мероприятий перенесены на 2022 г. В целом стоит отметить, что мероприятия по данному направлению деятельности в Арктике проводятся успешно.

2. Создание особо охраняемых природных территорий (ООПТ).

На начало 2022 г. в российской Арктике функционирует 40 ООПТ федерального значения. Их общая площадь составляет 38,8 млн га[2].

В 2015 г. Совет Безопасности РФ принял решение о расширении сети арктических ООПТ [Там же, с. 138]. В период до 2019 г. в Арктике предусматривалось создание национального парка Хибины (Мурманская обл.) и Центрально-Чукотского (Чукотский АО), до 2020 г. — образование ряда государственных природных заповедников [Там же, с. 138–139]. На 2022 г. заповедник Большое Токко имеет статус государственного природного заказника, а заказник Лаптевоморский и национальный парк Центрально-Чукотский сохраняют статус «Перспективный». Таким образом, можно говорить о нарушении сроков создания новых ООПТ федерального значения. Кроме создания ООПТ, желательно создание также и особо охраняемых природных акваторий [Там же, с. 141], так как в арктических морях обитают

[1] Об утверждении Плана адаптации к изменениям климата Арктической зоны Российской Федерации [Электронный ресурс], утв. Приказом Минвостокразвития России от 26.11.2021 № 221. URL: http://cc.voeikovmgo.ru/ru/novosti/novosti-partnerov/1518-prikaz-minvostokrazvitiya-rossii-ot-26-11-2021-n-221-ob-utverzhdenii-plana-adaptatsii-k-izmeneniyam-klimata-arkticheskoj-zony-rossijskoj-federatsii (дата обращения: 20.05.2022).

[2] В Арктике площадь особо охраняемых природных территорий превысила 38 млн га [Электронный ресурс] // Pro-Arctic: информационно-аналитическое сетевое издание. URL: https://pro-arctic.ru/11/12/2021/news/45175 (дата обращения: 01.05.2022).

редкие и уникальные морские млекопитающие и рыбы, чья популяция также подвержена сокращению в связи с антропогенной деятельностью людей.

3. Получение информации по происходящим изменениям климата в российской Арктике.

Основным мероприятием по данному направлению является проведение научно-исследовательских экспедиций. Среди последних следует выделить международную экспедицию «Арктика-2021», проходившую в августе-сентябре 2021 г. Ученые из 17 стран провели климатические замеры, выполнили океанологические исследования, изучили флору и фауну Арктики[1].

В 2018 г. Росгидромет начал реализацию инновационного проекта по строительству ледостойкой самодвижущейся платформы «Северный полюс» для развития комплексных наблюдений в Арктике [3, с. 145]. 22 мая 2022 г. в рамках заводских испытаний платформа отправилась в плавание.

В феврале 2021 г. был запущен на орбиту первый метеорологический спутник «Арктика-М»[2]. Также ведется создание гидрометеорологических космических комплексов «Метеор-3М» и «Электро-Л» [Там же; 1, с. 13–14].

В целом в последние годы руководством нашей страны стало уделяться внимание мониторингу климатических изменений в Арктической зоне России.

4. Международное сотрудничество.

Данное направление играет одну из главных ролей для сохранения хрупкой и уникальной экосистемы Арктики, поскольку она является климатообразующим регионом. Международное сотрудничество в Арктике представлено двумя курсами: заключение соглашений в сфере ядерной и радиационной безопасности в регионе и в области защиты экосистемы и биоразнообразия Арктики.

Несмотря на то, что в марте 2022 г. в связи с наложением на Россию новых санкций было приостановлено сотрудничество в рамках Арктического Совета, мероприятия экологического характера в российской Арктике продолжаются. Также формируется и развивается нормативная база, регулирующая вопросы обеспечения экологической безопасности в Арктическом регионе.

Белая книга «Арктическая политика Китая»

Как упоминалось выше, в 2018 г. китайское руководство опубликовало Белую книгу «Арктическая политика Китая»[3], первый политический документ, закрепляющий цели, задачи, принципы, направления деятельности КНР в Арктике. Экологическую заинтересованность китайские власти объясняют последствиями климатических изменений в Арктике, которые негативно сказываются на социально-экономической ситуации внутри страны. В Белой книге выделены семь направлений деятельности Китая в области обеспечения экологической безопасности региона: защита окружающей среды; защита экосистемы; борьба с изменением климата; развитие на Крайнем Севере экологически чистой энергетики; участие в сохранении и использовании биоресурсов; содействие в развитии экологического туризма и участие в арктической системе управления и в международном сотрудничестве[4].

Экологическая политика Китая в Арктике проводится согласно нормам международного права и не направлена на ущемление прав приарктических государств, с которыми Пекин предлагает сотрудничать в области охраны окружающей среды. Таким образом, Белая книга представляет собой первый программный политический документ, определяющий арктическую политику Китая, в том числе и в области экологии.

Управление арктической экологической политикой в КНР

Основным органом по управлению арктической политикой в области экологии является Администрация по делам Арктики и Антарктики, образованная в 1981 г. [8, с. 165; 14, p. 13–14]. Ее полно-

[1] Закончилась международная экспедиция «Арктика-2021» [Электронный ресурс] // Ямал-Медиа: сайт. URL: https://yamal-media.ru/news/zakonchilas-mezhdunarodnaja-ekspeditsija-arktika-2021 (дата обращения: 23.04.2022).

[2] Спутник «Арктика-М» выведен на целевую орбиту // Роскосмос: офиц. сайт. URL: https://www.roscosmos.ru/30088/ (дата обращения: 05.04.2022).

[3] China's Arctic Policy [Electronic resource] // The State Council the People's Republic of China: English.Gov.CN. 2018. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (accessed: 04.04.2022).

[4] Там же.

мочия сводятся к разработке нормативно-правовых актов, касающихся проведения полярных экспедиций и иных экологических мероприятий в Арктике; к организации научно-исследовательской деятельности в полярных областях; к участию в международном арктическом сотрудничестве по защите окружающей среды[1]. Однако администрация не наделена функцией контроля за своевременным осуществлением мероприятий в области охраны окружающей среды Арктики.

Экологическая политика КНР в Арктике

Пекин обращает внимание мирового сообщества на решение страной многочисленных экологических проблем, имеющихся в Арктическом регионе и оказывающих негативное влияние на территории Китая, среди которых приоритетное место занимает борьба с изменением климата. В рамках проведения Китаем экологических мероприятий на территории Арктики можно выделить три направления: создание научно-исследовательских центров; проведение полярных экспедиций и участие КНР в международных научных организациях по защите окружающей среды Арктического региона. Началом деятельности Пекина по первому направлению следует считать открытие в 2004 г. собственной арктической научной станции «Хуанхэ» на Шпицбергене. Среди научно-исследовательских институтов, которые занимаются полярными исследованиями, следует выделить Институт полярных исследований в Шанхае, Шанхайскую академию международных исследований, научно-исследовательское подразделение Государственного океанического управления КНР (Пекин), Китайский антарктический центр геодезии и картографии Уханьского университета, Китайско-скандинавский центр арктических исследований [6, с. 63] и др. Как мы видим, число НИИ в Китае, изучающих особенности Арктического региона, внушительное. До 2025 г. запланировано увеличить штат ученых, занимающихся исследованиями арктических вопросов [16, p. 53]. По оценке иностранных экспертов, Китай из всех неарктических стран разработал наиболее активную и дифференцированную научно-исследовательскую программу по изучению Арктики [15, p. 17].

Первая научно-исследовательская экспедиция к Северному полюсу была проведена в 1995 г. [2, с. 14]. К началу 2022 г. осуществлено уже более 10 экспедиций. Двенадцатая экспедиция проходила осенью 2021 г. Ученые в работе применили функционал автономного подводного робота «Таньсо 4500», с помощью которого были получены важные статистические данные, которые в дальнейшем могут лечь в основу изучения климатических изменений, происходящих в регионе[2]. Проводятся международные полярные экспедиции с участием китайских ученых. Так, в сентябре 2020 г. была осуществлена российско-китайская экспедиция, результатом которой стал сбор данных для проведения палеоокеанологических и палеоклиматических реконструкций[3].

Относительно третьего направления Китай с 2013 г. является наблюдателем в Арктическом Совете, с 1996 г. состоит в Международном научном арктическом комитете, участвует в мероприятиях, проводимых Тихоокеанской арктической группой, Арктическим сектором и другими организациями [9, с. 11].

Соотношение экологических политик двух стран в Арктике

Приоритетными интересами России в Арктике являются обеспечение суверенитета государства (геополитический интерес), разработка и добыча полезных ископаемых, а также использование Северного морского пути (далее — СМП) как национальной морской магистрали (экономический интерес). Подобное же мы видим, рассматривая политику КНР в Арктике. Китайская сторона также имеет экономический интерес, заключающийся в использовании СМП в качестве маршрута для перевозки товаров из Китая в Европу и поставки сырья из России в КНР [13]. Китаем движут и политические амбиции. Он стремится участвовать в управлении Арктикой. В то же время Китай пытается доказать мировому

[1] Chinese Arctic and Antarctic Administration Our organization [Electronic resource] // Chinare.mnr.gov. URL: http://chinare.mnr.gov.cn/enCatalog/enAbout (accessed: 04.04.2022).

[2] Китайский подводный робот «Таньсо 4500» завершил арктическую экспедицию по исследованию морского дна [Электронный ресурс] // Russian news: сайт. 08.10.2021. URL: http://russian.news.cn/2021-10/08/c_1310231022.htm (дата обращения: 05.04.2022).

[3] Экспедиция в Арктику — 2020. Исследования ТОИ ДВО РАН в Чукотском, Восточно-Сибирском морях и море Лаптевых [Электронный ресурс] // ТОИ ДВО РАН: офиц. сайт. 10.09.2020. URL: https://www.poi.dvo.ru/index.php/ru/node/1201 (дата обращения: 23.04.2022).

сообществу, что основной целью осуществления деятельности в Арктике является охрана окружающей природной среды Арктического региона.

Что касается законодательных аспектов, то нормативная база РФ в области охраны окружающей среды Арктики представлена большим числом нормативно-правовых актов. В стране приняты документы, прописывающие положения по обеспечению экологической безопасности в исследуемом регионе. Однако большинство документов носят декларативный либо программный характер, что исключает применение каких-либо санкций за невыполнение, некачественное / неполное выполнение запланированных мероприятий. В Китае принят лишь один документ — Белая книга.

При сравнении экологических доктрин России и Китая в Арктике можно отметить сходство содержащихся в них целей, задач и направлений деятельности. На современном этапе наиболее актуальным представляется решение таких вопросов, как ликвидация загрязнения окружающей среды, борьба с изменением климата и международное сотрудничество в регионе.

Заключение

В результате проведенного исследования констатируем следующие результаты.

1. В Арктической зоне Российской Федерации с начала XXI в. по настоящее время планомерно проводится экологическая политика. 2008 г. был точкой отсчета — были приняты Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу[1], в которых были прописаны меры по обеспечению экологической безопасности Арктики. С этого момента идет становление нормативной базы, посвященной вопросам охраны окружающей среды Арктического региона.

Мероприятия практического характера, в частности очистка материковых и островных территорий Арктики от накопившегося мусора, начали проводиться с 2011 г. На 2022 г. ежегодно в рамках добровольческих экспедиций проводится ликвидация накопленного ущерба.

Следующим этапом становления арктической экологической политики РФ является учреждение в 2015 г. Государственной комиссии по вопросам развития Арктики, полномочия которой связаны с координацией деятельности акторов в сфере обеспечения экологической безопасности исследуемого региона. В то же время для проведения качественной политики нужно своевременно и надлежащим образом осуществлять все запланированные мероприятия. Для российской экологической политики на настоящий момент это является большой проблемой. Данное обстоятельство связано, во-первых, с отсутствием компетентного органа, основной функцией которого стал бы контроль за своевременным проведением экологических мероприятий в Арктической зоне РФ, и во-вторых, с декларативным и / или программным характером документов, принятых для регулирования вопроса сохранения и охраны окружающей среды Арктической зоны РФ.

2. С начала XXI в. КНР стремится «попасть» в Арктику. Для этого проводятся научно-исследовательские экспедиции, создаются различные научные центры. В 2013 г. Китай стал наблюдателем в Арктическом совете. В 2018 г. была принята Белая книга по Арктической политике Китая. Принятие книги — первого документа, закрепляющего положения по региону, расположенному за пределами территории страны, говорит о наступательной политике Китая в Арктике, подчеркивает долгосрочные планы страны по развитию Арктики и сотрудничеству с приарктическими государствами. В Белой книге среди прочего предусматриваются меры по охране окружающей среды Арктики. В целом можно выделить семь направлений экологической политики Китая в Арктике.

Для осуществления китайской экологической политики в Арктике образована Администрация по делам Арктики и Антарктики. Ею проводятся и финансируются ставшие ежегодными научно-исследовательские экспедиции КНР на Крайний Север. Однако функцией контроля за своевременным проведением запланированных мероприятий в области обеспечения экологической безопасности Арктического региона Администрация не наделена.

[1] Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу [Электронный ресурс], утв. Президентом РФ 18.09.2008 № Пр-1969. URL: https://base.garant.ru/195720/ (дата обращения: 23.04.2022).

Китай заинтересован в проведении последовательной экологической политики в Арктике, которая в последующем поможет ему укрепить свои позиции не только в Арктическом регионе, но и стать лидером на мировой арене.

3. При сравнении экологических концепций Китая и России в Арктике можно выделить некоторые сходства. Так, для обеих стран актуальным является решение таких вопросов, как защита окружающей среды, борьба с изменением климата, смягчение его последствий и адаптация к нему, а также развитие международного сотрудничества в Арктике.

Приоритетные экономические и политические интересы для международного сообщества отодвигаются на второй план, и делается акцент на обеспечении экологической безопасности региона. Это особенно характерно для китайской арктической политики.

Основными проблемами при реализации рассматриваемыми государствами арктической политики в области сохранения и охраны окружающей среды являются декларативный, программный характер основных документов, определяющих цели, задачи, принципы, направления деятельности в области обеспечения экологической безопасности в Арктике; отсутствие государственного органа, осуществляющего контроль за своевременным осуществлением экологической политики в регионе. Для России характерен также перенос запланированных мероприятий на более поздние сроки. Если для Китая, как для неарктического государства, чья полярная политика находится в стадии становления, данные моменты не оказывают значительного влияния на авторитет страны в регионе и в мире, то для России, как для страны, имеющей огромные арктические сухопутные и морские пространства, указанные проблемы негативно сказываются на лидерстве страны в Арктическом регионе.

В целом можно говорить о нахождении китайской арктической экологической политики в стадии своего зарождения. Для российской политики в области охраны окружающей среды Арктики характерен уже следующий этап — период «неполной зрелости». Для укрепления лидерских позиций России в исследуемом регионе следует устранить выявленные пробелы. Например, наделить Государственную комиссию по вопросам развития Арктики контрольными функциями либо учредить специализированный государственный орган с полномочиями по формированию и реализации экологической политики в Арктике и контролю за исполнением запланированных мероприятий, а также принять федеральный закон «Об Арктической зоне РФ» и подзаконные акты в его исполнение, в которых прописать механизм осуществления мер по сохранению и охране окружающей среды Арктической зоны РФ.

Совместная работа России и Китая, направленная на сохранение природы Арктики, может стать мощным природоохранным инструментом, позволяющим предотвратить негативные последствия антропогенной и техногенной деятельности в Арктике, а также наиболее быстро происходящих в данном регионе планеты изменений климата, влекущих за собой увеличение количества опасных гидрометеорологических явлений по всему миру.

Литература

1. *Асмус В. В.* Современное состояние и перспективы развития отечественных спутниковых наблюдательных систем гидрометеорологического и океанографического назначения / В. В. Асмус [и др.] // Атмосферная радиация и динамика (МСАРД–2017): тезисы межд. симпозиума. Санкт-Петербург, 2017. С. 13–14.
2. *Ван Цзюньтао.* Формы участия Китая в международной деятельности в Арктике : автореф. дис. к. полит. н. Санкт-Петербург, 2016. 24 с.
3. *Ворончихина Д. Н.* Политико-правовые аспекты обеспечения экологической безопасности в Арктической зоне Российской Федерации : диссертация ... к. полит. н.: 23.00.02. Санкт-Петербург, 2020. 435 с.
4. *Журавель В. П.* «Белая книга» Китая по Арктике: взгляд в будущее // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2019. С. 126–128.
5. *Коваль В. П.* Продвижение национальных интересов России в Арктике в контексте международного сотрудничества // Аналитический вестник. 2016. № 5 (604). С. 10–25.

6. *Комиссина И. Н.* Арктический вектор внешней политики Китая // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 1 (28). С. 54–73.
7. *Конышев В. Н., Кобзева М. А.* Политика Китая в Арктике: традиции и современность // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 1. С. 77–92.
8. *Петровский В. Е.* Стратегия России и Китая в Арктике: сравнительный анализ // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2020. С. 154–167. DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10009
9. *Печерица В. Ф., Шуан Лэй*. Основные направления китайской политики в Арктике // Российско-китайские исследования. 2019. Т. 3. № 4. С. 7–16. DOI: 10.17150/2587-7445.2019.3(4).7-16
10. *Редникова Т. В., Куделькин Н. С.* Арктика и неарктические страны: эколого-правовые и международно-правовые аспекты на примере арктической политики Китая // Международное право. 2018. № 3. С. 7–19. DOI: 10.25136/2306-9899.2018.3.27585
11. *Родионова И. А., Липина С. А., Журавель В. П.* [и др.] Обеспечение экологической безопасности: государственное управление Арктическим регионом // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. С. 624–642.
12. *Эпштейн В. А., Дагаев А. Р.* Арктические интересы Российской Федерации и Китайской Народной Республики: взаимная выгода и стратегические противоречия // Современные востоковедческие исследования. 2020. № 2 (4). С. 88–98.
13. *Bennett M.* With the Polar Silk Road, China's Belt and Road Initiative moves into the Arctic [Electronic resource] // Akureyri: Northern Research Forum. 2017. URL: https://cryopolitics.com/2017/06/27/CHINAS-BELT-AND-ROAD-INITIATIVE-MOVES-INTO-THE-ARCTIC/ (accessed: 24.04.2022).
14. *Jakobson Linda, Jingchao Peng.* China's Arctic Aspirations // SIPRI Policy Paper. 2012. No. 34. P. 1–32.
15. *Serafettin Y.* Exploring China's Arctic Strategy: Opportunities and Challenges // China Quarterly of International Strategic Studies. 2017. Vol. 3. No. 1. P. 1–22.
16. *Śmieszek M. G., Koivurova T., Nielsson E.* China and Arctic Science // Chinese Policy and Presence in the Arctic. Brill Nijhoff . Studies in Polar Law. 2020. No. 3. P. 42–61.

Об авторе:

Веселова Дарья Николаевна, преподаватель ФСПО Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург, Российская Федерация); доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета АНО ВО «Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС» (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук;
daria-voronchikhina@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6674-0357

References

1. Asmus V. V. Current state and prospects of development of domestic satellite observation systems for hydrometeorological and oceanographic purposes / V. V. Asmus [et al.] // Atmospheric radiation and dynamics (ISARD–2017) : theses of the international symposium (Saint Petersburg — Petrodvorets, 27–30 June 2017). Saint Petersburg, 2017. P. 13–14. (In Rus.)
2. Wang Juntao. Forms of China's participation in international activities in the Arctic : abstract of the dissertation for the degree of candidate of political sciences. St. Petersburg, 2016. 24 p. (In Rus.)
3. Voronchikhina D. N. Political and legal aspects of ensuring environmental security in the Arctic zone of the Russian Federation : dissertation ... candidate of political sciences: 23.00.02. St. Petersburg, 2020. 435 p. (In Rus.)
4. Zhuravel V. P. "The White Paper" of China on the Arctic: a look into the future // Greater Eurasia: development, security, cooperation [Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo]. 2019. P. 126–128. (In Rus.)

5. Koval V. P. Promotion of Russia's national interests in the Arctic in the context of international cooperation // Analytical Bulletin [Analiticheskii vestnik]. 2016. No. 5 (604). P. 10–25. (In Rus.)
6. Komissina I. N. The Arctic vector of China's foreign policy // Problems of national strategy [Problemy natsional'noi strategii]. 2015. No. 1 (28). P. 54–73. (In Rus.)
7. Konyshev V. N., Kobzeva M. A. Chinese Policy in the Arctic: Traditions and Modernity // Sravnitelnaya Politika [Sravnitel'naya politika]. 2017. Vol. 8. No. 1. P. 77–92. (In Rus.)
8. Petrovsky V. E. The strategy of Russia and China in the Arctic: a comparative analysis // China in world and regional politics. History and modernity [Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost']. 2020. P. 154–167. (In Rus.)
9. Pecheritsa V. F., Shuang Lei. The main directions of Chinese policy in the Arctic // Russian-Chinese studies [Rossiisko-kitaiskie issledovaniya]. 2019. Vol. 3. No. 4. P. 7–16. (In Rus.)
10. Rednikova T. V., Kudelkin N. S. The Arctic and non-Arctic countries: environmental, legal and international legal aspects on the example of China's Arctic policy // Mezhdunarodnoe pravo. 2018. No. 3. P. 7–19. DOI: 10.25136/2306-9899.2018.3.27585 (In Rus.)
11. Rodionova I. A., Lipina S. A., Zhuravel V. P. [et al.] Ensuring environmental safety: public administration of the Arctic Region // Modern problems of science and education [Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya]. 2015. No. 1–1. P. 624–642. (In Rus.)
12. Epshtein V. A., Dagaev A. R. Arctic interests of the Russian Federation and the People's Republic of China: mutual benefit and strategic contradictions // Modern Oriental Studies [Sovremennye vostokovedcheskie issledovaniya]. 2020. No. 2 (4). P. 88–98. (In Rus.)
13. Bennett M. With the Polar Silk Road, China's Belt and Road Initiative moves into the Arctic [Electronic resource] // Akureyri: Northern Research Forum. 2017. URL: https://cryopolitics.com/2017/06/27/CHINAS-BELT-AND-ROAD-INITIATIVE-MOVES-INTO-THE-ARCTIC/ (accessed: 03.04.2022).
14. Jakobson Linda, Jingchao Peng. China's Arctic Aspirations // SIPRI Policy Paper. 2012. No. 34. P. 1–32.
15. Serafettin Y. Exploring China's Arctic Strategy: Opportunities and Challenges // China Quarterly of International Strategic Studies. 2017. Vol. 3. No. 1. P. 1–22.
16. *Śmieszek M. G., Koivurova T., Nielsson E.* China and Arctic Science // Chinese Policy and Presence in the Arctic. Brill Nijhoff. Studies in Polar Law. 2020. No. 3. P. 42–61.

About the author:

Darya N. Veselova, Lecturer at the Faculty of Secondary Professional Education of the North-West Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation); Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Faculty of Law of AN HEO "University associated with IA EAEC" (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Political sciences;
daria-voronchikhina@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6674-0357

DOI 10.22394/2073-2929-2022-02-140-147

Стратегия Китая в области искусственного интеллекта

Выходец Р. С.
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
marketing812@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5910-9815

РЕФЕРАТ

Настоящее исследование посвящено рассмотрению особенностей китайской политики в области искусственного интеллекта (ИИ) в контексте глобального технологического противоборства.

Цель. Выявить ключевые направления стратегии Китая в области ИИ, а также определить приоритетные направления государственной политики в данной сфере.

Задачи. Проанализировать результаты развития индустрии ИИ в Китае, рассмотреть основные экономические показатели, достижения в области создания вычислительной инфраструктуры, развитии собственных исследований и разработок в сфере ИИ, выявить основные положения ключевых официальных документов китайской стратегии в области ИИ. Обобщить основные направления политики Китая в области ИИ в более широком контексте глобального геополитического и технологического противоборства.

Методология. Исследование официальных документов и на основе информационно-аналитических технологий, компаративный анализ, контент-анализ, индуктивный метод с применением подходов критической геополитики.

Результаты. Исследование показало, что Китай является одним из мировых лидеров в области технологий ИИ. Его ведущие позиции подкреплены существенными инвестициями, сопоставимыми с США и ЕС, существенными достижениями в создании вычислительной инфраструктуры, высокой патентной и публикационной активностью китайских исследователей, разработчиков и организаций, имеющимся научно-технологическим заделом в области квантовых вычислений и нейронауки. В Китае сформировалась целостная стратегия в области ИИ, нацеленная на технологическое лидерство, укрепление суверенитета в сфере высоких технологий, развитие кадрового потенциала, повышение эффективности экономики, получение конкурентных преимуществ на международном уровне, а также проецирование на этой основе собственных геополитических интересов. Системный подход к принятию основных стратегических документов, направленных на поддержку развития ИИ, сбалансированность дорожных карт достижения основных целей способствуют формированию взвешенной и эффективной государственной политики в этой сфере.

Выводы. Анализ политики Китая в области ИИ позволяет констатировать формирование большого пространства развития технологий ИИ, которое выступает альтернативой западному пространству, лидерами которого являются США и ЕС. На международном уровне в условиях ужесточения санкционной политики Китай способен предоставить странам, для которых спектр возможностей для сотрудничества с Западом в последнее время серьезно сузился, возможность доступа к современным высоким технологиям и существенным инвестиционным ресурсам, укрепляя тем самым собственный интеграционный потенциал и влияние в мире.

Ключевые слова: Китай, искусственный интеллект, стратегия, мировая политика, технологическое лидерство, декаплинг

Для цитирования: *Выходец Р. С.* Стратегия Китая в области искусственного интеллекта // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 2. С. 140–147.

China's AI Strategy

Roman S. Vykhodets
St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation;
marketing812@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5910-9815

ABSTRACT
The present study is devoted to the consideration of the peculiarities of Chinese policy in the field of artificial intelligence (AI) in the context of global technological confrontation.
Aim. To identify the key areas of China's AI strategy, as well as to identify priority areas of state policy in this area.
Tasks. To analyze the results of the development of the AI industry in China, to consider the main economic indicators, achievements in the creation of computing infrastructure, the development of its own research and development in the field of AI, to identify the main provisions of the key official documents of the Chinese strategy in the field of AI. To summarize the main directions of China's policy in the field and in the broader context of global geopolitical and technological confrontation.
Methods. Research of official documents and on the basis of information and analytical technologies, comparative analysis, content analysis, inductive method using approaches of critical geopolitics.
Results. The study showed that China is one of the world leaders in the field of AI technologies. Its leading positions are supported by substantial investments comparable to the USA and the EU, significant achievements in the creation of computing infrastructure, high patent and publication activity of Chinese researchers, developers and organizations, existing scientific and technological groundwork in the field of quantum computing and neuroscience. China has formed a holistic AI strategy aimed at technological leadership, strengthening sovereignty in the field of high technologies, developing human resources, improving economic efficiency, gaining competitive advantages at the international level, as well as projecting its own geopolitical interests on this basis. A systematic approach to the adoption of the main strategic documents aimed at supporting the development of AI, the balance of roadmaps for achieving the main goals, contributes to the formation of a balanced and effective public policy in this area.
Conclusions. The analysis of China's AI policy allows us to state the formation of a large space for the development of AI technologies, which acts as an alternative to the Western space, the leaders of which are the United States and the EU. At the international level, in the context of the tightening of the sanctions policy, China is able to provide countries for which the range of opportunities for cooperation with the West has seriously narrowed recently, with access to modern high technologies and substantial investment resources, thereby strengthening its own integration potential and influence in the world.
Keywords: China, artificial intelligence, strategy, world politics, technological leadership, decoupling
For citing: Vykhodets R. S. China's AI Strategy // Eurasian integration: economics, law, politics. 2022. Vol. 16. No. 2. P. 140–147.

Введение

Глобальный тренд развития технологий искусственного интеллекта (ИИ), являющихся ядерными технологиями Четвертой промышленной революции, способствует тому, что сегодня все больше стран уделяют повышенное внимание формированию национальной политики в этой области. Борьба за технологическое лидерство в современном мире нередко выходит за рамки обычной конкуренции, проявляясь в качестве одного из главных компонентов санкционной политики. Это создает почву для выстраивания искусственных политических барьеров, препятствующих развитию международного сотрудничества и способствующих усилению технологического унилатерализма, который в совокупности с протекционизмом, технологической изоляцией и концентрацией технологий может послужить источником серьезных геополитических изменений.

Поэтому на фоне все более обостряющейся глобальной технологической конкуренции для многих стран приобретает первостепенное значение укрепление технологического суверенитета и скорейшая выработка собственной политики в наиболее перспективных высокотехнологичных отраслях, к которым принадлежит и стремительно развивающаяся сфера технологий искусственного интеллекта.

Научно-технологическая основа развития ИИ в Китае

В настоящее время Китай является одним из признанных мировых лидеров, наряду с США и ЕС, в области развития и внедрения технологий ИИ. Так, например, эксперты из американского Center for Data Innovation в своем последнем отчете указывают, что США удерживают лидирующие позиции в четырех из шести исследуемых ими категориях: таланты (количество высококлассных исследователей, участие в научных конференциях и др.), исследования (количество публикаций, цитирований, расходы на НИОКР и др.), разработки (количество компаний, стартапов, патентов и др.) и оборудование (производство и исследования полупроводников, производство компьютерных чипов и т. д.), а Китай является мировым лидером в категориях внедрение (число сотрудников в компаниях, связанных с ИИ) и данные (количество пользователей мобильных платежей, уровень внедрения цифровых медицинских карт, Интернет вещей и др.)[1].

Правительство КНР сосредоточило значительные финансовые ресурсы на развитии технологий ИИ: около $ 32 млрд до 2030 г.[2] Рынок продуктов, связанных с ИИ, в Китае демонстрирует темпы роста, значительно превышающие среднемировые показатели. Согласно экспертным оценкам, рынок технологий ИИ в Китае растет на 44% в год, тогда как для мирового рынка средний показатель роста этой сферы находится на уровне 26% в год[3]. По оценкам международных экспертов, из 50 глобальных компаний ИИ с наибольшими темпами роста в мире 30 являются резидентами США и 14 — Китая[4].

Китай занимает лидирующие позиции в мире в области создания суперкомпьютерной инфраструктуры, имеющей критическое значение для глубокого машинного обучения, лежащего в основе современного поколения технологий ИИ. По последним данным, по числу суперкомпьютеров Китай занимает первое место в мире — 214 систем (42% от общемирового количества), за ним следуют США — 113 систем (22,6%), Япония — 34 системы (6,8%), и третье место по их совокупной производительности — 566,6 петафлопс[5] (23,3% от общемирового показателя). По данному показателю незначительное преимущество имеют США и Япония, совокупная производительность суперкомпьютеров, расположенных в этих странах, составляет 668,7 и 593,7 петафлопс соответственно[6].

Создание ИИ следующего поколения, способного думать и принимать решение в реальном времени, связано с миниатюризацией компьютерных систем, уменьшением потребляемой ими энергии, повышением скорости вычислений, увеличением способности к глубокому контекстному обучению. В этом аспекте для содействия крупным технологическим прорывам в области ИИ в китайском «Плане развития искусственного интеллекта нового поколения» подчеркивается важность ускорить исследования в области квантовых вычислений и науки о мозге[7]. Следует подчеркнуть, что развитию квантовых вычислений уделяется повышенное внимание во многих национальных стратегиях развития ИИ. К примеру, в одном из ключевых документов ИИ-стратегии Европейского союза («Цифровой компас — 2030») указывается, что квантовая революция в следующем десятилетии коренным образом расширит спектр использования цифровых технологий, прежде всего, в здравоохранении,

---

1 *Castro D., McLaughlin M.* Who Is Winning the AI Race: China, the EU, or the United States? 2021 Update. 49 p. [Electronic resource]. URL: https://datainnovation.org/2019/08/who-is-winning-the-ai-race-china-the-eu-or-the-united-states/ (accessed 21.01.2022).

2 Stanford University Human-Centered Artificial Intelligence [Electronic resource]. Artificial Intelligence Index Report 2021. 222 p. URL: https://aiindex.stanford.edu/report/ (accessed 16.01.2022).

3 The AI Ecosystem in China 2020 [Electronic resource]. URL: https://daxueconsulting.com/wp-content/uploads/2020/03/AI-in-China-2020-White-Paper-by-daxue-consulting-2.pdf (accessed 28.12.2021).

4 Global Artificial Intelligence Industry Whitepaper [Electronic resource]. URL: https://www2.deloitte.com/cn/en/pages/technology-media-and-telecommunications/articles/global-ai-development-white-paper.html (accessed 28.12.2021).

5 Петафлопс (petaflops) — единица вычислительной мощности, равна 10^{15} операций в секунду.

6 The official TOP500 website. TOP500. November 2021 [Electronic resource]. URL: https://top500.org/statistics/list/ (accessed 20.01.2022).

7 新一代人工智能发展规划的通知 (Уведомление Госсовета о выпуске Плана развития искусственного интеллекта нового поколения) [Electronic resource]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (accessed 10.01.2022).

повышении безопасности связи и передачи данных, улучшении эффективности мониторинговых ресурсов, бизнесе и экологичности производства[1].

В области создания квантового компьютера в настоящее время пальму первенства Китай оспаривает с США. В ведущих мировых научных журналах одна за другой появляются публикации о том, что ученым из этих стран удалось добиться «квантового превосходства» на большем, чем у остальных, количестве кубитов[2]. В 2019 г. в журнале Nature была опубликована статья о квантовом компьютере Sycamore компании Google, работающем на 54 кубитах [5]. В конце 2020 г. появилась информация о китайском квантовом компьютере Jiuzhang на 76 кубитах, который, по словам создателей, во много раз по своим возможностям превосходит Sycamore [6]. При этом следует отметить, что Jiuzhang способен решать только одну специфическую задачу, а Sycamore, хоть и является программируемым, для поддержания работоспособности требует сверхнизких температур, близких к абсолютному нулю, поэтому обе разработки являются скорее лабораторными экспериментами и говорить о победителе в квантовой гонке пока что преждевременно.

Что касается роли науки о мозге в создании технологий ИИ следующего поколения, то создатели последних с самого начала вдохновлялись открытиями фундаментальных принципов работы человеческого мозга. Так, например, один из пионеров в области ИИ Марвин Ли Мински обозначил главную цель одной из своих знаменитых работ следующим образом: «Выработать теории о том, как работает человеческий мозг, и разработать механизм, способный чувствовать и думать. Затем полученные идеи можно попытаться использовать как для изучения нас самих, так и для разработки искусственного интеллекта» [7, с. 9].

Сегодня в мире лишь семь стран имеют собственные крупномасштабные проекты по исследованию мозга [1]. В марте 2016 г. Национальное собрание народных представителей КНР утвердило рассчитанную на 15 лет инициативу China Brain Project (CBP), включив ее в план XIII пятилетки и обширную программу развития науки и технологий до 2030 г. Основную идеологию проекта его организаторы описали формулой “One body two wings”, где в качестве тела выступают понимание фундаментальных основ когнитивных функций и развитие технологических платформ для исследования мозга, а крыльями являются развитие технологий ИИ, развитие методов ранней диагностики и лечения заболеваний мозга [8, с. 592]. В этой формуле заключается одна из главных особенностей китайского проекта, который выдвигает на первый план применение основных достижений нейронауки к созданию технологий ИИ и машинного обучения. По этому поводу директор Института неврологии и руководитель Центра передового опыта в области науки о мозге и интеллектуальных технологий Китайской академии наук Му-мин По отмечает следующее: «CBP ставит исследования нарушений мозга и искусственного интеллекта в качестве непосредственных высокоприоритетных областей, а не в качестве отдаленных целей после того, как мы лучше поймем работу мозга. Фактически, нейронаука уже сегодня может внести полезный вклад в эти две области» [10, с. 258].

В настоящее время Китай достиг того уровня технологического, финансового и компетентностного могущества для того, чтобы конвертировать свои научно-технологические достижения в международное политическое влияние, одновременно сохранив свой суверенитет в области высоких технологий от Запада. Например, по последним данным Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO), из 20 ведущих университетов и государственных исследовательских организаций в области ИИ подавляющее большинство (17) находятся в Китае, кроме того, два крупнейших портфеля патентов в области ИИ принадлежат китайской Академии наук. Доминирование Китая становится еще более очевидным, если обратиться к списку 500 лучших организаций по количеству патентов в области ИИ: Китай представлен более чем 100 организациями, для сравнения в этот перечень входят 20 организаций из США и по 4 из Европы и Японии. В топ-20 университетов и государственных исследовательских

[1] 2030 Digital Compass: The European Way for the Digital Decade [Electronic resource]. Brussels, 9.3.2021 COM (2021) 118 final, 21 p. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021DC0118&from=en (accessed 10.01.2022).

[2] Кубит (q-бит, кьюбит, кубит; от quantum bit) — наименьшая единица информации в квантовом компьютере (аналог бита в обычном компьютере), использующаяся для квантовых вычислений.

организаций по наибольшему количеству публикаций по теме ИИ Китай вновь занимает доминирующие позиции, в списке десять из двадцати крупнейших по этому показателю государственных исследовательских институтов являются китайскими, а Китайская Академия наук занимает первое место [11, с. 61–63]. При этом сами китайские исследователи указывают на определенную степень закрытости своих коллег с точки зрения придания публичности результатам своих исследований в сфере ИИ: «Китайские ученые опасаются, что их хорошие идеи будут восприняты западными исследователями, которые работают быстрее и обладают языковым преимуществом, чтобы быстрее описывать результаты... Мы должны научиться защищать свои собственные интересы с точки зрения прав интеллектуальной собственности, коммерциализации разработок и военных приложений» [9, с. 541].

Национальная политика Китая в области ИИ

Формирование целостной государственной политики Китая в области ИИ приходится на период 2015–2018 гг., когда на разных уровнях был принят ряд стратегических документов, определяющих основные направления и приоритеты развития в этой сфере.

Таблица

Ключевые стратегические документы Китая в области ИИ

Table. Major Chinese strategic documents related to AI

Название	Дата принятия	Основной фокус
«Сделано в Китае 2025»	Май 2015 г.	Развитие интеллектуального производства, робототехники, полупроводников. ИИ должен стать драйвером экономического роста и автоматизации производства
«Интернет +»	Июль 2015 г.	Развитие доступа в Интернет для промышленности, использование ИИ для создания новых сервисов и приложений, развития базовых предприятий в сфере ИИ
Трехлетний план действий в области ИИ	Май 2016 г.	Развитие экосистемы технологий ИИ, создание предприятий и продукции мирового класса
План развития искусственного интеллекта нового поколения	Июль 2017 г.	Дорожная карта по обеспечению мирового лидерства Китая в области ИИ до 2030 г.
Имплементация видения провинции Шанхай развития искусственного интеллекта нового поколения	Ноябрь 2017 г.	Развитие в Шанхае умных автомобилей, роботов, программных платформ, производства полупроводников для ИИ, умных датчиков
Некоторые меры содействия развитию индустрии ИИ	Ноябрь 2017 г.	Создание специального фонда 200 млн юаней в год для привлечения талантов и инноваций в Уханьскую зону развития высоких технологий
Создание китайского альянса по развитию индустрии ИИ	Ноябрь 2017 г.	Национальная комиссия по развитию и реформам КНР создает специальную группу, в которую вошли представители китайских компаний-лидеров в области ИИ, включая Baidu, Unicom, ZTE, iFlytek, AI speech, Sysware, Haier, Huawei
Новые руководящие принципы для развития индустрии ИИ	Декабрь 2018 г.	Соответствие руководящих принципов основным положениям национальной стратегии в области ИИ
Белая книга по стандартизации ИИ	Январь 2018 г.	Представлен китайский взгляд на стандарты в области ИИ. Рекомендации и предложения по международной стандартизации ИИ для ISO

Источник: China embraces AI: A Close Look and A Long View. Eurasia Group URL: https://www.eurasiagroup.net/files/upload/China_Embraces_AI.pdf (accessed: 19.02.2022)

В целом указанные документы представляют целостный официальный взгляд китайского правительства на национальную стратегию развития технологий ИИ, обозначают приоритетные направления и цели, формируют систему организационных и финансовых механизмов для их достижения. По мнению некоторых исследователей, то, что «в Китае на всех уровнях были официально утверждены масштабные планы, конкретизированы проекты и сформулированы задачи развития ИИ, ... позволило обеспечить системный подход, контроль и распределение нагрузки на отрасль в целом» [3, с. 601]. Планы Китая

в области технологий ИИ выглядят действительно амбициозными, так, в уже упомянутом Плане развития ИИ нового поколения от 2017 г. обозначены плановые финансовые показатели в рамках трех контрольных дат:

- 2020 г. (приоритетные направления: большие данные, автономные интеллектуальные системы, роевой интеллект, гибридный расширенный интеллект, основополагающие теории ИИ) — доход отрасли ИИ должен составить 150 млрд юаней, с учетом смежных отраслей — 1 трлн юаней;
- 2025 г. (приоритетные направления: интеллектуальное производство, интеллектуальная медицина, интеллектуальный город, интеллектуальное сельское хозяйство, национальная оборона, нормативное регулирование сферы ИИ, системы оценки и контроля безопасности ИИ) — основная отрасль ИИ — 400 млрд юаней, с учетом смежных отраслей — 5 трлн юаней;
- 2030 г. (социальное управление, национальная оборона, производственно-сбытовая цепочка) — основная отрасль ИИ — 1 трлн юаней, с учетом смежных отраслей — 10 трлн юаней[1].

Анализируя существенные достижения Китая в области ИИ, некоторые эксперты подчеркивают: «Китай планирует расширить источники инноваций в сфере ИИ, создать платформу, которая позволит укрепить развертывание и станет мотивацией для использования открытого исходного кода. Система должна стать основой для непрерывных инноваций, которые помогут Китаю забраться на вершину мировых технологий и развить эту сферу до невероятного уровня» [2, с. 116].

Сотрудничество Китая с другими странами в области ИИ зачастую включается в более широкий контекст, связанный с высокими технологиями четвертой промышленной революции: ИИ, квантовые вычисления, большие данные, «облачные» вычисления, строительство «умных» городов и т. п. «Цифровой шелковый путь», включающий достижения в области ИИ, еще больше укрепляет технологическую и экономическую власть Китая, смещая в его сторону геополитический баланс в мире. Анализируя успехи Китая в области развития высоких технологий за последние 20 лет, некоторые авторы указывают, что «технологическое возвышение Китая заставляет говорить о формировании новой двухполюсной конфигурации глобального технологического пространства, нарушить которую будет не по силам в среднесрочной перспективе ни одному из государств» [4, с. 33].

Заключение

Несмотря на то, что все еще в отдельных высокотехнологичных сферах сохраняется зависимость от США, например, в сфере производства полупроводниковой продукции, Китай формирует альтернативное западному пространство в сфере наиболее передовых технологий, включая ИИ, опираясь на которое, все увереннее проецирует свои геополитические амбиции. Сегодня с уверенностью можно утверждать, что на международной арене идет процесс формирования двух больших пространств в области технологий ИИ:

- первое объединяет страны Организации экономического сотрудничества и развития с безусловным финансовым, технологическим и ценностно-нормативным доминированием США и ЕС;
- второе пространство формируется вокруг Китая, в орбиту которого попадают страны, для которых сотрудничество с Западом осложняется ввиду широкого спектра международных противоречий (в т. ч. и Россия).

Логика глобального технологического противоборства, все более ужесточающийся режим санкций выводят на первый план перед странами, которые не в состоянии противостоять технологической гегемонии Китая и США, дилемму выбора между двумя большими технологическими пространствами. В этом смысле перед Россией сегодня стоит отнюдь нетривиальная задача: с одной стороны, не остаться на обочине глобального технологического прогресса, с другой — одновременно с этим не утратить свой суверенитет в сфере высоких технологий и не закрыть возможности многостороннего сотрудничества с ведущими игроками.

[1] 新一代人工智能发展规划的通知 (Уведомление Госсовета о выпуске Плана развития искусственного интеллекта нового поколения) [Electronic resource]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (accessed 10.01.2022).

Литература

1. *Выходец Р. С., Рущин Д. А.* Роль Большой науки о мозге в технологическом лидерстве в области искусственного интеллекта // Общество. Среда. Развитие. 2021. № 3 (42). С. 11–16.
2. Обзор отдельных вопросов в области больших данных и искусственного интеллекта. М. : ФКУ «ГИАЦ МВД России», 2019. 148 с.
3. *Струкова П. Э.* Искусственный интеллект в Китае: современное состояние отрасли и тенденции развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2020. Т. 12. Вып. 4. С. 588–06. DOI: 10.21638/spbu13.2020.409
4. *Хейфец Б. А.* Каким маршрутом пойдет Россия по одному непростому китайскому пути (научный доклад). М. : Институт экономики РАН, 2020. 62 с.
5. *Arute F.* Quantum supremacy using a programmable superconducting processor // Nature. October 2019, No. 574. P. 505–510. DOI: 10.1038/s41586-019-1666-5
6. *Han-Sen Zhong, Hui Wang, Yu-Hao Deng* [et al.]. Quantum computational advantage using photons // Science. December 2020, No. 370, Issue 6523. P. 1460–1463. DOI: 10.1126/science.abe8770
7. *Minsky M.* The Emotion Machine: Commonsense Thinking, Artificial Intelligence, and the Future of the Human Mind. New Work, 2006. 400 p.
8. *Mu-ming Poo, Jiu-lin Du* [et al.]. China Brain Project: Basic Neuroscience, Brain Diseases, and Brain-Inspired Computing // Neuron. 2016, November No. 2. P. 591–596. DOI: https://doi.org/10.1016/j.neuron.2016.10.050
9. *Qiu J.* Research and Development of Artificial Intelligence in China // National Science Review. 2016, Vol. 3, No. 4. P. 538–541 DOI: 10.12783/dtcse/iciti2018/29133
10. *Wang Ling.* Mu-ming Poo: China Brain Project and the future of Chinese neuroscience // National Science Review. 2017, Vol. 4, No. 2. P. 258–263. DOI: 10.1093/nsr/nwx014
11. WIPO Technology Trends 2019. Artificial Intelligence. Geneva, WIPO, 2019. 158 p.

Об авторе:

Выходец Роман Сергеевич, доцент кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат философских наук, доцент;
marketing812@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5910-9815

References

1. Vykhodets R. S., Ruschin D. A. The Role of Big Brain Science in technological Leadership in the Space of Artificial Intelligence // Society. Wednesday. Development [Obschestvo. Sreda. Razvitie]. 2021, No. 3 (42). P. 11–16. (In Rus.)
2. Review of Individual Issues of Big Data and Artificial Intelligence. Moscow : FSI “MIAC MIA of Russia”, 2019. 148 p. (In Rus.)
3. Strukova P. E. Artificial Intelligence in China: The Current State of Industry and Development Trends // Bulletin of St. Petersburg University. Asian and African Studies [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika] 2020, 12 (4), 588–606. DOI: 10.21638/spbu13.2020.409. (In Rus.)
4. Heyfec B. A. What route will Russia take along one difficult Chinese path (scientific report). Moscow : Institute of Economics RAS, 2020. 62 p. (In Rus.)
5. Arute F. Quantum supremacy using a programmable superconducting processor // Nature, October 2019, No. 574. P. 505–510. DOI: 10.1038/s41586-019-1666-5
6. Han-Sen Zhong, Hui Wang, Yu-Hao Deng [et al.]. Quantum computational advantage using photons // Science, December 2020, No. 370, Issue 6523. P. 1460–1463. DOI: 10.1126/science.abe8770

7. Minsky M. The Emotion Machine: Commonsense Thinking, Artificial Intelligence, and the Future of the Human Mind. New Work, 2006. 400 p.
8. Mu-ming Poo, Jiu-lin Du [et al.]. China Brain Project: Basic Neuroscience, Brain Diseases, and Brain-Inspired Computing // Neuron 92. 2016, November No. 2. P. 591–596. DOI: https://doi.org/10.1016/j.neuron.2016.10.050
9. Qiu J. Research and Development of Artificial Intelligence in China // National Science Review. 2016, Vol. 3, No. 4. P. 538–541 DOI: 10.12783/dtcse/iciti2018/29133
10. Wang Ling. Mu-ming Poo: China Brain Project and the future of Chinese neuroscience // National Science Review. 2017, Vol. 4, N 2. P. 258-263. DOI: 10.1093/nsr/nwx014
11. WIPO Technology Trends 2019. Artificial Intelligence. Geneva, WIPO, 2019. 158 p.

About the author:

Roman S. Vykhodets, Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Philosophy, Associate professor;
marketing812@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5910-9815

DOI 10.22394/2073-2929-2022-02-148-157

Арктическая стратегия Японии и национальные интересы России

Грибанова Г. И.*, **Магдалюк А. В.**
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
* ggribanova@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4313-5178

РЕФЕРАТ

Данное исследование направлено на изучение основных направлений арктической политики Японии, а также ее влияния на развитие российско-японского сотрудничества в регионе.

Цель. Проанализировать становление японской арктической стратегии, установить перспективные направления российско-японских отношений и проблемы двустороннего партнерства в Арктике.

Задачи. Выявить основные этапы формирования арктической политики Японии, определить значение Северного морского пути для Токио, изучить сферы российско-японского сотрудничества в Арктике, дать оценку проблемам и перспективам двустороннего взаимодействия в Арктике.

Методология. В данной работе с помощью метода сравнительного анализа, контент-анализа, ивент-анализа выявлены направления, способствующие укреплению российско-японских отношений в Арктике, а также факторы, которые смогут ослабить их сотрудничество в регионе.

Результаты. Исследование показало, что Япония как морская держава стремится быть активным актором в арктических политико-экономических процессах, так как возможности Арктики сыграют большую роль в развитии японской экономики благодаря диверсификации поставок сырья и использованию арктических маршрутов. Значимым партнером Японии в Арктике является Россия, совместно с которой государство реализует крупный энергетический проект — «Арктик СПГ-2». Освоение и модернизация инфраструктуры Северного морского пути — еще одна перспективная сфера развития русско-японских отношений в Арктике. Несмотря на это, существует ряд противоречий, которые могут негативно сказаться на сотрудничестве двух государств в Арктике, — это различие подходов к определению статуса Северного морского пути и международно-правового статуса Арктики.

Выводы. Несмотря на заинтересованность Японии в использовании Северного морского пути, а также участие в энергетических проектах на территории российской Арктики, в двусторонних отношениях Москвы и Токио есть ряд нерешенных вопросов, затрудняющих упрочнение их арктического сотрудничества, среди которых особое место занимают проблема Курильских островов и различие в подходах к определению будущего статуса Арктического региона.

Ключевые слова: Арктика, внешняя политика, Япония, Россия, Северный морской путь, сжиженный природный газ

Для цитирования: *Грибанова Г. И., Магдалюк А. В.* Арктическая стратегия Японии и национальные интересы России // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 2. С. 148–157.

Arctic Strategy of Japan and Russian National Interests

Galina I. Gribanova*, **Alexandra V. Magdalyuk**
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation;
* ggribanova@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4313-5178

ABSTRACT

This work examines the main directions of the Japanese Arctic policy, its impact on the development of Russian-Japanese cooperation in the region.

Aim. The study aims to analyze the formation of the Japanese Arctic strategy, to define promising areas and problems of Russian-Japanese relations.
Tasks. The authors identify the main stages of the Japanese Arctic policy, determine the significance of the Northern Sea Route (NSR) for Tokyo, study the areas of Russian-Japanese cooperation, assess the problems and prospects of bilateral cooperation in the Arctic.
Methods. Using the method of comparative analysis, content analysis, event analysis, we have identified areas that contribute to the strengthening of Russian-Japanese relations in the Arctic and factors that can weaken this cooperation.
Results. The study shows that Japan seeks to be an active actor in the Arctic processes, since this region will play a significant role in the development of the Japanese economy through the energy supplies diversification. Japan's key partner here is Russia, and they are implementing a major energy project — Arctic LNG-2. The modernization of the NSR's infrastructure is another promising area for the development of Russian-Japanese relations. However, there are contradictions that may affect their cooperation — this is the differences in definition the NSR status and the international legal status of the Arctic.
Conclusion. Despite Japan's interest in using the NSR and participation in energy projects in the Russian Arctic, there are some issues that make it difficult to strengthen their Arctic cooperation. There are the problem of the Kuril Islands and the difference in determining the status of the Arctic region.
Keywords: Arctic, foreign policy, Japan, Russia, Northern Sea Route, liquefied natural gas
For citing: Gribanova G. I., Magdalyuk A. V. Arctic Strategy of Japan and Russian National Interests // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2022. Vol. 16. No. 2. P. 149–158.

Введение

Возрастающее внимание мировой общественности к Арктике обусловлено ускоренными темпами глобального потепления, стремительным таянием ледников, а также большим геополитическим и геоэкономическим потенциалом, которым обладает данный регион. Не случайно в последние годы появилось множество исследований, касающихся стратегии и роли различных государств, как арктических, так и неарктических, в данном регионе земного шара. Среди российских авторов следует, на наш взгляд, в первую очередь отметить А. С. Сергунина, А. А. Конышева, М. Л. Лагутину, В. П. Журавля, В. А. Гудева[1] и некоторых других, среди зарубежных наибольший интерес представляют работы Ф. Лассера, К. Соренсен, О. Янга, А. Лаженесса, М. Лантень[2]. Совершенно естественно, что в центре внимания находятся арктические и приарктические государства, являющиеся членами Арктического Совета. Значительно меньшее значение придается неарктическим государствам — наблюдателям в этой важной международной организации. Однако и здесь научный интерес распределяется далеко не равномерно. В центре внимания, безусловно, находится Китай, как мощная геополитическая и геоэкономическая держава, инициатор создания проекта Ледового шелкового пути. В то же время работ, раскрывающих сущность и политико-экономическую направленность арктической политики Японии в российской политической науке, почти нет. Исключением, пожалуй, может только служить статья В. П. Журавля, опубликованная в журнале «Арктика и Север» в 2016 г. В зарубежных источниках мы можем найти целый

[1] *Гудев П.* Арктические амбиции Поднебесной [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. URL: https://globalaffairs.ru/global-processes/Arkticheskie-ambitcii-Podnebesnoi-19711 (дата обращения: 02.10.2021); *Конышев В. Н., Сергунин А. А.* Международные организации и сотрудничество в Арктике // Вестник международных организаций. 2011. № 3 (34). С. 27–36; *Лагутина М. Л, Ван Ц., Васильева Н. А.* К вопросу о формировании арктической политики Китайской Народной Республики // Арктика: общество, наука и право: сборник статей форума с международным участием. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета. 2020. С. 56–66; *Журавель В. П.* Китай, Республика Корея и Япония в Арктике: политика, экономика, безопасность //Арктика и Север. 2016. № 24. С. 112–144.

[2] *Adam Lajeunesse.* Finding "win-win" China's Arctic policy and what it means for Canada // SPP Briefing Paper. 2018. Vol. 11:33. P. 1–14; *Camilla T. N. Sørensen*, *Ekaterina Klimenko.* Emerging Chinese-Russian cooperation in the Arctic. Possibilities and constraints // SIPRI Policy Paper. 2017. № 46. 56 p.; *P. Whitney Lackenbauer, Adam Lajeunesse, Frederic Lasserre, James Manicom.* China's Arctic Ambitions and What They Mean for Canada (Beyond Boundaries). University of Calgary Press, 2018. 274 p.; *Oran R. Young.* Arctic governance — pathways to the future // Arctic Review on Law and Politics. 2010. Vol. 1, 2. P. 164–185; *Marc Lanteigne.* Not Stopping Cold: China's Emerging Strategies in the Arctic // Norwegian Institute of International Affairs. 2016–2017. P. 1–6.

ряд работ, посвященных этой теме, например, статьи японских исследователей Т. Икешимы, А. Тонами, Ф. Ониши, Х. Эномото и других, однако в них недостаточное внимание обычно уделено российско-японским отношениям в контексте взаимодействия в Арктическом регионе. В связи с этим нам представляется важным раскрыть проблемы и перспективы сотрудничества двух стран в Арктике — регионе, чье геополитическое и геоэкономическое значение в современном мире идет по нарастающей.

Основные этапы формирования арктической политики Японии

Япония как морская держава, обладающая одним из сильнейших военно-морских флотов мира, не может оставаться в стороне от политических процессов, происходящих в Арктике. Несмотря на тот факт, что Япония была одной из последних стран, подавших заявку на получение статуса наблюдателя при Арктическом Совете, ее арктическая политика имеет довольно длительную историю. Уже в 1990-х гг. два японских фонда — Nippon Foundation и Ship & Ocean Foundation (которые в настоящее время объединены в фонд под названием Ocean Policy Research Foundation) — совместно с Россией и Норвегией разработали Программу Международного Северного морского пути (INSROP) сроком на шесть лет. Целью программы было изучение экономических возможностей арктических транспортных маршрутов. В дальнейшем INSROP была преобразована в Японскую программу Северного морского пути, рассчитанную на 2002–2005 гг. Программа была призвана изучить потенциал Северного морского пути для японской судоходной отрасли, однако вскоре была закрыта в связи с экономическим кризисом в самой Японии, а также высокими рисками использования полярных морских путей, которые преобладали над потенциальной выгодой [9, с. 95–96].

В 2010 г. в рамках Министерства иностранных дел Японии была создана Арктическая целевая группа (Arctic Task Force). Целью группы была выработка общего подхода к арктической политике Японии, который должен включать такие сферы, как экология, экономика, безопасность и международное право. В 2012 г. крупный аналитический центр Японии, Японский институт международных отношений, опубликовал исследовательский проект под названием «Управление Арктикой и дипломатическая стратегия Японии» (Arctic Governance and Japan's Diplomatic Strategy), ставший результатом семи проведенных семинаров с участием экспертов в области международного права, судоходства, обороны и международных отношений. Данный 97-страничный отчет разделен на восемь частей, которые соответствуют различным аспектам арктической политики. В первую очередь в документе дается обоснование важности участия Японии в развитии энергетики в Арктике, так как страна обладает большим технологическим потенциалом, который совместно с японскими инвестициями может принести выгоду всем заинтересованным сторонам [8]. В то же время в отчете высказываются опасения представителей судоходной отрасли относительно использования Северного морского пути для транспортировки контейнерных грузов, как экономически невыгодного в связи со слабо развитой инфраструктурой. С точки зрения национальной безопасности Японии в документе 2012 г. подчеркивается важность укрепления американо-японского альянса, так как США входит в число стран Арктической пятерки, что в дальнейшем может стать противовесом расширяющегося российско-китайского сотрудничества в регионе. Учитывая, что отчет был выпущен в 2012 г., за год до получения Японией статуса постоянного наблюдателя при Арктическом Совете, в нем обосновывается значимость данного статуса не только для самого государства, но и для всей системы управления Арктикой, так как Токио готов внести вклад в развитие международного сотрудничества в сфере научных исследований и исследований окружающей среды. В заключительной части опубликованного документа перечислены рекомендации японскому правительству, которые включают в себя построение взаимовыгодных отношений с прибрежными арктическими государствами касательно разведки и разработки ресурсов, особенно с США; приверженность принципам Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.; усиление роли Японии в вопросах охраны окружающей среды; активизация арктической дипломатии [8]. Таким образом, собрав воедино экспертные мнения, отчет 2012 г. впервые обозначает основные сферы, на которые необходимо обратить внимание при формировании арктической стратегии Японии.

В 2013 г. Япония, наряду с другими азиатскими государствами — Китаем, Южной Кореей, Индией и Сингапуром — получила статус наблюдателя на Министерской сессии Арктического Совета в Кируне и с тех пор принимает активное участие в его работе по всем значимым вопросам арктической повестки дня.

Спустя два года, в октябре 2015 г., Штаб по океанской политике при Кабинете министров Японии принимает первую официальную арктическую стратегию под названием «Арктическая политика Японии». В тексте стратегии выражается озабоченность относительно происходящих в Арктике климатических изменений, которые имеют последствия для всего мира. В связи с этим Япония готова взять на себя ведущую роль в обеспечении устойчивого развития Арктики, которое будет основываться на применении достижений науки и техники, находящихся в распоряжении страны. Стоит отметить, что «Арктическая политика» 2015 г. в какой-то степени является продолжением Базового плана океанской политики, принятого Кабинетом министров Японии в 2013 г., и разделяет его основные цели. Это наблюдение и исследование Арктики; укрепление международного сотрудничества в Арктике; изучение возможностей Арктического морского пути[1]. Вместе с тем стратегия 2015 г. конкретизирует эти цели, дополняя их практическими действиями. Так, под наблюдением и исследованием Арктики в более широком смысле понимаются такие инициативы, как укрепление международного научно-технологического сотрудничества посредством наблюдений в Арктике и совместных исследовательских проектов.

Укреплять международное сотрудничество предлагается с помощью расширения двусторонних и многосторонних связей не только между полярными государствами, но и с участием неарктических акторов. В «Арктической политике Японии» также подчеркивается роль действующих в регионе соглашений, среди которых особое место занимает «Полярный кодекс», разработанный Международной морской организацией в 2017 г., и верховенство норм международного права в целом при принятии решений в Арктике. Более того, укрепление международного сотрудничества в Арктике невозможно без усиления роли Арктического Совета, в работе которого Япония стремится принимать активное участие. Япония возлагает большие надежды на Арктический Совет как на международный институт, способный сыграть важную роль не только в сохранении уникальной окружающей среды региона, но также стать основой для выработки единой модели политического управления Арктикой. Такая модель должна строиться на продвигаемой неарктическими государствами концепции об общем наследии человечества, которая предполагает интернационализацию Арктики и равный для всех стран доступ к ее ресурсам и маршрутам, их рациональное использование, а также недопущение милитаризации региона.

Большое значение в «Арктической политике Японии» придается устойчивому использованию Арктики, под которым понимается вовлечение японских компаний в экономическую деятельность Арктического региона, исследование возможностей и проблем эксплуатации арктических морских маршрутов японской судоходной отраслью, а также сотрудничество со всеми заинтересованными сторонами в деле разработки и добычи природных ресурсов. Таким образом, «Арктическая политика Японии» 2015 г. наметила стратегические цели и задачи внешнеполитической деятельности страны в регионе на среднесрочную и долгосрочную перспективу.

Положения документа были подтверждены словами министра иностранных дел Японии Таро Коно во время его выступления на тему «идеальной Арктики» на открытии сессии Арктического Совета в 2018 г., которая прошла в Рейкьявике, Исландия. «Идеальная Арктика» для японского правительства включает в себя три базовых элемента: развитие научных исследований для лучшего понимания происходящих в Арктике экологических изменений; организации экономической деятельности, которая должна учитывать особенности экосистемы региона и уклад жизни коренных народов; соблюдение международного права и преобладание межгосударственного сотрудничества над соперничеством[2].

---

[1] Japan's Arctic Policy [Electronic resource] // The Headquarters for Ocean Policy. 16.10.2015. URL: https://www8.cao.go.jp/ocean/english/arctic/pdf/japans_ap_e.pdf (accessed: 16.10.2021).

[2] Speech by H. E. Mr. Taro Kono, Minister for Foreign Affairs of Japan at the Arctic Circle 2018 Opening Session. 19 October 2018 [Electronic resource]. URL: https://www.mofa.go.jp/files/000410409.pdf (accessed: 11.10.2021).

Япония и Северный морской путь

Особый интерес в рамках своей арктической политики Япония проявляет к Северному морскому пути. Несмотря на ведущиеся в стране споры, касающиеся преимуществ и рисков его использования японскими судоходными компаниями, правительство Японии проявляет большой интерес к данному полярному маршруту. Северный морской путь напрямую соединяет Японию и Европу, являясь альтернативой торговому маршруту через Суэцкий канал, так как СМП на 40% короче традиционного пути. Так, например, протяженность маршрута от японского порта Йокогама до порта Роттердам в Нидерландах через арктические воды составляет 7300 морских миль, что на 13 дней быстрее, чем через Суэцкий канал [3, с. 5]. Кроме того, учитывая периодическое обострение военно-политической ситуации в странах Ближнего Востока, а также процветающее пиратство в Индийском океане, Северный морской путь является более безопасным вариантом для транспортировки грузов.

Японский исследователь Таро Коно дает развернутую аргументацию целесообразности превращения Хоккайдо как самого северного острова Японии в азиатские ворота Северного морского пути[1]. Действительно, японский порт Томакомай, расположенный на острове Хоккайдо, имеет выгодное географическое положение и на данный момент претендует на роль хаба Северного морского пути. Ожидается, что в порту Томакомай будет происходить перегрузка контейнеров для дальнейшей транспортировки в более отдаленные районы Азии.

Однако использование арктических морских путей все еще сопряжено с рядом трудностей, среди которых наиболее существенными являются дрейфующий лед, короткий период навигации и высокие расходы. Более того, любому судну, планирующему передвижение по Северному морскому пути, необходимо заблаговременно уведомить правительство России о своих намерениях и получить разрешение Администрации СМП на плавание в его акватории. Толщина ледового покрова в Арктике остается существенной даже в летние месяцы, в период наиболее активной навигации, поэтому использование ледокольного сопровождения необходимо в любое время года.

Осознавая перспективность использования СМП, японское правительство намерено не только модернизировать порт Томакомай и превратить его в значимый для всего азиатского региона транспортный узел, но также готово к созданию собственного ледокольного флота. Министерство образования, науки и технологий Японии приняло решение начать строительство арктического исследовательского ледокола в период с апреля 2021-го по март 2022 г. Новый ледокол[2] будет оснащен двухтопливным двигателем, который сможет работать на сжиженном природном газе, а также будет способен преодолевать лед толщиной 1,2 м. Проектируемое исследовательское судно займется изучением процессов таяния ледников и изменения экосистемы Северного Ледовитого океана. Запуск производства собственного ледокола специально для арктических вод еще раз подтверждает серьезность намерений Японии в регионе.

Российско-японское сотрудничество в сфере энергетики

Большой интерес для Японии представляют энергетические ресурсы Арктики. После аварии на атомной электростанции «Фукусима-1» в 2011 г. работа всех атомных энергоблоков страны была приостановлена, что вынудило правительство увеличить импорт энергоносителей. В настоящее время Япония в большей степени зависит от поставок энергоресурсов из ближневосточных стран. Однако из-за нестабильной военно-политической ситуации в регионе, а также для укрепления своей энергетической безопасности Япония нуждается в диверсификации поставок углеводородного сырья.

Стоит отметить, что на сегодняшний день Япония является одним из крупнейших импортеров сжиженного природного газа в мире. Более того, Япония обладает наибольшим количеством СПГ-терминалов

[1] Speech by H. E. Mr. Taro Kono, Minister for Foreign Affairs of Japan at the Arctic Circle 2018 Opening Session. 19 October 2018 [Electronic resource]. URL: https://www.mofa.go.jp/files/000410409.pdf (accessed: 11.10.2021).

[2] Japan planning LNG-fuelled arctic research icebreaker [Electronic resource] // Argus Media. 13.05.2021. URL: https://www.argusmedia.com/en/news/2214591-japan-planning-lngfuelled-arctic-research-icebreaker (accessed: 05.10.2021).

для приема и регазификации импортируемого сырья. По данным таможенной службы Японии, в 2019 г. страна импортировала 77,327 млн т сжиженного природного газа, а в 2020 г. — 74,336 млн т, из которых 6,14 млн т СПГ за прошлый год приходятся на поставки из России. Доля Японии в общем стоимостном объеме российского экспорта СПГ в 2020 г. составила 32,9%. Учитывая ежегодное снижение импорта СПГ Японией, ожидается, что первое место в 2021 г. по общемировому объему импорта займет Китай, сместив Японию на второе место. При этом самыми крупными экспортерами сжиженного природного газа за 2019–2020 гг. остаются Катар, Австралия, США, Россия, Малайзия, Нигерия, Тринидад и Тобаго, Алжир и Индонезия[1]. Таким образом, являясь крупнейшим покупателем сжиженного природного газа и обладая необходимыми мощностями для его приема и регазификации, Япония стремится увеличить поставки СПГ из арктических месторождений, в том числе и российских.

Первая поставка сжиженного природного газа через воды Северного морского пути из норвежского месторождения Snohvit завода Hammerfest LNG, расположенного на острове Мелкоя, была осуществлена в декабре 2012 г. Кроме того, в 2013 г. независимая Японская национальная компания нефти, газа и металлов (Japan Oil, Gas and Metals National Corporation — JOGMEC) получила право на разработку нефтяного месторождения у побережья Гренландии общей площадью 5 тыс. км^2 [7, с. 44–45].

Российско-японское арктическое сотрудничество в области энергетики также набирает обороты. В 2019 г. через воды Северного морского пути в японский порт Тобата прибыла первая партия сжиженного природного газа, произведенного на заводе «Ямал СПГ», совместном предприятии российского ПАО «НОВАТЭК» (50,1%), французского концерна Total (20%), Китайской национальной нефтегазовой корпорации (20%) и Фонда Шелкового пути (9,9%). В этом же году консорциум Mitsui & Co и Японская национальная корпорация по нефти, газу и металлам JOGMEC приобрели 10% доли участия в проекте ПАО «НОВАТЭК» — «Арктик СПГ-2», что также предусматривает приобретение японскими компаниями сжиженного природного газа в объеме 2 млн т в год[2]. Японские инвестиции в проект должны составить около 3 млрд долл. США, что будет способствовать его успешной реализации.

«Арктик СПГ-2» — это проект российской компании «НОВАТЭК» (60%) с международным участием, который предусматривает добычу природного газа и производство сжиженного природного газа на Гыданском полуострове. Ввод строящегося объекта в эксплуатацию запланирован на 2023–2025 гг. Ожидается, что общая мощность трех линий «Арктик СПГ-2» составит 19,8 млн т СПГ в год. Помимо российского и японского участия, в реализации проекта также задействованы французская компания Total (10%), Китайская национальная нефтегазовая корпорация — CNPC (10%) и Китайская национальная шельфовая нефтяная корпорация — CNOOC (10%)[3].

Несмотря на тот факт, что Япония вслед за США и странами Европы присоединилась к антироссийским санкциям, которые стали следствием украинского кризиса, сферу энергетики в российско-японских отношениях они не затронули. По сравнению с другими государствами, поддерживающими санкции против России, японские санкции носят довольно мягкий и избирательный характер. Так, например, Японский банк международного сотрудничества (JBIC) предоставил кредит для реализации проекта «ЯМАЛ СПГ» вопреки тому, что ПАО «НОВАТЭК» включено в санкционный список США. Таким образом, Япония демонстрирует свою заинтересованность в участии в российских энергетических проектах в Арктике, которые в ближайшем будущем принесут ей большую выгоду для поддержания высоких темпов роста экономики.

Проблемы и перспективы российско-японского взаимодействия в Арктике

Важным событием в развитии российско-японских отношений в Арктике стала разработанная и предложенная Японией в январе 2021 г. концепция торгово-экономического сотрудничества на Дальнем

[1] Statistical Review of World Energy 2020. 69th edition [Electronic resource]. URL: https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf (accessed: 17.10.2021).

[2] «НОВАТЭК», Mitsui и JOGMEC подписали договор купли-продажи доли в проекте «Арктик СПГ-2» [Электронный ресурс] // НОВАТЭК. 29.06.2019. URL: https://www.novatek.ru/ru/press/releases/index.php?id_4=3280 (дата обращения: 01.10.2021).

[3] Проект «Арктик СПГ-2» [Электронный ресурс] // НОВАТЭК. 24.05.2018. URL: https://www.novatek.ru/ru/business/arctic-lng/(дата обращения: 01.10.2021).

Востоке и в Арктике. Данная концепция предполагает активизацию торгово-экономических отношений двух стран в таких сферах, как энергетика, логистика, рыбоперерабатывающая промышленность, портовая и транспортная инфраструктура, городская среда, туризм. В Арктическом регионе Япония готова принимать участие в развитии Северного морского пути, где наиболее перспективным направлением, по мнению японской стороны, является осуществление контейнерных перевозок по Северному морскому пути на регулярной основе[1].

Российско-японское сотрудничество является крайне важным для Японии, так как помимо развития двусторонних отношений с Россией способствует укреплению позиций Токио в Арктическом регионе и открывает возможности для запуска новых совместных проектов, касающихся модернизации инфраструктуры вдоль российского арктического побережья и разработки новых месторождений. Для России сотрудничество с Японией выгодно по тем же причинам, так как с помощью японских инвестиций и технологий Москва может повысить привлекательность Северного морского пути для навигации иностранных судов, а также получить большие рынки сбыта для своих энергоресурсов.

Научное российско-японское сотрудничество в Арктике является еще одним перспективным направлением развития двусторонних отношений. В Арктике Япония позиционирует себя в качестве защитника окружающей среды и уникальной арктической экосистемы, поэтому желает внести свой вклад в развитие научного сотрудничества. Так, на регулярной основе проходят совместные научные семинары по различным вопросам арктических исследований, в которых принимают участие ведущие российские и японские ученые. В 2021 г. такой семинар прошел в онлайн-формате в рамках деятельности Центра арктических исследований Университета Хоккайдо и Платформы подготовки кадров для японо-российского экономического сотрудничества и гуманитарных обменов[2]. Проведение подобных семинаров с международным участием способствует установлению тесных связей между различными университетами и институтами, формирует представление о научных достижениях зарубежных исследователей, содействует укреплению двусторонних отношений.

Основной проблемой в отношениях России и Японии в Арктике остается разное видение будущей модели управления Арктикой. Являясь арктическим литоральным государством с наибольшим сектором в регионе, Россия не намерена уступать территории, принадлежащие ей. Однако неарктические страны, в том числе и Япония, настаивают на интернационализации Северного морского пути и равного доступа всех стран к арктическим ресурсам, апеллируя к идее общего наследия человечества. В этом ее поддерживают США и Европейский союз, которые также не хотят оставаться в стороне от раздела арктических богатств. Несмотря на тот факт, что США входят в состав Арктической пятерки, американская арктическая зона значительно уступает российской по размерам и содержанию ресурсов. А принадлежность Северного морского пути и Северо-Западного прохода России и Канаде не позволяет американским судам беспрепятственно пользоваться данными арктическими маршрутами.

В то же время официальный Токио признает суверенные права арктических государств на их сектора ответственности, однако только в пределах континентального шельфа. Профессор Университета Васэда Таисаку Икешима отмечает, что арктические воды не следует рассматривать как общее наследие человечества, поскольку необходимо учитывать исторические предпосылки, географическое положение и правовые условия формирования и развития арктического региона [6, с. 135]. Таким образом, мнения относительно статуса Северного морского пути и будущего международно-правового режима в Арктике существенно разнятся даже в экспертных кругах Японии. В этой связи японскому правительству необходимо определиться, чьей стороны в этом вопросе придерживаться — России или США. Несмотря на прочный американо-японский союз, Россия остается крупнейшим арктическим государством, которое

[1] Россия и Япония обсуждают будущие подходы к развитию торгово-экономического сотрудничества на Дальнем Востоке и в Арктике [Электронный ресурс] // Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. 20.01.2021. URL: https://minvr.gov.ru/press-center/news/31101/ (дата обращения: 07.10.2021).

[2] 3 марта 2021 г. прошел онлайн-семинар «Российско-японское межрегиональное сотрудничество в Арктике и на Севере. Теория и практика» (Центр арктических исследований Университета Хоккайдо и платформа HaRP) [Электронный ресурс] // HaRP. 03.03.2021. URL: https://russia-platform.oia.hokudai.ac.jp/ru/report/6026 (дата обращения: 10.10.2021).

к тому же поддержало вступление Японии в Арктический Совет в качестве постоянного наблюдателя. Кроме того, Россия может пойти на существенные уступки японским судам при проходе по Северному морскому пути, так как нуждается в укреплении партнерских связей в Арктике.

Помимо разногласий относительно международно-правового режима Арктики, еще одним фактором, который, по мнению японского эксперта Нобуо Симотомаи, может ослабить российско-японское сотрудничество в регионе, является неразрешенность Курильского вопроса. Опасения связаны с тем, что северный маршрут из Японии в Европу по Северному морскому пути проходит вдоль Курильских островов, что может помешать реализации совместного проекта двух стран по модернизации СМП [1, с. 101].

Таким образом, основной интерес для японских партнеров в российской Арктике представляют ресурсы, в частности сжиженный природный газ, а также использование северных морских маршрутов — Северного морского пути. Несмотря на тот факт, что рентабельность Северного морского пути неоднократно ставилась под сомнение представителями японского бизнеса из-за слабо развитой инфраструктуры, а также природных и других ограничений, Япония совместно с Россией заинтересована в реализации проектов по модернизации этого арктического маршрута. За счет повышения экономической привлекательности Северного морского пути Япония рассчитывает на смягчение со стороны России правил навигации для своих торговых судов.

Стоит отметить, что основа внешнеполитической стратегии Японии в Арктике была заложена премьер-министром Синдзо Абэ (2012–2020), который выстроил взаимовыгодные отношения с Россией в Арктике и сыграл немаловажную роль в запуске «Арктик СПГ-2». Его преемник, Ёсихидэ Суга, не стал делать никаких заявлений относительно изменений арктической стратегии Японии, однако маловероятно, что в этом направлении будут какие-либо сдвиги. Вместе с тем бывший глава японского правительства выразил решимость «вернуть Японии все северные территории» (острова южной части Курильской гряды)[1], что могло не только приостановить сотрудничество России и Японии в Арктике, но и вовсе перечеркнуть все достигнутые премьер-министром Абэ успехи двусторонних отношений. Избранный премьер-министром 4 октября 2021 г. Фумио Кисида, бывший министр иностранных дел в правительстве Синдзо Абэ, также не намерен уступать России в вопросе Курильских островов, что вновь отодвигает перспективу заключения мирного договора на неопределенный срок.

Заключение

Япония является одной из неарктических стран, которая стремится играть значимую роль в Арктике, быть полноценным участником политического процесса в регионе и иметь право голоса при принятии важных решений арктической повестки дня. Особый интерес для Японии в Арктике представляют запасы углеводородного сырья, использование Северного морского пути как более выгодной альтернативы Суэцкому каналу для транспортировки грузов из Азии в Европу, а также экологические изменения в регионе.

Несмотря на тесное межгосударственное сотрудничество между Японией и США, одним из ключевых партнеров Токио в Арктике выступает Россия. Возрастающее число проектов в сфере энергетики и развития инфраструктуры свидетельствует о взаимовыгодном характере сотрудничества двух государств в Арктическом регионе. Являясь одним из крупнейших импортеров сжиженного природного газа в мире, Япония крайне заинтересована в диверсификации и увеличении поставок газа из арктических месторождений, в том числе и российских.

Наибольший же интерес для Японии представляет использование Северного морского пути и его возможностей. В обмен на развитие арктической инфраструктуры России с использованием передовых японских технологий, опыта и инвестиций Япония рассчитывает получить определенные преференции для своих судов при навигации через воды Северного морского пути.

[1] Премьер-министр Японии продолжает обещать «вернуть» наши Курилы [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. 25.03.2021. URL: https://regnum.ru/news/polit/3225036.html (дата обращения: 14.10.2021).

Однако, несмотря на признание суверенных прав арктических государств на их полярные территории и акватории, Токио апеллирует к интернационализации Арктики и Северного морского пути, ратуя за равный доступ всех стран к ресурсам и северным водам России, что может стать камнем преткновения в российско-японских отношениях в Арктике.

Литература

1. Стрельцов Д. В. Политика Японии в Арктике // Сравнительная политика и геополитика. 2017. Vol. 8. № 1. С. 93–103.
2. *Abiru T.* Japan-Russia Relations in the Post-Abe Era [Electronic resource] // Carnegie Endowment for International Peace. 2021. URL: https://carnegiemoscow.org/commentary/84111 (accessed: 15.10.2021).
3. *Almazova-Ilyina A. B.* National interests of Japan and its emerging Arctic policy // IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science. 2020. P. 1–9.
4. *Gunnarsson B., Moe A.* Ten Years of International Shipping on the Northern Sea Route: Trends and Challenges // Arctic Review on Law and Politics. 2021. Vol. 12. P. 4–30.
5. *Hyodo S.* Russia's Strategic Concerns in the Arctic and Its Impact on Japan — Russia Relations // Strategic Analysis. 2014. Vol. 38. Issue 6: Arctic: Commerce, Governance and Policy. P. 86–87.
6. *Ikeshima T.* Should Japan's Arctic Policy be Based on the Assumption that the Arctic Ocean is a Global Commons? // Waseda Global Forum. 2015.No. 12. P. 109–150.
7. *Sinclair J.* Japan and the Arctic: not so poles apart // JOGMEC Washington Office. 2014. Vol. 48. No. 2. P. 39–48.
8. *Tonami A.* Review: Arctic Governance and Japan's Foreign Strategy [Electronic resource] // The Arctic Institute. 2013. URL: https://www.thearcticinstitute.org/arctic-governance-japan-foreign-strategy/ (accessed: 15.10.2021).
9. *Tonami A., Watters S.* Japan's Arctic Policy: The Sum of Many Parts // Arctic Yearbook. 2012. P. 93–103.
10. *Trenin D.* Russia-Japan Relations: Were Abe's Efforts in Vain? [Electronic resource] // Carnegie Endowment for International Peace. 2021. URL: https://carnegiemoscow.org/commentary/85574 (accessed: 18.10.2021).

Об авторах:

Грибанова Галина Исааковна, и. о. заведующего кафедрой международных политических процессов Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), профессор, доктор социологических наук;
ggribanova@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4313-5178

Магдалюк Александра Викторовна, аспирант 3-го года обучения факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, (Санкт-Петербург, Российская Федерация); sasham0407@gmail.com

References

1. Strel'tsov D. V. Japan's policy in the Arctic // Comparative politics and geopolitics [Sravnitel'naya politika i geopolitika]. 2017. Vol. 8. No. 1. P. 93–103. (In Rus.)
2. Abiru T. Japan-Russia Relations in the Post-Abe Era [Electronic resource] // Carnegie Endowment for International Peace. 2021. URL: https://carnegiemoscow.org/commentary/84111 (accessed: 15.10.2021).
3. Almazova-Ilyina A. B. National interests of Japan and its emerging Arctic policy // IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science. 2020. P. 1–9.
4. Gunnarsson B., Moe A. Ten Years of International Shipping on the Northern Sea Route: Trends and Challenges // Arctic Review on Law and Politics. 2021. Vol. 12. P. 4–30.
5. Hyodo S. Russia's Strategic Concerns in the Arctic and Its Impact on Japan — Russia Relations // Strategic Analysis. 2014. Vol. 38. Issue 6: Arctic: Commerce, Governance and Policy. P. 86–87.

6. Ikeshima T. Should Japan's Arctic Policy be Based on the Assumption That the Arctic Ocean is a Global Commons? // Waseda Global Forum. 2015. No. 12. P. 109–150.
7. Sinclair J. Japan and the Arctic: not so poles apart // JOGMEC Washington Office. 2014. Vol. 48. No. 2. P. 39–48.
8. Tonami A. Review: Arctic Governance and Japan's Foreign Strategy [Electronic resource] // The Arctic Institute. 2013. URL: https://www.thearcticinstitute.org/arctic-governance-japan-foreign-strategy/ (accessed: 15.10.2021).
9. Tonami A., Watters S. Japan's Arctic Policy: The Sum of Many Parts // Arctic Yearbook. 2012. P. 93–103.
10. Trenin D. Russia-Japan Relations: Were Abe's Efforts in Vain? [Electronic resource] // Carnegie Endowment for International Peace. 2021. URL: https://carnegiemoscow.org/commentary/85574 (accessed: 18.10.2021).

About the authors:

Galina I. Gribanova, Acting Head of the Department of International Political Processes, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation), Professor, Doctor of Science (Sociology);
ggribanova@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4313-5178

Alexandra V. Magdalyuk, Postgraduate student, St. Petersburg State University, Faculty of Political Science (Saint Petersburg, Russian Federation);
sasham0407@gmail.com

DOI 10.22394/2073-2929-2022-02-158-168

Разрешение противоречия между национальными и наднациональными интересами как инструмент раскрытия потенциала региональной интеграции

Храмова А. В.
Институт права и национальной безопасности РАНХиГС, Москва, Российская Федерация;
akhramova-20-05@edu.ranepa.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1419-6617

РЕФЕРАТ

Настоящее исследование направлено на изучение ключевой проблемы любого интеграционного объединения — противоречия между национальными и наднациональными интересами — и практики ее преодоления в Европейском союзе (ЕС), Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС).

Цель. Предложить рекомендации для раскрытия потенциала ЕАЭС путем разрешения противоречия между национальными и наднациональными интересами.

Задачи. Рассмотреть модели преодоления противоречия между национальными и наднациональными интересами в интеграционных объединениях ЕС и АСЕАН, охарактеризовать ситуацию в ЕАЭС и предложить успешные практики ЕС и АСЕАН для решения данной проблемы.

Методология. Для сопоставления интеграционных практик ЕС и АСЕАН используется метод сравнительного анализа. В части ЕАЭС предлагается использовать успешные практики обоих объединений, что позволяют сделать методы анализа, синтеза, обобщения, а также SMART-метод целеполагания.

Результаты. На основе конкретных примеров приводятся рекомендации сочетания мягкого и жесткого подходов для развития ЕАЭС с перспективой построения в дальнейшем Большого Евразийского партнерства. Так, ЕАЭС следует обратить внимание на опыт ЕС в части усиления наднациональной структуры объединения, а также на практику диалоговых механизмов АСЕАН. При этом не следует по примеру ЕС создавать излишний бюрократический аппарат и оказывать чрезмерное давление на страны, вмешиваясь в их внутренние дела. В целях эффективного целеполагания ЕАЭС следует применить технологии SMART-метода, предусматривающего постановку конкретных, измеримых, достижимых, значимых и ограниченных во времени целей.

Выводы. Противоречие между национальными и наднациональными интересами является наиболее глубокой проблемой в любом интеграционном объединении, в том числе в ЕАЭС. Однако не существует универсального метода разрешения данной проблемы. ЕАЭС следует сочетать в своей практике опыт ЕС и АСЕАН как жесткий и мягкий подход к балансированию национальных и наднациональных интересов.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, Европейский союз, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, интеграция, национальные интересы, наднациональные интересы

Для цитирования: *Храмова А. В.* Разрешение противоречия между национальными и наднациональными интересами как инструмент раскрытия потенциала региональной интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 2. С. 158–168.

Resolving the Contradiction between National and Supranational Interests as an Instrument of Realizing Regional Integration Potential

Aleksandra V. Khramova
Institute of law and national security of RANEPA, Moscow, Russian Federation;
akhramova-20-05@edu.ranepa.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1419-6617

ABSTRACT
This study is aimed to investigate the key problem of any integration association — the contradiction between national and supranational interests — and the practice of overcoming it in the European Union (EU), the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) and the Eurasian Economic Union (EAEU).
Aim. Offer recommendations for realizing the potential of the EAEU by resolving the contradiction between national and supranational interests.
Tasks. Consider models for overcoming the contradiction between national and supranational interests in the integration associations of the EU and ASEAN, characterize the situation in the EAEU and propose successful practices of the EU and ASEAN to try to solve this problem.
Methods. To compare the integration practices of the EU and ASEAN, the method of comparative analysis is used. As for the EAEU, it is proposed to use the best practices of both associations, which make it possible to make methods of analysis, synthesis, generalization, as well as the SMART goal-setting method.
Results. On the basis of specific examples, recommendations are given for combining soft and hard approaches for the development of the EAEU with the prospect of building a Greater Eurasian partnership in the future. Thus, the EAEU should pay attention to the experience of the EU in terms of strengthening the supranational structure of the association, as well as to the practice of ASEAN dialogue mechanisms. At the same time, following the example of the EU, one should not create an excessive bureaucracy and exert excessive pressure on countries by interfering in their internal affairs. In order to effectively set goals, the EAEU should apply the technologies of the SMART method, which provides for the setting of specific, measurable, achievable, meaningful and time-limited goals.
Conclusion. The contradiction between national and supranational interests is the most profound problem in any integration association, including the EAEU. However, there is no universal method for resolving this problem. The EAEU should combine in its practice the experience of the EU and ASEAN as hard and soft approaches to balancing national and supranational interests.
Keywords: Eurasian Economic Union, European Union, Association of South East Asian Nations, integration, national interests, supranational interests
For citing: Khramova A. V. Resolving the Contradiction between National and Supranational Interests as an Instrument of Realizing Regional Integration Potential // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2022. Vol. 16. No. 2. P. 158–168.

Введение

Первичные очевидные эффекты экономической интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС)[1] постепенно сглаживаются и входят в период стагнации. Так, замедляются темпы прироста внутренней торговли: если в 2012 г. (год создания Единого экономического пространства) рост внутренней торговли между Белоруссией, Казахстаном и Россией составил 44% к уровню 2010 г., то в 2020 г.

[1] *Примечание.* Ранее — Таможенного союза и Единого экономического пространства.

уже между пятью государствами-членами — только 20% по отношению к 2015 г. (год создания ЕАЭС)[1], а в абсолютном выражении соответствующий показатель был даже меньше чем для «интеграционной тройки» в любой из годов с 2011 по 2014 гг.[2]

Причинами такого замедления являются не только внешние факторы различного характера (падение мировых цен на нефть, экономические санкции, пандемия COVID-19), которые «будто испытывают объединение на прочность» с самого начала его функционирования [6, с. 126]. Но это также и внутренние барьеры, которые все еще не устранены в ЕАЭС полностью, а также отсутствие качественных прорывов в интеграции, в том числе связанное с опасениями государств — членов ЕАЭС двигаться в сторону углубления интеграции. Корнем данных проблем является присущее всем интеграционным объединениям противоречие между национальными и наднациональными интересами: «цели и задачи у стран-участниц частично совпадают, а частично разнятся» [3, с. 200].

При этом можно наблюдать следующую закономерность: чем глубже степень интеграции и, соответственно, сильнее наднациональная надстройка, тем чаще региональное интеграционное объединение наталкивается на сопротивление стран-членов в тех или иных вопросах. Это связано с тем, что наднациональные интересы, усредненные принципы и стандарты начинают вторгаться не только в экономическую сферу жизни общества, но и в социокультурные устои, традиции и ценности, болезненно вскрывая формировавшийся веками цивилизационный код и национальную идентичность. То есть чем больше национальных полномочий делегировано на наднациональный уровень, тем активнее может быть стремление некоторых государств-членов отстоять свой национальный суверенитет. Поэтому можно согласиться с исследователями, которые утверждают, что интеграция имеет политические ограничения [9; 10].

Кроме того, в ситуации глобальных кризисов, таких как пандемия COVID-19, наднациональная система зачастую демонстрирует инертность и запоздалую реакционную политику вместо оперативной мобилизации коллективных ресурсов и антикризисного управления. В начале таких кризисов государства-члены интеграционного объединения вынуждены справляться с проблемами самостоятельно, восстанавливая национальный суверенитет, протекционизм и даже физические границы. Так, столкнувшись с беспрецедентными событиями, связанными с распространением COVID-19, в 2020 г. европейская бюрократия продемонстрировала инертность и неповоротливость. В связи с этим в самом начале пандемии Италия, больше всех пострадавшая от коронавируса, оказалась наедине с проблемами: «Медикаменты, предназначенные для одной страны, изымались в пути ее соседом, члены ЕС вводили запрет на экспорт лекарств и средств индивидуальной защиты, в одностороннем порядке закрывали границы, останавливали торговлю и т. п. Италии, например, никто не помогал в течение нескольких недель. Первый пакет финансовой помощи ЕС был задержан из-за политического торга, тогда как целые отрасли экономики были парализованы, а миллионы людей остались без работы»[3].

Все это приводит нас к следующим вопросам: исчерпала ли себя интеграция? Насколько эффективно ведущие интеграционные объединения Евразии пытаются разрешить противоречие между национальными и наднациональными интересами? Есть ли в интеграционной практике успешные примеры сочетания национальных и наднациональных интересов, которые можно использовать для Евразийского экономического союза и в дальнейшем — Большого Евразийского партнерства? Далее мы постараемся ответить на данные вопросы, но сначала определим, почему это важно для ЕАЭС и почему будет рассмотрен опыт Европейского союза (ЕС) и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

---

[1] *Примечание.* Данный факт не связан только с началом пандемии COVID-19 в 2020 г., поскольку в 2019 г. рост внутренней торговли ЕАЭС составил 35% к 2015 г.

[2] Рассчитано на основе данных Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЕЭК. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/time_series/Pages/time_series_custom_union.aspx; http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/time_series /Pages/default.aspx (дата обращения:15.11.2021).

[3] *Малышев В.* Евросоюз как шатающаяся неолиберальная тирания [Электронный ресурс] // Фонд стратегической культуры // Фонд стратегической культуры. URL: https://www.fondsk.ru/news/2021/06/05/evrosouz-kak-shatajuschajasja-neoliberalnaja-tirania-53717.html (дата обращения: 10.06.2021).

Актуальность для ЕАЭС

Представляется, что дальнейшее раскрытие потенциала ЕАЭС связано в том числе с разрешением противоречия между национальными и наднациональными интересами. Здесь следует отметить, что полное устранение данной проблемы вряд ли возможно, пока в переговорном процессе участвуют суверенные государства, отстаивающие свои национальные интересы, не всегда совпадающие с интересами партнеров или общими интересами объединения. Однако необходимо обладать инструментарием для снижения остроты данного конфликта, что становится для ЕАЭС все более актуальным с учетом перспективы построения Большого евразийского партнерства совместно с Китаем, Индией, Пакистаном, Ираном, другими заинтересованными государствами и объединениями евразийского региона. Ведь в случае реализации данной инициативы ЕАЭС придется выступить единым и сильным участником для отстаивания своих интересов.

ЕС и АСЕАН были образованы в начале второй половины XX в. и потому имеют сопоставимый «возраст» в сравнении с «молодым» ЕАЭС. При этом ЕС в своем развитии пошел по более жесткому пути, предусматривающему сильную концентрацию полномочий в наднациональном центре, и достиг стадии политического союза. АСЕАН в силу своей восточной специфики выбрал более гибкий путь, но фактически остался на этапе зоны свободной торговли. Между тем даже в условиях пандемии ВВП АСЕАН в 2020 г. по отношению к 2018 г. вырос более чем на 5%[1], в то время как ВВП ЕС — на 3,25%[2]. То есть очевидно, что европейская модель интеграции не является единственным средством достижения экономического роста и не претендует на исключительную правильность. В настоящее время ученые все чаще приходят к этому выводу. Например, С. А. Афонцев отмечает, что в 1990-е гг. стало понятно, что в мире существует только одно успешное интеграционное объединение, соответствующее модели «пятиступенчатого регионализма»[3], — это ЕС, а большинство региональных интеграционных объединений — как вновь создаваемых, так и уже функционировавших на протяжении длительного времени — очевидным образом не укладывается в описанную схему [1], и АСЕАН является одним из них.

Следует отметить, что попытки сравнения ЕС, ЕАЭС и АСЕАН (а также МЕРКОСУР) по наднациональным основаниям были предприняты Евразийской экономической комиссией и Межгосударственным банком в рамках разработки сводного индекса интеграции: по субиндексу институциональной интеграции ЕАЭС оказался между ЕС и АСЕАН[4], что дает нам дополнительные основания исследовать опыт данных объединений.

Итак, рассмотрим два противоположных подхода к вопросу разрешения противоречия между национальными и наднациональными интересами: более жесткий метод Европейского союза и более мягкий — Ассоциации стран Юго-Восточной Азии.

Жесткий подход ЕС

ЕС является объединением с наиболее глубокой степенью интеграции, он достиг уровня политического союза, который, в соответствии с «пятиступенчатой» теорией экономической интеграции Б. Баласса, является высшей ступенью интеграционного процесса [7]. В противоречии между национальными и наднациональными интересами ЕС занимает весьма жесткую позицию в пользу последних.

С самого начала функционирования европейского объединения периодически возникают сюжеты, которые свидетельствуют о преобладании общих интересов над интересами государств-членов. Так, на

---

[1] Экономические союзы [Электронный ресурс] // EconomicData.ru. URL: https://www.economicdata.ru/union.php?menu=economic-unions&un_id=9&un_ticker=ASEAN&union_show=details (дата обращения: 15.11.2021).

[2] Военно-политические альянсы [Электронный ресурс] // EconomicData.ru. URL: https://www.economicdata.ru/union.php?menu=military-political-unions&un_id=31&un_ticker=EU&union_show=details (дата обращения: 15.11.2021).

[3] *Примечание.* Речь идет о поступательном движении от зоны свободной торговли к таможенному союзу, затем — к общему рынку, далее — к экономическому и валютному союзу, наконец — к политическому союзу.

[4] Система индикаторов интеграции как инструмент анализа функционирования региональных интеграционных объединений, 2019 [Электронный ресурс] // Система индикаторов интеграции. URL: http://www.isbnk.org/upload/File/The%20System%20of%20Integration%20Indicators%202019.pdf (дата обращения: 19.04.2022).

протяжении 15 лет с 1958 по 1973 гг. голоса в Совете министров, включавшем по одному представителю от шести стран, распределялись таким образом, что Люксембург, обладающий одним голосом, никогда не влиял на принятие тех или иных решений, поскольку кворум составлял четные 12 голосов из 17 (Франция, Германия, Италия имели по 4 голоса, Бельгия, Нидерланды — по 2 голоса[1]).

В настоящее время разворачивается конфликт между Европейской комиссией с одной стороны, Польшей и Венгрией – с другой. Польша и Венгрия отказываются проводить в своих странах активную политику защиты прав ЛГБТ-сообщества: в Венгрии был принят закон о запрете на информацию о гомосексуальности и изменении пола в школах, на телевидении и в кино, а в Польше некоторые города и районы присоединились к хартиям о защите традиционной семьи и о противодействии «идеологии ЛГБТ». Более того, Конституционный суд Польши признал приоритет законодательства этой страны над законами ЕС, отметив, что отдельные положения законодательства ЕС несовместимы с Конституцией Польши. Заместитель министра иностранных дел Польши М. Пшидач заявил, что «Европейская интеграция не должна была быть созданием супердержавы, а должна была быть созданием союза сильных и хорошо интегрированных, но суверенных национальных государств»[2]. Похожего мнения придерживается французский политик Марин Ле Пен, которая утверждает, что «идеологическая жестокость ЕС угрожает самой идее суверенитета»[3]. В свою очередь, в качестве меры воздействия Европейская комиссия ставит вопрос выделения значительной финансовой помощи для преодоления последствий пандемии в зависимость от признания указанными странами «универсальных» общеевропейских ценностей, хотя это в большой степени противоречит их менталитету. Даже страна — лидер ЕС — Германия не всегда поддерживает наднациональный курс: в 2020 г. Конституционный суд Германии постановил, что пакет стимулирующих мер Европейского центрального банка не отвечает федеральным законам Германии, по сути, поставив национальное право Германии выше европейского права. В ответ Европейская комиссия возбудила уголовное дело против страны.

Внешнеполитические интересы ЕС также превалируют над национальными: например, бизнес Германии, Италии, Венгрии, Греции заинтересован в сотрудничестве с Россией и ЕАЭС, однако политические факторы, по-видимому, превосходят по значимости экономическую целесообразность. Хотя, возможно, запуск Северного потока-2 сможет сдвинуть данную ситуацию в лучшую для всех сторону. Бескомпромиссная политика ЕС в отношении национальных суверенитетов уже привела к выходу Великобритании, отказавшейся подчиняться наднациональной европейской бюрократии. Следует отметить, что одной из причин Брекзита как раз стало чрезмерное давление на национальный суверенитет страны, цивилизационный код которой во многом состоит из национальной гордости и даже в некоторой степени — высокомерия.

Жесткая позиция ЕС в отношении государств-членов, вероятно, будет иметь ряд других деструктивных последствий для европейского единства и солидарности, что все больше проявляется по мере нарастания кризисных явлений различного происхождения, особенно пандемии COVID-19. Для того чтобы в будущем быть готовыми к таким непредвиденным событиям, коренным образом меняющим привычный уклад жизни во всем мире, ЕС сформировал беспрецедентный пакет экономической помощи для стран ЕС в условиях эпидемии, что стало самым большим по объему ассигнованием в истории ЕС в размере 1,8 трлн евро. При этом значительную часть бюджета планируется направить на борьбу с изменением климата, развитие цифровых технологий и медицины. Однако как раз эти финансовые средства стали предметом торга в споре между наднациональными интересами и интересами Венгрии и Польши, о чем уже было упомянуто. Таким образом, ЕС в настоящее время испытывает кризис европейской идентичности в связи с углубившейся проблемой дисбаланса национального и наднационального элементов.

---

[1] Treaty establishing the European Economic Community (Rome, 25 March 1957), art. 148 [Электронный ресурс] // CVCE.EU by UNI.LU. URL: https://www.cvce.eu/en/obj/treaty_establishing_the_european_economic_community_rome_25_march_1957-en-cca6ba28-0bf3-4ce6-8a76-6b0b3252696e.html (дата обращения: 09.11.2021).

[2] Польша будет отстаивать суверенитет стран ЕС, заявили в Варшаве [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20211011/polsha-1753961423.html (дата обращения:09.11.2021).

[3] Ле Пен пообещала поддержать Венгрию в переориентации Евросоюза [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20211026/evrosoyuz-1756384175.html (дата обращения:09.11.2021).

Политический потенциал ЕС состоит в более полной реализации девиза ЕС “varietate concordia”, то есть согласии в многообразии, сочетании наднационального и национального регулирования. Это станет возможным, только если будет найдена общеевропейская конкретная цель, которую будет разделять каждое государство-член, а наднациональные органы будут способствовать и помогать странам ее реализовать. В настоящее время в качестве такой цели ЕС делает ставку на достижение углеродно-нейтрального статуса к 2050 г. Для этого в ЕС была заключена беспрецедентная зеленая сделка, и с 2021 г. до 40% бюджета Общей сельскохозяйственной политики будет направляться на решение климатических задач. Проект также предусматривает увеличение доли энергии из возобновляемых источников до 32% в общей структуре энергопотребления и примерно такой же показатель экономии энергии[1]. Теоретически такая цель может стать хорошим стимулом для объединения государств-членов вокруг общей идеи.

Завершая анализ опыта ЕС, отметим интересный факт: в октябре 2021 г. Европейский парламент подал в Европейский суд на Европейскую комиссию за то, что та не активировала регламент о наказании за нарушения верховенства закона ЕС в государствах-членах. Механизм верховенства права ЕС подразумевает возможность сокращать выдачу средств из совместного бюджета странам-нарушителям, он был принят в декабре 2020 г., вступил в силу, но до сих пор не применялся, поскольку Польша и Венгрия подали иски против него в Европейский суд, и Европейская комиссия ожидает по ним решения. По мнению автора, вся данная ситуация напоминает древнейший символ «уроборос», изображающий змея, кусающего себя за хвост, что в психологии олицетворяет темноту и саморазрушение одновременно с плодородностью и творческой потенцией[2]. Представляется, что обе эти тенденции — интеграционная и дезинтеграционная — в настоящее время борются между собой в ЕС, и от того, каким путем пойдет ЕС — более гибким или жестким, как сейчас, зависит не только будущее объединения, но и геополитическая карта Евразии.

Мягкий подход АСЕАН

В противоположность ЕС существует модель Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), которая не претендует на полную политическую интеграцию и придерживается принципа невмешательства во внутренние дела друг друга. Вопрос безопасности в регионе, а именно в Южно-Китайском море является вызовом для баланса национальных и наднациональных интересов в АСЕАН. Китай, Бруней, Вьетнам, Тайвань, Малайзия и Филиппины претендуют на часть акватории Южно-Китайского моря и находящиеся там Парасельские острова и архипелаг Спратли. Активную позицию в этом споре занимает и внерегиональный игрок — США. На данный момент АСЕАН удается быть фактором стабильности и удерживать государства-члены от открытой конфронтации друг с другом и с Китаем, хотя в некоторых случаях национальные интересы стран АСЕАН больше соотносятся с Китаем, чем с общими интересами. Так, Таиланд стремится к участию в китайской инициативе «Один пояс — один путь»; Камбоджа выступает близким союзником Китая; Вьетнам является антагонистом Китая в указанном споре, но одновременно Китай для него является важнейшим экономическим партнером. На фоне этих противоречий АСЕАН становится все сложнее балансировать между интересами крупнейших игроков в регионе — Китая и США, и это вызывает опасения, что в организации может произойти раскол. Однако на данный момент АСЕАН удается быть для государств-членов большей ценностью, чем национальные интересы, ведь благодаря объединению голос стран-участниц слышен на международной арене. В целях поддержания безопасности АСЕАН активно использует диалоговый механизм, в том числе «АСЕАН + 3» (с Китаем, Южной Кореей и Японией). В частности, для решения конфликта в Южно-Китайском море АСЕАН и Китай приняли Кодекс поведения при незапланированных контактах в Южно-Китайском море.

В целом внешнеполитический потенциал АСЕАН реализуется весьма успешно. АСЕАН старается придерживаться нейтралитета и балансировать на противоречиях между ведущими державами мира.

---

[1] A European Green Deal [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейской комиссии. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en (дата обращения: 10.09.2021).

[2] *Сэмуэлс Э., Шортер Б., Плот Ф.* Критический словарь аналитической психологии К. Юнга. М. : ЭСИ, 1994. С. 158–159.

Другим инструментом поддержания безопасности, а значит баланса между национальными и наднациональными интересами, является Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии, который подписывают все партнеры АСЕАН по диалогу и который обязывает их к приверженности тем же принципам, которым следуют сами государства-члены. Например, Россия подписала такой Договор в 2004 г.

Следует отметить, что в интеграционной практике АСЕАН используется тактика ручного управления, неформальных переговоров и принятия решений консенсусом в противоположность строго нормативной политике большинства голосов в ЕС. С одной стороны, это уравнивает всех участников АСЕАН в процессе принятия решений, но, с другой стороны, затягивает процесс. По этой причине в рамках ЗСТ АСЕАН действует дифференцированный подход по снижению тарифных ставок, а также разные сроки выполнения обязательств.

Поскольку большинство стран АСЕАН придерживаются авторитарного или гибридного подхода в государственном управлении, выявляются слабость наднациональной институциональной системы и трудности в делегировании наднациональных полномочий. Осознавая эти проблемы и стремясь к реализации потенциала в политике, АСЕАН решила создать Сообщество политики и безопасности и закрепила основные шаги в программе «АСЕАН-2025. Совместное продвижение». В частности, объединение стремится усилить свою институциональную структуру, включая роль Председателя, Генерального секретаря АСЕАН, Совета Сообщества политики и безопасности, встреч министров иностранных дел, министерских встреч по вопросам распространения наркотиков, Регионального форума АСЕАН, Комитета постоянных представителей, встреч министров обороны[1]. Для этого предполагается использовать следующие подходы: фокусирование не только на стратегических задачах, но и на межотраслевых вопросах; взаимодействие законодательных органов и органов юстиции государств — членов АСЕАН, формирование пространства доверия, проведение превентивной дипломатии и выдвижение инициатив по разрешению конфликтов.

Гибкость подхода АСЕАН заключается еще и в том, что, несмотря на недостаточную силу наднациональной структуры, организация имеет множество площадок для диалога по различным вопросам. Регулярное взаимодействие между ними позволяет оперативно решать политические проблемы региона. Например, традиционной для АСЕАН является практика созыва Групп видных деятелей. Она применяется, когда необходимо провести взвешенную и объективную оценку наиболее значимым процессам, связанным с развитием самой организации или ее отношений с партнерами. Так, в 2005 г. была образована Группа видных деятелей государств — членов АСЕАН на уровне министров, заместителей министров или бывших министров национальных правительств, задачей которых было изучить и проанализировать структуру АСЕАН, области сотрудничества, принципы и цели, содержащиеся в соглашениях, договорах и декларациях за предыдущие 38 лет, и представить лидерам АСЕАН руководство по составлению актуальной повестки АСЕАН. Выводы и рекомендации Отчета Группы видных деятелей АСЕАН[2] вошли в том числе в программу «АСЕАН-2025. Совместное продвижение».

Уникальность АСЕАН состоит в том, что, хотя объединение все еще не завершило строительство зоны свободной торговли, оно уже стремится активировать скрытые цивилизационные ресурсы, тем самым продвигая интересы сообщества в качестве интересов каждого гражданина стран АСЕАН: в 2015 г. АСЕАН приступил к формированию единого Социально-культурного сообщества, основанного на правилах, ориентированного на людей, объединенного фундаментальными принципами, общими ценностями и нормами, правами человека, базовыми свободами и социальной справедливостью, ценностями толерантности и умеренности, сильным чувством единения, общей идентичностью и судьбой[3].

Одной из составляющих формирования единого социально-культурного сообщества является способность адаптироваться и совместно реагировать на социально-экономические факторы уязвимости,

---

[1] ASEAN 2025: Forging Ahead Together, 2015 [Электронный ресурс]. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/08/67.-December-2015-ASEAN-2025-Forging-Ahead-Together-2nd-Reprint.pdf (дата обращения: 22.09.2021).

[2] Report on The Eminent persons group on the ASEAN Charter, 2006 [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20150923175359/http://www.asean.org/archive/19247.pdf (дата обращения: 10.11.2021).

[3] Там же.

стихийные бедствия, изменения климата и другие вызовы. Для этого в рамках АСЕАН в 2005 г. было подписано Соглашение о ликвидации последствий стихийных бедствий и экстренном реагировании. Одним из значимых результатов реализации этого документа стало создание эффективного механизма совместного ответа на стихийные бедствия в регионе в течение 24 часов. По крайней мере 13 чрезвычайных ситуаций было урегулировано благодаря этому механизму с 2011 по 2015 г., и государства были удовлетворены его работой на 3,67 балла из 5, что демонстрирует еще и такую полезную функцию, как наличие критериев оценки совместных действий АСЕАН[1]. Сотрудничество в области экологии для АСЕАН является ключевым в связи с климатическими особенностями региона, при этом опыт организации в этой сфере может быть интересен ЕАЭС, в котором подобные вопросы только начинают обсуждаться в интеграционной повестке.

Ситуация в ЕАЭС

На данный момент ЕАЭС удерживается исключительно в поле экономического сотрудничества. В связи с этим, исходя из упомянутой ранее закономерности, ему проще поддерживать баланс между национальными и наднациональными интересами. Но при этом даже в сфере экономики или смежных с ней сферах, в которых интеграция необходима для реализации экономических задач (например, образование, здравоохранение важны для рынка труда), часто наблюдаются противоречия между общесоюзными интересами и наднациональными. Член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике С. Ю. Глазьев отмечает: «У наднационального органа — ЕЭК — нет полномочий контролировать деятельность национальных регуляторов. И наоборот, национальные регуляторы не могут напрямую воздействовать на ЕЭК, оказывая влияние посредством своих правительств по установленным процедурам. Это порождает определенные трения в системе управления ЕАЭС, обусловленные сложностями согласования и исполнения решений» [4, с. 12].

Некоторые государства-члены ЕАЭС опасаются углубления интеграции как угрозы собственному суверенитету и последовательно выступают за первостепенную реализацию имеющихся договоренностей и только потом — углубление интеграции в других сферах. В программировании такое явление носит название feature freeze, то есть замораживание функциональных свойств, когда новые возможности не добавляются, а все внимание фокусируется на исправлении ошибок и тестировании, что позволяет улучшить стабильность программы. Например, по этой причине на заседании Высшего Евразийского экономического совета 19 мая 2020 г. был отправлен на доработку проект Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. Президент Республики Казахстан К.-Ж. Токаев призвал аккуратно подходить к вопросам расширения полномочий ЕЭК: «Включение в полном объеме таких вопросов, как здравоохранение, образование и наука, в сферу компетенций Евразийской экономической комиссии может существенно поменять ее экономическую направленность, другими словами, будет противоречить сути Договора о создании ЕАЭС от 2015 г. ... Предлагаемые в Стратегии “гармонизация и унификация” законодательства… в ряде отраслей… не отвечают принципу разумной достаточности... Стратегия ограничит суверенные права правительств и парламента»[2].

Однако мир стремительно меняется, и Договор о ЕАЭС уже не отражает всей сложности современной структуры международной экономики, например, не содержит цифровой повестки. Более того, даже для обеспечения предусмотренного Договором о ЕАЭС свободного движения рабочей силы необходимо сближение в сфере образования. Поэтому, если ЕАЭС стремится к развитию экономики и повышению уровня жизни граждан государств-членов, времени и возможности для замораживания процесса разработки новых направлений интеграции и отработки исключительно имеющихся договоренностей

[1] Paving the way towards ASEAN resilience and joint response. Accomplishment report. AADMER work programme (2010-2015) P. 37 [Электронный ресурс]. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/01/AADMER-Accomplishment-Report-2010-2015-v1.5.pdf (дата обращения: 10.11.2021).

[2] Президент Касым-Жомарт Токаев принял участие в заседании Высшего Евразийского экономического совета [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: https://www.akorda.kz/ru/events/international_community/foreign_other_events/prezident-kasym-zhomart-tokaev-prinyal-uchastie-v-zasedanii-vysshego-evraziiskogo-ekonomicheskogo-soveta (дата обращения: 16.11.2021).

нет. В таком случае наднациональные интересы должны продвигаться, необходимо находить точки соприкосновения по актуальным вопросам. В этом контексте включение в интеграционную повестку ЕАЭС вопросов цифровой трансформации демонстрирует положительный пример конвергенции наднациональных и наднациональных интересов.

Развитию интеграции в рамках ЕАЭС часто действительно препятствуют национальные интересы, которые проникают даже внутрь наднационального органа — Евразийской экономической комиссии. Так, председатель и члены Коллегии, которые назначаются решением Высшего Евразийского экономического совета на уровне глав государств, остаются очень связанными со своими государствами и продвигают национальные интересы на наднациональном уровне. Например, благодаря председательству Армении в Коллегии в течение 2016–2020 гг., стране удалось продвинуть национальную ювелирную отрасль и стать инициатором создания Евразийского ювелирного экспортного бюро, которое будет оказывать поддержку экспортерам ювелирной продукции государств — членов ЕАЭС.

К. А. Борисовская указывает на еще одну причину трудностей согласования наднациональных и национальных интересов — часто наднациональные интересы являются довольно сложными, размытыми, не поддающимися измерению категориями в отличие от четких, аксиоматичных и прозрачных национальных интересов [8, с. 593]. Очевидно, в ЕАЭС наблюдается проблема эффективного целеполагания и определения критериев выполнения тех или иных интеграционных мер. Например, в Плане мероприятий по реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. присутствуют такие мероприятия, как «проведение системной работы по мировому и региональному позиционированию Союза в контексте усилий Комиссии и государств-членов по информационному сопровождению процессов евразийской экономической интеграции»[1], что не добавляет ясности к вопросу реализации и мониторинга соответствующего направления интеграции — «Формирование Союза как одного из наиболее значимых центров развития современного мира».

О. В. Буторина и А. В. Захаров связывают сложности согласования национальных и наднациональных интересов с «гелеоцентричностью» [2, с. 59] объединения, то есть с экономическим и политическим доминированием России, что «сильно затрудняет поиск компромиссов и равнодействующего вектора действий» [Там же, с. 60], поскольку вызывает «стремление иных государств обрести большие права при принятии своих решений и относительно принизить позиции сильнейшего» [5, с. 325]. Как следствие, решения Комиссии и уведомления о нарушении государством-членом правил ЕАЭС странами игнорируются, возникают барьеры. На наш взгляд, это нормально для суверенных государств — защищать свои интересы, но в то же время это свидетельствует скорее о слабости наднациональной структуры, которой необходимы дополнительные полномочия и реформирование системы внутреннего взаимодействия.

Рекомендации для ЕАЭС

ЕАЭС следует обратить внимание как на опыт ЕС в части усиления наднациональной структуры объединения, так и на практику диалоговых механизмов АСЕАН, которые позволяют удерживать государства-члены в русле схожих интересов. Наднациональная структура должна быть независима от национальных правительств и обладать механизмами воздействия на государства-члены в случае неисполнения права ЕАЭС. Для этого следует обратить внимание на опыт ЕС, где комиссары Европейской комиссии одобряются Европейским парламентом. Кроме того, необходимо предусмотреть механизм воздействия на нарушителей по решению Суда ЕАЭС, а Евразийская экономическая комиссия должна иметь возможность обратиться в Суд ЕАЭС в случае предполагаемого неисполнения странами наднациональных норм. При этом не следует, по примеру ЕС, создавать излишний бюрократический аппарат и оказывать чрезмерное

[1] План мероприятий по реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 г., утвержденный распоряжением Совета Евразийской экономической комиссии от 5 апреля 2021 г. № 4. С. 147 // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01429229/err_17052021_4 (дата обращения: 19.04.2022).

давление на страны, вмешиваясь в их внутренние дела и лишая их законных средств из общего бюджета объединения.

Опыт АСЕАН может быть полезен для ЕАЭС, поскольку менталитет его государств-членов во многом близок восточному. ЕАЭС следует обратить внимание на создание диалоговых механизмов как по различным отраслевым вопросам, где на данный момент их нет, затруднительно или нецелесообразно создание наднациональных структур, так и по вопросам взаимодействия с партнерами ЕАЭС, например, Китаем в контексте сопряжения ЕАЭС и инициативы «Один пояс — один путь», а в дальнейшем — создание Большого Евразийского партнерства.

Кроме того, в целях эффективного целеполагания ЕАЭС следует применить технологии SMART-метода, предусматривающего постановку конкретных, измеримых, достижимых, значимых и ограниченных во времени целей. Опыт АСЕАН может быть полезен в части оценки выполнения тех или иных мер, как в вышеуказанном примере совместного реагирования на стихийные бедствия, или по принципу системы мониторинга AEC 2025 Monitoring and Evaluation (M&E) Framework, которая выстроена вокруг оценки прогресса и динамики реализации основного стратегического документа — Программы Экономического сообщества АСЕАН (ASEAN Economic Community Blueprint 2025), что особенно актуально для ЕАЭС в контексте реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 г.

Заключение

В заключение отметим, что, хотя наиболее глубокая проблема в любом интеграционном объединении — это противоречие между национальными и наднациональными интересами, это не значит, что интеграционные процессы себя исчерпали, ведь данная коллизия является нормальным явлением на любых переговорах между суверенными государствами. Как показывает сравнительный анализ опыта региональных интеграционных объединений, не существует универсального метода разрешения данной проблемы. Более того, по мнению автора, не может существовать идеальной модели гармоничного сочетания данных основ, поскольку пока существуют национальные суверенитеты, всегда будут существовать и национальные интересы, не совпадающие со странами-партнерами или наднациональными интересами. Однако ЕАЭС следует сочетать в своей практике опыт ЕС и АСЕАН как жесткого и мягкого подходов к балансированию национальных и наднациональных интересов.

Литература

1. *Афонцев С. А.* Интеграционные дилеммы Единого экономического пространства // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 6 (27). С. 117–121.
2. *Буторина О. В., Захаров А. В.* О научной основе Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая интеграция. 2015. № 2 (27). С. 52–68.
3. *Винокуров Е. Ю., Коршунов Д. А., Перебоев В. С.* и др. Евразийский экономический союз. СПб. : ЦИИ ЕАБР, 2017.
4. *Глазьев С. Ю.* О стратегических направлениях развития ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 1. С. 11–30.
5. *Киссинджер Г.* Нужна ли Америке внешняя политика? М. : Ладомир, 2002.
6. *Храмова А. В.* Стратегическое развитие Евразийского экономического союза в эпоху коронакризиса // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15. № 1 (35). С. 125–132.
7. *Balassa B.* The theory of economic integration. Homewood, IL, 1961.
8. *Borisovskaya K. A.* Foreign Economic Supranational and National Interests: Structure and Priorities // European Research Studies Journal. 2018. V. XXI, Special Issue 1. P. 590–597.
9. *Dieter H.* The Political Limits of Regional Integration. Working paper. Research Division Global Issues. 2018. WP NR. 03, December.
10. *D. Rodrik.* Put Globalization to Work for Democracies // The New York Times, 18 September 2016.

Об авторе:

Храмова Александра Владимировна, соискатель кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности РАНХиГС (Москва, Российская Федерация);
akhramova-20-05@edu.ranepa.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1419-6617

References

1. Afontsev S. A. Integration dilemmas of the Common Economic Space // Bulletin of MGIMO University [Vestnik MGIMO-Universiteta]. 2012. No. 6 (27). P. 117–121.
2. Butorina O. V., Zakharov A. V. On the scientific basis of the Eurasian Economic Union // Eurasian economic integration [Evraziiskaya ekonomicheskaya integratsiya]. 2015. No. 2 (27). P. 52–68.
3. Vinokurov E. Yu., Korshunov D. A., Pereboev V. S. [et al.]. Eurasian Economic Union. SPb. : EDB Centre for Integration Studies, 2017.
4. Glazyev S. Yu. On the strategic directions of the development of the EAEU // Eurasian integration: economics, law, politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2020. No. 1. P. 11–30.
5. Kissinger G. Does America need a foreign policy? M. : Ladomir, 2002.
6. Khramova A. V. Strategic development of the Eurasian Economic Union in the era of the corona crisis // Eurasian integration: economics, law, politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2021. V. 15. No. 1 (35). P. 125–132.
7. Balassa B. The theory of economic integration. Homewood, IL, 1961.
8. Borisovskaya K. A. Foreign Economic Supranational and National Interests: Structure and Priorities // European Research Studies Journal. 2018. V. XXI, Special Issue 1. P. 590–597.
9. Dieter H. The Political Limits of Regional Integration. Working paper. Research Division Global Issues. 2018. WP NR. 03, December.
10. D. Rodrik. Put Globalization to Work for Democracies // The New York Times, 18 September 2016.

About the author:

Aleksandra V. Khramova, Degree-seeking student of Department of international security and Russian foreign-policy activities of Faculty of national security, Institute of law and national security, RANEPA (Moscow, Russian Federation);
akhramova-20-05@edu.ranepa.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1419-6617

DOI 10.22394/2073-2929-2022-02-169-176

Государственный капитализм в России: состояние исследований (часть 1)

Журавлев О. М.[1], **Матвеев И. А.**[2, *]
[1] Лаборатория публичной социологии, Санкт-Петербург, Российская Федерация
[2] Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
* matveev-ia@ranepa.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4355-3257

РЕФЕРАТ

В настоящей статье рассматриваются основные подходы к изучению государственного капитализма в современной научной литературе, а также исследования государственного капитализма в России.

Цель. Проанализировать текущее состояние исследований, посвященных государственному участию в российской экономике, и выделить основные тенденции в этой предметной области.

Задачи. В первой части статьи рассматривается история понятия «государственный капитализм», а также исследования «нового государственного капитализма»: девелопменталистская, политическая, социальная и другие интерпретации этого явления.

Методология. В статье сопоставляются позиции авторов и выделяются группы источников.

Результаты. В первой части статьи демонстрируется, что с конца XIX в. на протяжении десятилетий понятие «государственный капитализм» обсуждалось в марксистской традиции, однако на волне кризиса 2008–2009 гг. понятие «государственный капитализм» вновь вошло в социальные науки. В современных дискуссиях выделяется несколько интерпретаций этого феномена: он рассматривается в контексте промышленной политики (стимулирования экономического роста и технологического усложнения экономики), социальной политики (предотвращения безработицы, обеспечения низких цен на определенные товары и услуги), рентоориентированного поведения элит и патронажа, внешней политики и защиты национального суверенитета, финансиализации, глобализации и др. Государственный капитализм анализируется как на микроуровне отдельных отраслей, регионов и проектов, так и на макроуровне национальных экономик в целом.

Выводы. Современные научные дискуссии о государственном капитализме образуют динамичную междисциплинарную область исследований. В рамках этой области российский случай должен рассматриваться в сравнительной перспективе.

Ключевые слова: политическая экономика, капитализм, государство, промышленная политика, рентоориентированное поведение, патронаж

Для цитирования: *Журавлев О. М., Матвеев И. А.* Государственный капитализм в России: состояние исследований (часть 1) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 2. С. 169–176.

State Capitalism in Russia: A Review Article (Part 1)

Oleg M. Zhuravlev[a], **Ilya A. Matveev**[b, *]
[a] Public Sociology Laboratory, Saint Petersburg, Russian Federation
[b] North-West Institute of Management of RANEPA, Saint Petersburg, Russian Federation;
* matveev-ia@ranepa.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4355-3257

ABSTRACT

The article reviews current scholarship and debates on state capitalism as well as studies of this phenomenon in Russia.

Aim. This article aims to review current scholarly debates on state intervention in the Russian economy and identify key positions in this field.

Tasks. In the first part of the article, we reveal the history of the concept of 'state capitalism' and review debates on the 'new state capitalism', its developmentalist, political, social and other interpretations.

Methods. This article compares scholars' positions and identifies divisions in the field.

Results. In the first part of the article, we demonstrate that the concept of 'state capitalism' has been discussed in the Marxist tradition since the late 19th century. However, the crisis of 2008-2009 marked the renewal of mainstream interest in this phenomenon. There are several interpretations of state capitalism. Industrial policy view treats state capitalism as a way of stimulating economic growth and technological development. Social policy view considers it to be an instrument of solving social problems, such as unemployment and high prices on certain goods and services. Political view envisions state capitalism as a vehicle for rent-seeking and patronage. Geopolitical view treats it as an instrument of foreign policy and the defense of national sovereignty. State capitalism is also seen as a vehicle for financialization and globalization. State capitalism is studied both on the microlevel of specific industries, regions and projects, and on the macrolevel of the national economies.

Conclusion. Current debates on state capitalism comprise a dynamic, multidisciplinary research field. Within this field, the Russian case should be investigated in the comparative perspective.

Keywords: political economy, capitalism, state, industrial policy, rent-seeking, patronage

For citing: Zhuravlev O. M., Matveev I. A. State Capitalism in Russia: A Review Article (Part 1) // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2022. Vol. 16. No. 2. P. 169–176.

Введение

Государственный капитализм сегодня находится в центре академических и политических дебатов. После долгого перерыва, когда активное участие государства в экономике считалось пережитком прошлого, понятие «государственный капитализм» вернулось на историческую сцену в контексте мирового кризиса 2008–2009 гг. В ситуации кризиса не только развивающиеся, но и развитые страны обратились к нестандартным мерам государственной поддержки экономики [7]. Пандемия COVID-19 и вызванный ею беспрецедентный кризис вновь поставили вопрос о росте государственного участия по всему миру [10; 16]. Кроме того, государственный капитализм регулярно обсуждается в связи с Китаем, в последние годы превратившимся во вторую, а по некоторым критериям и первую экономику в мире: институциональные особенности китайской экономики определяют не только ситуацию в самом Китае, но и будущее мирового капитализма в целом [11].

Тем не менее, несмотря на частоту употребления термина «государственный капитализм», не существует его консенсусного определения. Ситуация осложняется тем, что дебаты об этом понятии ведутся в разных дисциплинах с радикально отличающимися теоретическими и методологическими основаниями — в экономике, политологии, менеджменте и социологии организаций, антропологии. Наконец, понятие «государственный капитализм» выходит далеко за рамки академических споров, будучи политически окрашенным: для одних оно ассоциируется со смелой, неортодоксальной стратегией устойчивого экономического роста, для других — с опасным заблуждением, сопутствующим авторитаризму и коррупции.

Россия часто фигурирует в работах, посвященных государственному капитализму, и считается одним из его парадигматических случаев. Задача настоящего обзора — проанализировать текущее состояние исследований, посвященных государственному участию в российской экономике, и выделить основные тенденции в этой предметной области. Мы обнаруживаем, что первая волна публикаций, за некоторыми исключениями, трактовала рост государственного участия в экономике в середине — второй половине

2000-х гг. как проявление коррупции, рентоориентированного поведения элит и политического патронажа. Однако последующие исследования продемонстрировали сложность и многогранность российского государственного капитализма как с точки зрения целей, так и с точки зрения последствий государственной политики. В первой части статьи мы кратко характеризуем историю понятия «государственный капитализм» и обозначаем основные линии современной дискуссии. Во второй части мы рассматриваем работы, посвященные государственному капитализму в России и опубликованные с середины 2000-х гг., когда об этом впервые заговорили исследователи. Обзор завершается анализом перспективных направлений для дальнейших исследований.

Государственный капитализм в марксистской традиции

В своей недавней статье (2019 г.) Нейтан Спербер восстанавливает историю понятия «государственный капитализм» [15]. Он отмечает, что сам термин был впервые использован немецким марксистом Карлом Либкнехтом в 1896 г. и долгое время дискуссия о государственном капитализме велась именно в рамках марксистской традиции. Разумеется, размышления и споры о роли государства были характерны для мировой экономической мысли в течение многих веков. Целый ряд практических мер, ныне прочно ассоциирующихся с государственным капитализмом, обсуждался в меркантилистской традиции еще с XVI в. [6]. Британский премьер-министр Роберт Уолпол (1676–1745 гг.) утверждал: «Ничто так не содействует общественному благосостоянию, как импорт сырья и экспорт готовых изделий» (цит. по. [9, с. 21]). Реформы Уолпола включали субсидирование экспорта и возврат части таможенных пошлин на сырье для экспортеров готовых товаров. Сторонником протекционистской политики был также один из отцов — основателей США Александр Гамильтон, изложивший свои взгляды в «Отчете о производствах» (1791 г.). Гамильтон указывал, что в условиях международной конкуренции развитие местной промышленности на ранних этапах требует государственной поддержки и протекционистских мер [9, с. 25]. Аргумент Гамильтона о «неокрепших отраслях» (*infant industries*) получил развитие в работе немецкого экономиста Фридриха Листа «Национальная система политической экономии» (1841 г.). Меркантилизм был и остается столь влиятельным, что, по словам Дани Родрика, «история экономической науки во многом сводится к борьбе между двумя противостоящими друг другу школами мысли: “либерализмом” и “меркантилизмом”»[1].

Однако со Спербером можно согласиться в том, что именно в марксистской традиции экономическая роль государства впервые была представлена не в нормативном, а в аналитическом ключе: не в качестве рецепта, а в качестве объективно существующего феномена, который требует объяснения. Фридрих Энгельс в 1880 г. писал: «Так или иначе, с трестами или без трестов, в конце концов государство как официальный представитель капиталистического общества вынуждено взять на себя руководство производством» [2, с. 354]. Для Энгельса национализация была отражением фундаментального противоречия между все более рационально организованным производством на каждом конкретном предприятии и анархией рынка, которая при капитализме определяет отношения между предприятиями. Это противоречие, по Энгельсу, привело сначала к концентрации собственности в монополиях («трестах»), а затем к ее огосударствлению. В то же время Энгельс отметил: «Ни переход в руки акционерных обществ и трестов, ни превращение в государственную собственность не уничтожают капиталистического характера производительных сил. <…> Современное государство, какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист» [2, с. 354]. Другими словами, национализация вытесняет анархию рынка, но отнюдь не отменяет капиталистические отношения как таковые. Работники государственных предприятий эксплуатируются так же, как и работники частных предприятий. Это глубокое замечание об отсутствии противоречия между национализацией и капиталистической организацией экономики, как мы увидим, не утратило актуальности и сейчас; сходный тезис озвучивается исследователями при анализе современных форм государственного капитализма.

[1] *Rodrik D.* The New Mercantilist Challenge // Project Syndicate [Электронный ресурс]. URL: https://www.project-syndicate.org/commentary/the-return-of-mercantilism-by-dani-rodrik (дата обращения: 12.11.2021).

Растущую роль государства, уже не только в связи с противоречиями капитализма, но и в связи с потребностями военного времени, фиксировали Николай Бухарин и Владимир Ленин [15, с. 104–105]. Что интересно, в 1918 г. Ленин писал о существовании государственного капитализма в молодом Советском государстве [1, с. 305]. Споря с левыми коммунистами, он утверждал, что расширение государственно-капиталистического сектора является в российских условиях прогрессивной мерой и необходимым шагом на пути к построению социализма. Впоследствии, однако, советский официоз исключил саму возможность существования в СССР капитализма, пусть и государственного. В свою очередь, некоторые зарубежные марксисты взяли этот термин на вооружение в своих критических работах о сталинском и постсталинском СССР, однако в западном марксизме это обозначение было предметом споров. За пределами СССР термин «государственно-монополистический капитализм» применялся в марксистской традиции для обозначения послевоенных кейнсианских экономик, в которых растущее государственное вмешательство служило интересам крупного капитала [15, с. 115–116]. Марксисты также фиксировали растущую роль государства в третьем мире, однако, в отличие от западного государственно-монополистического капитализма, государство в странах глобального Юга понималось ими как самостоятельный институт, доминирующий над слабой и раздробленной буржуазией [Там же, с. 116–117]. В целом, несмотря на отсутствие последовательной теории государства в трудах Маркса и Энгельса, марксистская традиция оказалась весьма продуктивной как при анализе государства в целом — именно она вернула интерес к государству в социальных науках в 1970–1980-х гг. [3], — так и при анализе различных форм государственного вмешательства в экономику.

«Новый государственный капитализм»

В 2008 г. политический аналитик Иэн Бреммер провозгласил: «В последние годы мы стали свидетелями впечатляющего возвращения государственного богатства, государственных инвестиций и государственных предприятий. Наступила эпоха государственного капитализма» [8, с. 55]. С тех пор сформировалась междисциплинарная область исследований, явным образом ориентированная на это явление. Она фактически не имеет ничего общего с анализом государственного капитализма в марксистской традиции, что во многом обедняет интеллектуальную дискуссию [15, с. 117–118]. Современная литература по государственному капитализму опирается, с одной стороны, на исследования государства развития *(developmental state)*, которые утверждают, что в определенных условиях государство способно стимулировать экономический рост и технологическое усложнение экономики [3], а с другой стороны, на теорию общественного выбора (*public choice*), в которой государственное вмешательство воспринимается в целом негативно и объясняется через понятие рентоориентированного поведения. Интеллектуальные истоки в двух противоположных по смыслу теориях создают определенное напряжение и плюрализм мнений в научной литературе.

В экспертной и публицистической дискуссии этот плюрализм гораздо слабее — в ней доминирует второй, негативный взгляд на государственное вмешательство. Сам Бреммер отметил, что рост госсектора «создает проблемы для потребителей, потому что государственные предприятия, независимо от того, чем они занимаются — поставками нефти и газа, других полезных ископаемых, оружия или мобильных телефонов, — как правило, бывают менее производительными и менее новаторскими, чем их конкуренты из частного сектора» [8, с. 58]. По мысли Бреммера, государственный капитализм в развивающихся странах с его структурными искажениями создает многочисленные риски для развитых стран в условиях взаимозависимости национальных экономик.

В то же время неприязнь к государственному капитализму и в науке, и в публицистике, и в политике зачастую объясняется его успехами. Так, Кристофер Макналли (2013 г.) рассматривает государственный капитализм как альтернативу и даже угрозу глобальному неолиберальному капитализму [12]. По его мнению, в последнее десятилетие эта угроза стала очевидной. Она исходит из Китая и других успешных госкапиталистических стран. Макналли показывает, что Китай поставил на службу своему развитию разнообразные элементы неолиберального глобального капитализма. Открытость сфер обрабатывающей промышленности и розничных услуг иностранному капиталу, быстрое развитие рынка ценных бумаг, относи-

тельно гибкий внутренний рынок труда — все это позволило Китаю стать глобальной торговой державой. Вместе с тем росту экономической мощи этой страны способствовали и госкапиталистические принципы: субсидии и прямые инвестиции в ключевые отрасли экономики; экспортоориентированная модель роста; препятствование внутреннему потреблению с целью добиться роста сбережений и высоких темпов роста капиталовложений [12, с. 41]. Парадоксальным образом именно успешность китайской экономики воспринимается Макналли как угроза странам Запада. Ильяс Алами и Элон Диксон демонстрируют, что понятие «государственный капитализм» превратилось в геополитический маркер, ассоциирующийся с «враждебностью, опасностью, соревнованием, а также с отклонением от нормы и ненормальностью» в контексте риторики новой холодной войны, направленной, в частности, против России и Китая [5, с. 10].

И все же в целом отношение к государственному капитализму в современной науке, в отличие от публицистики, далеко не столь однозначно. Алами и Диксон указывают, что дискуссия о государственном капитализме в основном ведется в трех областях: 1) литературе по менеджменту и социологии организаций, 2) сравнительных исследованиях капитализма, в том числе в рамках подхода разновидностей капитализма (*varieties of capitalism*), 3) глобальной политической экономии [4].

Важнейшей работой в рамках первого направления является книга Альдо Мусаккио и Серджио Лаццарини «Переизобретая государственный капитализм: Левиафан в бизнесе, Бразилия и другие страны» (2014 г.) [13]. Мусаккио и Лаццарини предлагают новую типологию форм государственной собственности. Они различают три типа государственного участия: «Левиафан как предприниматель» (стопроцентная государственная собственность), «Левиафан как мажоритарный акционер» и «Левиафан как миноритарный акционер» [Там же, с. 8]. Если до неолиберальной революции 1980-х гг. в развивающихся странах доминировал первый тип, то сейчас правительства все чаще обращаются ко второму и третьему типам, предполагающим частно-государственное партнерство. Основной тезис книги заключается в том, что новые формы государственного участия во многом являются ответом на кризис старых форм. Мусаккио и Лаццарини выделяют три интерпретации государственного капитализма: 1) социальная: государственные компании призваны не только получать прибыль, но и решать социальные проблемы, такие как безработица, высокие цены на отдельные товары и услуги и т. д.; 2) политическая: государственные компании используются политиками для извлечения ренты и патронажа; 3) интерпретация с точки зрения промышленной политики: государственные компании исправляют провалы рынка, такие как недоступность кредита, проблемы координации, невыгодность, на начальных этапах, внедрения новых технологий и др. [Там же, с. 58–64]. Алами и Диксон справедливо отмечают, что этот список далеко не полный: в него следует также включить защиту политического и экономического суверенитета, геополитические цели, участие в финансиализации и глобализации и т. д. [4, с. 5]. Таким образом, на микроуровне отдельных кампаний, стратегий и политических мер государственный капитализм предстает крайне разносторонним явлением, и любые попытки выявить его «сущность» обречены на провал.

Новые формы государственного капитализма также анализируются на макроуровне. В исследовании Андреаса Нольке и др. [30] страны БРИКС объединяются термином «капитализм, пронизанный государством» *(state-permeated capitalism)* в рамках подхода «разновидностей капитализма» (*varieties of capitalism*). Нольке и др. выделяют следующие институциональные особенности экономик БРИКС: опора на внутренний рынок; ограниченная и опосредованная государством глобальная интеграция; преобладание местного капитала и инсайдерский контроль над крупными фирмами; доминирование государства в финансовой системе; низкий уровень оплаты труда [14, с. 177–189]. Нольке и др. подчеркивают, что государство в странах БРИКС не координирует экономическую деятельность централизованным образом, как в классической девелопменталистской / дирижистской модели. Скорее, экономический рост обеспечивается благодаря конкуренции региональных частно-государственных коалиций, во многом основанных на личных связях. Таким образом, децентрализация играет ключевую роль в политической экономии стран БРИКС — в большей степени в Китае и Индии, в меньшей степени в Бразилии и ЮАР. При этом, отмечают авторы, «за многочисленными формами “коррупции” скрывается эффективный механизм общей экономической координации. “Продуктивное кумовство” *(productive cronyism)*, основанное на личных отношениях взаимности, в целом перевешивает пагубные формы коррупции, такие как извлечение ренты и подкуп с целью личного

избыточного потребления» [14, с. 193]. Авторы пишут о Китае, Индии, Бразилии и ЮАР, но исключают из своего анализа Россию, поскольку она «не слишком заинтересована в национальном развитии» и представляет собой «экономику, в основном базирующуюся на извлечении ренты и практически не развивающуюся за пределами сырьевого сектора» [Там же, с. 5]. Это решение выглядит произвольным и не вполне обоснованным, особенно в свете исследований девелопменталистских практик в России, о которых мы пишем ниже.

Еще одним исследованием, в котором государственный капитализм анализируется на макроуровне, является недавняя статья Майкла Райта и др. [16]. В ней предпринимается попытка классифицировать типы государственного капитализма. Авторы определяют это понятие достаточно широко: не только как модель, в которой государство владеет ключевыми активами, но и как модель, в которой оно активно вмешивается в работу рыночного механизма. Отталкиваясь от этого определения, Райт и др. выделяют три типа государственного вмешательства: 1) владение активами, 2) интервенционистские меры (например, субсидии), 3) регулирование. В статье рассматриваются как формальные, так и неформальные практики воздействия государства на экономику. С помощью факторного анализа авторы выделяют несколько возможных сочетаний перечисленных выше параметров. Они показывают, что избранные ими критерии позволяют построить действительно осмысленную и релевантную для изучения окружающего мира модель. Так, они приводят пример Сингапура и Казахстана. В обеих странах государство владеет большим количеством активов и проводит интервенционистскую политику, однако степень вовлечения государства в регулирование рынков и сам тип регулирования значительно отличаются, что, в свою очередь, влияет на функционирование экономики [Там же, с. 8].

Наконец, все больше исследований в рамках глобальной политической экономии посвящены международным следствиям государственного капитализма на национальном уровне: глобальным инвестиционным стратегиям государственных компаний, международной роли суверенных фондов, взаимосвязи геополитических и экономических стратегий и др. [4, с. 10–11].

Заключение

В первой части нашего обзора мы рассмотрели историю понятия «государственный капитализм» и основные линии современных академических дебатов об этом феномене: анализ государственного капитализма на микроуровне отдельных компаний и на макроуровне политической экономии стран в целом. Исследования российского случая составляют часть общей дискуссии о государственном капитализме, однако обладают рядом особенностей, которые мы обсудим во второй части статьи.

Литература

1. *Ленин В. И.* Сочинения. Т. 36. М. : Политиздат, 1969.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 25. М. : Госполитиздат. 1961.
3. *Матвеев И. А.* Государство как независимая переменная: «организационный реализм» в исторической социологии и российский случай // Неприкосновенный запас. 2018. № 2. С. 34–50.
4. *Alami I., Dixon A. D.* State Capitalism (s) Redux? Theories, Tensions, Controversies // Competition & Change. 2020. No. 1 (24).
5. *Alami I., Dixon A. D.* The Strange Geographies of the ‘New’ state Capitalism // Political Geography. 2020. (82). P. 1–12.
6. *Allen W. R.* Mercantilism. London and Basingstoke : Macmillan. 1991. P. 440–448.
7. *Bremmer I.* State Capitalism Comes of Age: The End of the Free Market? // Foreign Affairs. 2009. (88). P. 40–55.
8. *Bremmer I.* The Return of State Capitalism // Survival. 2008. No. 3 (50). P. 55–64.
9. *Chang H.-J.* Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective. London : Anthem Press. 2002.
10. *Lazzarini S. G., Musacchio A.* Leviathan as a Partial Cure? Opportunities and Pitfalls of Using the State-owned Apparatus to Respond to the COVID-19 Crisis // Revista de Administração Pública. 2020. (54). P. 561–577.

11. *Liebman B. L., Milhaupt C. J.* Regulating the Visible Hand?: The Institutional Implications of Chinese State Capitalism. Oxford : Oxford University Press. 2015.
12. *McNally C. A.* The Challenge of Refurbished State Capitalism: Implications for the Global Political Economic Order // dms — der moderne staat — Zeitschrift für Public Policy, Recht und Management. 2013. No. 1 (6). P. 9–10.
13. *Musacchio A., Lazzarini S. G.* Reinventing State Capitalism: Leviathan in Business, Brazil and Beyond. Cambridge : Harvard University Press. 2014.
14. *Nölke A.* [и др.]. State-permeated Capitalism in Large Emerging Economies. London : Routledge. 2019.
15. *Sperber N.* The Many Lives of State Capitalism: From Classical Marxism to Free-market Advocacy // History of the Human Sciences. 2019. No. 3 (32). P. 100–124.
16. *Wright M.* [и др.]. State Capitalism in International Context: Varieties and Variations // Journal of World Business. 2021. No. 2 (56). P. 1–16.

Об авторах:

Журавлев Олег Михайлович, сотрудник лаборатории публичной социологии (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат социологических наук;
olegzhur@yandex.ru

Матвеев Илья Александрович, доцент, заместитель декана факультета международных отношений и политических исследований Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук;
matveev-ia@ranepa.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4355-3257

References

1. Lenin V. I. Collected Works. V. 36. Moscow : Politizdat. 1969. (In Rus.)
2. Marx K., Engels F. Collected Works. Second edition. V. 25. Moscow : Gospolitizdat. 1961. (In Rus.)
3. Matveev I. A. The State as an Independent Variable: “Organizational Realism” in Historical Sociology and the Russian Case // NZ [Neprikosnovennyi zapas]. 2018. No. 2. P. 34–50. (In Rus.)
4. *Alami I., Dixon A. D.* State Capitalism (s) Redux? Theories, Tensions, Controversies // Competition & Change. 2020. No. 1 (24).
5. *Alami I., Dixon A. D.* The Strange Geographies of the ‘New’ state Capitalism // Political Geography. 2020. (82). P. 1–12.
6. *Allen W. R.* Mercantilism. London and Basingstoke : Macmillan. 1991. P. 440–448.
7. *Bremmer I.* State Capitalism Comes of Age: The End of the Free Market? // Foreign Affairs. 2009. (88). P. 40–55.
8. *Bremmer I.* The Return of State Capitalism // Survival. 2008. No. 3 (50). P. 55–64.
9. *Chang H.-J.* Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective. London : Anthem Press. 2002.
10. *Lazzarini S. G., Musacchio A.* Leviathan as a Partial Cure? Opportunities and Pitfalls of Using the State-owned Apparatus to Respond to the COVID-19 Crisis // Revista de Administração Pública. 2020. (54). P. 561–577.
11. *Liebman B. L., Milhaupt C. J.* Regulating the Visible Hand?: The Institutional Implications of Chinese State Capitalism. Oxford: Oxford University Press. 2015.
12. *McNally C. A.* The Challenge of Refurbished State Capitalism: Implications for the Global Political Economic Order // dms — der moderne staat — Zeitschrift für Public Policy, Recht und Management. 2013. No. 1 (6). P. 9–10.

13. *Musacchio A., Lazzarini S. G.* Reinventing State Capitalism: Leviathan in Business, Brazil and Beyond. Cambridge : Harvard University Press. 2014.
14. *Nölke A.* [и др.]. State-permeated Capitalism in Large Emerging Economies. London : Routledge. 2019.
15. *Sperber N.* The Many Lives of State Capitalism: From Classical Marxism to Free-market Advocacy // History of the Human Sciences. 2019. No. 3 (32). P. 100–124.
16. *Wright M.* [и др.]. State Capitalism in International Context: Varieties and Variations // Journal of World Business. 2021. No. 2 (56). P. 1–16.

About the authors:

Oleg M. Zhuravlev, Fellow, Public Sociology Laboratory (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Sociology; olegzhur@yandex.ru

Ilya A. Matveev, Associate Professor, Deputy Dean of Faculty of International Relations and Politics of the Northwestern Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Sciences;
matveev-ia@ranepa.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4355-3257

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Цифровизация общества и система социального кредита: проблемы, перспективы : монография / колл. авт.; науч. ред. И. А. Ветренко. — СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2022. — 352 с.

В СЗИУ РАНХиГС опубликована монография «Цифровизация общества и система социального кредита: проблемы, перспективы». Международный коллектив авторов, среди которых ученые кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации и коллеги из Шанхайского административного института (Китай), отразил в монографии основные результаты исследований, которые проводились в рамках международного научного проекта в течение двух лет. Работа носит междисциплинарный характер, поскольку выполнялись исследования социологические, политологические, экономические и культурологические в отношении проблем всеобщей цифровизации общества, а также активно внедряемой в Китайской Народной Республике с 2014 г. системы социального кредита (ССК, SCS).

В монографии проанализированы и обоснованы возможности, которые дает цифровизация для решения таких задач, как повышение благосостояния граждан, доверия к органам власти и другим социальным институтам. Авторами рассмотрены вопросы государственного управления в контексте использования больших данных и цифровых следов человека. Китайские ученые представили необходимые для понимания данного явления документы, статистику, конкретные факты, а главное — подробную историю появления и становления ССК в Китае. В свою очередь, российские авторы подробно раскрывают то, как к системе социального кредита относятся в мировой науке и насколько глубоко ее исследуют. Руководителем научного проекта являлась Инна Александровна Ветренко, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой социальных технологий и директор исследовательского аналитического центра «Русская мечта» СЗИУ РАНХиГС. Издание предназначено для ученых, занимающихся изучением системы управления в цифровом государстве и интересующихся системой социального кредита и его элементами, а также для студентов всех уровней подготовки (бакалавриат, магистратура, аспирантура) социально-гуманитарного и экономического профилей.

С полным текстом монографии вы можете ознакомиться в международной научной социальной сети ResearchGate, пройдя по ссылке:

https://www.researchgate.net/publication/360997334_Digitalization_and_Social_Credit_System

ПРАВИЛА
оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией международного научно-аналитического журнала «ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА»

1. Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию электронную версию статьи в формате Microsoft Word.

Объем представляемых для публикации статей должен быть не более 40 000 знаков, но не менее 16 000 знаков с пробелами.

Оригинальность статьи должна быть не менее 65%. Все материалы проверяются системой «Антиплагиат».

2. Каждая статья должна быть сопровождена сведениями об авторе(-ах) (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город и страна.

3. Рукопись статьи должна содержать реферат (аннотацию) и ключевые слова.

Статьи без реферата (на русском и английском языках) не рассматриваются.

Реферат не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем — 250–300 слов. В реферате обязательно указываются: **Цель**, **Задачи**, **Методология**, **Результаты**, **Выводы** (по 1–2 предложения для каждого пункта), в английском варианте, соответственно, **Aim**, **Tasks**, **Metods**, **Results**, **Conclusion**.

4. Рукопись статьи должна содержать ключевые слова — 5–7 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов.

5. Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

6. Список литературы в конце статьи дается в алфавитном порядке. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод. В тексте дается ссылка в квадратных скобках, например [7, с. 625].

7. Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи.

8. Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов WordArt в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования).

Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

Формулы должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation, где их набор более корректен; также возможен набор формул в MathType … Equation.

Простые строчные формулы желательно набирать с клавиатуры, не используя формульный редактор.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Иванов Иван Иванович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация
Заведующий кафедрой ……..
Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон: (только для внутреннего пользования)

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

- ***монографии***:

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

- ***статьи в научных сборниках***:

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

- ***публикации в многотомных изданиях***:

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

- ***статьи в научных журналах***:

1. *Кириленко В. П., Дронов Р. В.* О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. *Шамахов В. А.* К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

- ***статьи в газетах***:

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

- ***правовые акты***:

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

– *архивные документы* (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

– ***электронные ресурсы оформляются следующим образом***:

1. *Манойло А. В.* Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm (дата обращения: 23.02.2016).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/ (дата обращения: 20.09.2017).

2022. Том 16, № 2

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА**

Международный научно-аналитический журнал

Выходит 4 раза в год

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Выпускающий редактор
Е. А. ЛЫСУНЕЦ
lysunets-ea@ranepa.ru

Верстка
А. Л. СЕРГЕЕНОК

Сдано в набор 15.06.2022.
Подписано к печати 30.06.2022.
Формат 84×108 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 11,25. Тираж 100 экз.
Заказ № 2/2022.

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-72803 от 25 мая 2018 г.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-72